

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1/2008

Конференция ученых
России, Индии и Китая

XVII съезд Компартии Китая.
Круглый стол в ПДВ

Современное конфуцианство
в Китае

Культура "гармоничного
социалистического общества"

Роспознавание в Республике Корея

1-й 2008

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2008

Январь - Февраль

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 6

ДОКУМЕНТЫ

Совместное коммюнике о встрече министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики..... 8

РОССИЯ—ИНДИЯ—КИТАЙ: ПРОДОЛЖЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

С. Лавров. Участникам 7-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая..... 11
Пресс-релиз 7-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая 11
С. Уянаев. Научный диалог: раунд третий..... 13

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ПДВ

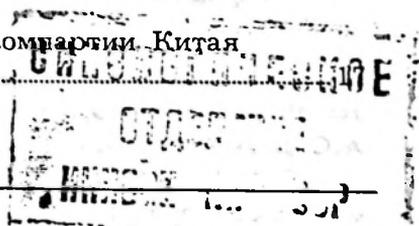
Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая (часть первая).....

© Российская академия наук, 2008 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2008 г.

1-6 экз

ПОЛИТИКА

- Н. Задерей.* Эволюция восприятия Шанхайской организации сотрудничества на Западе 62

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Л. Кондрашова.* Реформа административно-территориального устройства КНР 70

ИСТОРИЯ

- В. Ткаченко.* Уроки корейского кризиса 1968 года 82
А. Картунова. К завершению издания серии сборников документов "ВКП(б), Коминтерн и Китай". 1920 — май 1943 гг. 103

ФИЛОСОФИЯ

- Го Циюн.* Исследования современного конфуцианства в КНР 119

КУЛЬТУРА

- Линь Яньмэй.* Формирование культуры гармоничного социалистического общества 134
Ю. Гвоздикова. "Записки без названия" (XIII в.): особенности литературного дискурса в Японии 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- В. Портяков.* Конференция по проблемам Центральной Азии и Шанхайской организации сотрудничества 159
Чан Док Чжун. Россияведение в Республике Корея (на примере общественных наук) 164

НАШИ РЕФЕРАТЫ

- Ю. Галенович.* Ли Пэйлинь. Десять лекций о гармоничном обществе 177

РЕЦЕНЗИИ

- Вл. Ф. Ли.* Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга 2. 1945—2000 годы 185

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Леониду Моисеевичу Гудошникову — 80 лет 188

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Редакционная коллегия: В.Я. Портяков (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушанц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Россия—Индия—Китай: продолжение научно-практического диалога

В подборке материалов, посвященных 7-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая, публикуется приветствие ее участникам министра иностранных дел РФ С. Лаврова, пресс-релиз конференции и статья С. Ульянова о её итогах.

Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая

Этой теме был посвящен круглый стол, организованный Институтом Дальнего Востока РАН и редколлегией журнала "Проблемы Дальнего Востока". В номере публикуются материалы дискуссии ведущих экспертов-китаеведов ИДВ РАН об основных итогах съезда, в т. ч. об особенностях новой модели развития КНР, акценте на инновации, поправках к Уставу КПК, обновлении партийного руководства.

Материалы заключительной части дискуссии будут опубликованы в следующем номере.

Н. Задерей. Эволюция восприятия Шанхайской организации сотрудничества на Западе

Статья посвящена анализу стратегических интересов и политики ведущих западных держав в центральноазиатском регионе. В работе выделяются основные подходы к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в США и Европе. Рассмотрев спектр и эволюцию взглядов ведущих западных экспертов, автор приходит к выводу, что со временем ШОС может стать органичным элементом современной системы международных отношений. Однако для улучшения ее имиджа на Западе предстоит провести большую работу.

Л. Кондрашова. Реформа административно-территориального устройства КНР

Детально анализируя проведенную в последние годы в Китае "административно-территориальную" реструктуризацию, автор статьи указывает на незавершенность данной реформы, а также на непредсказуемость ее последствий: по-прежнему неясны некоторые критерии и рамки протекающей в Китае урбанизации, налицо сосуществование "унитаризма де-юре" с растущей экономической независимостью регионов.

В. Ткаченко. Уроки корейского кризиса 1968 года

В январе 2008 г. исполнилось 40 лет со времени кризиса, который возник в результате вторжения американского военного корабля “Пуэбло” в территориальные воды КНДР. Это событие едва не привело к крупному военному конфликту с участием государств, обладающих ракетно-ядерным оружием. В статье подробно рассматривается тогдашняя ситуация на Корейском полуострове, действия советского МИДа и реакция других заинтересованных сторон. Автор впервые вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся данные.

А. Картунова. К завершению издания серии сборников документов “ВКП(б), Коминтерн и Китай”. 1920—май 1943 гг.

В статье представлен краткий аналитический обзор пятитомного (в восьми книгах) издания сборников архивных документов под общим названием “ВКП(б), Коминтерн и Китай”. 1920—май 1943 гг. Автор выделяет то новое, что содержат впервые публикуемые документы по узловым проблемам стратегии и тактики РКП(б)—ВКП(б) и Коминтерна в Китае, их взаимоотношений с КПК на каждом из этапов национально-революционного движения. Особое внимание уделяется впервые публикуемым протоколам Политбюро ЦК ВКП(б), руководящих органов Коминтерна, а также руководства КПК и Гоминьдана. Включенные в пятитомник документы, отмечает автор, раскрывают стратегические цели и тактические приемы политики советского руководства в Китае, механизмы ее практического осуществления. В них также находит свое отражение многосторонняя широкомасштабная помощь Советского Союза национально-революционному движению, тесно переплетенная с дипломатической практикой.

Го Циюв. Исследования современного конфуцианства в КНР

В статье известного китайского ученого подробно рассказывается о научных мероприятиях и исследованиях, посвященных “современному новому конфуцианству” — оригинальному философскому течению, зародившемуся в XX в. Описывается история его развития — от попыток передачи ортодоксальной истины конфуцианства (“Пути”) в условиях взаимодействия с западной мыслью до современных построений, нацеленных на согласование общемировых идейных тенденций с традициями китайской интеллектуальной и духовной культуры. По мнению автора, предлагаемые современными конфуцианцами представления о взаимодействии человека и мира, о содержании ряда традиционных философских концепций (“трансцендентного” и т.п.) могут содействовать гармонизации тенденций глобализации и локализации, диалогу разных направлений мировой мысли.

Линь Яньмэй. Формирование культуры гармоничного социалистического общества

В статье известного китайского ученого подробно раскрывается содержание провозглашенного на XVII съезде КПК тезиса о формировании в Китае культуры гармоничного социалистического общества. Автор обосновывает своевременность и необходимость постановки данной задачи в качестве программного проекта, призванного соединить потенциал социально-политических иннова-

ций и национального духовного наследия, примирить интересы личности и общества, содействовать оптимальному разрешению социально-экономических противоречий и строительству социализма с китайской спецификой.

Ю. Гвоздикова. “Записки без названия” (XIII в.): особенности литературного дискурса в Японии

Автор статьи обращается к истории японской литературно-критической мысли по жанру *цукури-моногатари* (“сочиненные повествования”), к которому принадлежит один из шедевров прозы Японии — “Повесть о Гэндзи” (XI в.). В статье представлены результаты исследования литературного памятника XIII века “Записки без названия”, первой и единственной вплоть до XIX века обобщающей работы по данному жанру. Содержание “Записок” позволяет предположить, что, помимо трактатов-комментариев, которые посвящались исключительно “Повести о Гэндзи”, существовал альтернативный подход в изучении повестей. На примере “Записок” в статье рассматриваются особенности литературного дискурса в средневековой Японии, в частности, анализируются принципы осмысления сочинений *цукури-моногатари*.

Чан Док Чжун. Россиеведение в Республике Корея (на примере общественных наук)

В статье предпринята попытка отразить общие тенденции российских исследований в Республике Корея за последнее десятилетие. Показаны проблемы, существующие в данной области. Автор выдвигает конкретные предложения по дальнейшему развитию российских исследований в РК.

От главного редактора

Уважаемые читатели и авторы журнала «Проблемы Дальнего Востока»! Коллеги, друзья!

2007-й год был богат на события в том обширном регионе, жизнь которого стремится освещать наш журнал.

Заметные подвижки произошли в персональном составе правящих элит ряда стран Восточной Азии. Главой правительства Японии вместо Синдзо Абэ стал Ясуо Фукуда. Ли Мен Бак был избран президентом Республики Корея, сменив на этом посту Но Му Хена. По итогам XVII съезда существенно обновились руководящие органы правящей Коммунистической партии Китая.

Насыщенной была политическая жизнь региона. Проведение Года Китая в России способствовало дальнейшему расширению социальной базы российско-китайского стратегического партнерства. Растущую зрелость Шанхайской организации сотрудничества наглядно продемонстрировал Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС. Свое 40-летие Ассоциация стран Юго-Восточной Азии отметила принятием Хартии, регулирующей многие важные вопросы деятельности этой организации. В позитивном ключе развивается ситуация на Корейском полуострове, где следует особо выделить вторую встречу лидеров двух корейских государств.

Неоднозначно складывалась ситуация в экономике региона. Высоким темпам роста в ряде ключевых государств сопутствовало оживление инфляционных процессов, способное в самом ближайшем будущем обострить социальные трения, особенно в условиях ожидаемого притормаживания мировой экономики в целом.

С официальным утверждением Владивостока местом проведения в 2012 г. саммита лидеров экономик организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества развитие всего российского Дальнего Востока обрело еще более весомое международное измерение.

Вполне естественно, что в 2008 г. наш журнал предполагает отвести центральное место освещению актуальных проблем Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона, включая, разумеется, Дальний Восток России. В то же время, в связи с отмечаемым в конце 2008 г. 30-летием 3-го Пленума ЦК КПК XI созыва хотелось бы видеть на страницах журнала обобщающие статьи об особенностях реформ в Китае и их возможных перспективах. Наряду с обращением к разнообразной исторической тематике журнал планирует шире, чем раньше, освещать интеллектуальную жизнь стран региона. Ждем от наших авторов статей, посвященных общественной мысли и культуре Японии, Китая, корейских государств.

Мы готовы существенно расширить и публикацию материалов в таких рубриках нашего журнала, как «Дискуссии», «Научная жизнь». Ждем рецензий на новые книги по проблемам региона, в том числе на зарубежные работы. Рассчитываем, что в наступившем 2008 году журнал «Проблемы Дальнего Востока» сумеет привлечь внимание более широкого круга читателей, оставаясь в то же время профессиональным научным изданием, адресованным российским и зарубежным специалистам по проблемам Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Главный редактор ПДВ

Владимир Портяков

Документы

Совместное коммюнике о встрече министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики

24 октября 2007 года в Харбине (Китай) состоялась встреча министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики.

Министры позитивно оценили важную роль, которую играет механизм встреч министров иностранных дел в укреплении доверия и взаимопонимания, в расширении контактов и сотрудничества между тремя странами. Они убеждены, что трехстороннее сотрудничество имеет прекрасные перспективы для развития. Министры подтвердили, что трехстороннее сотрудничество не направлено против какой-либо третьей страны или организации и что оно нацелено на содействие гармонии и взаимопонимания в мире, на нахождение большего числа точек соприкосновения в условиях существующего разнообразия интересов.

Министры обменялись мнениями о ситуации на международной арене и подтвердили намерение руководствоваться принципами и целями Устава ООН и другими общепризнанными принципами международного права. Они также подчеркнули, что будут и впредь содействовать демократизации международных отношений и становлению более справедливого и рационального международного порядка.

Министры полагают, что развитие России, Индии и Китая вносит весомый вклад в дело мира и развития в регионе и на всей планете и благоприятствует процессу формирования многополярного мира. Три государства выбрали свой путь развития в соответствии со своей внутренней обстановкой и историческим опытом, обогатив многообразие мировой цивилизации и моделей развития мира. По мере своего поступательного развития и усиления роли в международных делах Россия, Индия и Китай будут и впредь вносить вклад в дело обеспечения мира, безопасности, стабильности и процветания во всем мире.

Министры убеждены, что в целях сохранения цивилизационного многообразия и укрепления взаимопонимания представляются целесообразными дальнейшие шаги по усилению многостороннего сотрудничества в деле налаживания межцивилизационного диалога.

Министры обратили внимание на то, что глобализация способствует налаживанию более тесных взаимосвязей и углублению взаимозависимости между всеми странами и что в решении насущных проблем современности и противодействии новым вызовам и угрозам необходимо придерживаться многосторонних и коллективных подходов. Разделение по идеологическим или ценностным признакам идет вразрез с тенденциями современной эпохи и не способствует решению различных глобальных проблем, стоящих перед международным сообществом.

Министры подчеркнули, что ООН является самой представительной и авторитетной международной организацией. Для того чтобы более действенно отвечать на проблемы и вызовы, с которыми сталкивается международное сообщество, представляется важным усилить роль ООН, повысить эффективность ее работы и осуществить всеобъемлющую реформу Организации. Министры иностранных дел России и Китая вновь подтвердили, что их страны придают важное значение статусу Индии в международных делах, понимают и поддерживают стремление Индии играть еще более видную роль в ООН.

Министры заявляют, что их страны придают большое значение проблеме изменения климата и вновь подтверждают приверженность принципам и положениям Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотского протокола, в том числе принципу "общей, но дифференцированной ответственности". Они указали на свою приверженность Конвенции и Киотскому протоколу в качестве главных рамок решения проблем изменения климата и договорились о том, что их страны примут активное участие в Конференции сторон Конвенции и Протокола, которая пройдет на о. Бали (Индонезия) в декабре 2007 года. Министры заявили о намерении трех сторон укреплять техническое сотрудничество в ходе осуществления Конвенции и Киотского протокола, включая адаптацию к изменениям климата, повышение эффективности использования энергоресурсов и освоение возобновляемых источников энергии.

Министры выступили с решительным осуждением терроризма во всех его формах и проявлениях. Никакой террористический акт не может расцениваться по-разному, ничто не может служить предлогом для оправдания терроризма и его мотивов. Международное сообщество обязано объединить усилия в деле борьбы с терроризмом на долгосрочной, прочной и всеобъемлющей основе. Необходимо крепить коллективные действия мирового сообщества в рамках "Глобальной контртеррористической стратегии" ООН и при центральной и координирующей роли ООН и ее Совета Безопасности. Недопустимо использование практики двойных стандартов. Необходимо в скорейшие сроки завершить работу над проектом "Всеобъемлющей конвенции ООН о международном терроризме". Стороны выразили готовность к дальнейшей координации их действий в борьбе с любыми факторами, порождающими терроризм, в том числе с его финансированием, нелегальным оборотом наркотиков и транснациональной организованной преступностью.

Министры подробно обсудили ситуацию в азиатском регионе. Они считают, что основными факторами в становлении ситуации в Азии являются мир, развитие и сотрудничество. Азия — один из наиболее динамично развивающихся регионов, демонстрирующих самые высокие темпы экономического роста в современном мире. Вместе с тем, Азия сталкивается с такими острыми проблемами, как неровное развитие и нетрадиционные угрозы безопасности. Министры заявили, что Россия, Индия и Китай будут усиливать сотрудничество во всех об-

ластях, в том числе координацию в рамках региональных организаций и диалоговых структур, на благо народов Азии.

Министры согласились, что необходимо создать механизм трехсторонних межмидовских консультаций на уровне руководителей департаментов или отделов в целях укрепления координации и сотрудничества трех стран по региональным и международным вопросам и реализации договоренностей, достигнутых на встречах министров иностранных дел.

Министры иностранных дел обсудили положение с налаживанием сотрудничества в экономической и культурной областях. Они считают, что практическое сотрудничество в этих сферах характеризуется наличием очень большого потенциала и взаимодополняемостью.

Министры согласились, что необходимо создать рабочие механизмы трехсторонних консультаций по сельскому хозяйству, предупреждению стихийных бедствий и ликвидации их последствий, медицине и здравоохранению на уровне руководителей департаментов или отделов соответствующих ведомств для изучения конкретных путей и форм развития сотрудничества в целях освоения сельскохозяйственных ресурсов, обработки сельхозпродукции, проведения НИОКР, укрепления потенциала и применения технологий при ликвидации последствий стихийных бедствий, обмена информацией по вопросам профилактики инфекционных заболеваний и в области традиционной медицины и т.д.

Министры иностранных дел положительно оценили значение встреч ученых России, Индии и Китая, способствующих укреплению взаимопонимания и сотрудничества между тремя странами, высказались в поддержку дальнейшего расширения всех форм общения и сотрудничества между учеными. Министры приняли во внимание предложение Индии организовать семинар по вопросам геополитических и стратегических тенденций и их развитию с участием государственных должностных лиц и ученых и решили провести его в 2008 году.

Министры иностранных дел выразили удовлетворение итогами состоявшейся встречи и договорились провести свою следующую встречу в России.

Харбин, 24 октября 2007 г.

Россия—Индия—Китай: продолжение научно-практического диалога

Участникам 7-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая

Сердечно приветствую участников 7-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая, собравшихся в Москве.

Ваша встреча проходит на фоне заметной активизации сотрудничества в формате "тройки". В феврале в Нью-Дели и 24 октября в Харбине прошли встречи министров иностранных дел. В декабре в индийской столице деловые крути трех стран соберутся на свой первый форум. Такой график трехстороннего диалога наглядно демонстрирует укрепляющийся настрой России, Индии и Китая на то, чтобы качественно углублять координацию и взаимодействие, нацелить их на конкретные практические дела.

Перед академическим сообществом трех стран встает новая, более ответственная задача, связанная с сопровождением с экспертного "угла" движения России, Индии и Китая навстречу друг другу. Крепкое "плечо" ученых трех стран — залог того, что этому процессу нам сообща удастся придать необходимый темп и качество. Убежден, что ваша Конференция послужит достижению этой цели.

*Министр иностранных дел РФ
С. Лавров*

Пресс-релиз 7-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая

7-я трехсторонняя конференция ученых России, Индии и Китая состоялась в Москве 25—26 октября 2007 г. Ядром участников форума, как и на шести предыдущих конференциях, явились представители Китайского института международных проблем (г. Пекин), Института китайских исследований (г. Дели) и Института Дальнего Востока Российской академии наук (г. Москва).

Конференция в столице ознаменовала начало третьего раунда ежегодных встреч ученых трех стран, которые последовательно проводятся в Москве, Пекине и Дели.

Отличительной чертой московской конференции явился тот факт, что она прошла на фоне важных итогов состоявшейся накануне в Харбине третьей отдельной неформальной встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. Очередная встреча глав внешнеполитических ведомств, впервые прошедшая в КНР, стала новым шагом в деле развития трехстороннего партнерства, которое не является направленным против кого-либо союзом, служит делу международного мира и интересам внутреннего социально-экономического развития трех государств. Ученые с удовлетворением восприняли высокую оценку их шестилетней работы, данную в Совместном коммюнике по результатам встречи в Харбине, а также в специальном приветственном письме, с которым в адрес 7-й конференции обратился министр иностранных дел РФ С. Лавров.

В ходе дискуссий делегаты проанализировали начальный этап трехстороннего сотрудничества в контексте динамики международной обстановки и характерных особенностей, связанных с позициями трех стран в мировой политике и экономике. Была подчеркнута целесообразность дальнейшей и все более эффективной координации действий по отстаиванию приоритетов многополярного мироустройства, многосторонней дипломатии, укрепления глобальной и региональной безопасности при сохранении самостоятельности и независимости каждой из трех сторон.

Конференция предметно обсудила состояние дел в двусторонних отношениях между Россией, Индией и Китаем, которые являются признанной базовой основой их взаимодействия в трехстороннем формате.

Темой дискуссий стал также вопрос формирования практических инструментов сотрудничества, в связи с чем была отмечена важность принятого в Харбине решения создать координационный механизм по линии МИДов трех стран на уровне руководителей департаментов или отделов, а также аналогичные механизмы сотрудничества по линии министерств сельского хозяйства, по чрезвычайным ситуациям, медицины и здравоохранения.

Предложения, сформулированные учеными трех стран на московской конференции, являются отражением благоприятного, в том числе в ряде случаев пока не задействованного, потенциала трехстороннего сотрудничества, который связан с такими областями как:

- дальнейшее укрепление внешнеполитического взаимодействия;
- развитие двусторонних отношений в формате “Россия — Китай — Индия”;
- оптимизация процессов институционализации трехстороннего сотрудничества.

На основе точек зрения, высказанных учеными трех стран, на заключительном заседании были приняты следующие рекомендации:

- Институты — участники конференции в той или иной форме опубликуют материалы заседаний 7-й встречи в Москве;
- Институты представят материалы конференции правительственным органам своих стран.

По общему мнению участников конференции, продолжение трехстороннего диалога ученых характеризует собой новую ступень в их научном взаимодействии, в контексте чего было выдвинуто предложение о создании виртуальной научной рабочей группы или подразделения. Такая группа, возглавляемая учеными Института, ответственного за организацию очередной конференции,

могла бы предлагать темы совместных исследовательских проектов, выпускать в той или иной форме информационный бюллетень по основным событиям, связанным с трехсторонним сотрудничеством, а также координировать другие виды деятельности в периоды между конференциями.

Ученые дали высокую оценку работе по организации и проведению 7-й конференции, проделанной российской стороной, а также с благодарностью приняли приглашение китайской делегации принять участие в следующей трехсторонней конференции, которая пройдет в 2008 г. в Китае.

Научный диалог: раунд третий (7-я трехсторонняя конференция ученых-политологов России, Индии и Китая)

© 2008

С. Уянаев

Начиная с 2001 г. осень стала традиционным временем проведения ежегодных конференций политологов России, Индии и Китая, на которых ведется заинтересованный научный диалог по различным аспектам трехстороннего взаимодействия этих крупнейших государств Евразии.

25—26 октября 2007 г. ученые собрались в Москве, имея за плечами уже шесть совместных встреч, последовательно проведенных в столицах каждой из стран. Московский форум, по сути, открыл уже третий раунд конференций¹.

За истекшие годы проделана немалая работа, установлены прочные научные, да и просто личные контакты. Поэтому среди участников 7-й конференции, как и прежде представлявших в основном ИДВ РАН, Институт китайских исследований Индии (ИКИИ) и Китайский институт международных проблем (КИМП), было много тех, кто знаком друг с другом не первый год, не раз участвовал в откровенном обмене часто схожими мнениями. Это позитивно сказывалось раньше, неизменно по-доброму влияет на атмосферу конференций и сейчас.

В каждой из делегаций сегодня есть и своего рода “ветераны движения” — Т.Л. Шаумян (Институт Востоковедения — ИДВ РАН), доктор Алка Ачария (ИКИИ) и профессор Ма Цзяли (Китайская академия современных международных отношений) принимали активное участие во всех проведенных конференциях.

Роль трехсторонних конференций не исчерпывается возможностью для ведения представительной и регулярной научной дискуссии, что важно само по себе.

С самого начала ключевой задачей форумов, среди участников которых немало высокопоставленных в прошлом дипломатов, стал анализ практических перспектив, возможностей и направлений сотрудничества России, Индии и Китая; он в свою очередь служит основой для рекомендаций, представляемых делегациями в государственные и правительственные структуры своих стран. Не

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

случайно, в приветственном письме, направленном в адрес 7-й московской конференции, министр иностранных дел РФ С. Лавров высоко оценил вклад ученых в развитие трехстороннего сотрудничества, выразив надежду, что их “научное плечо” будет и впредь одной из опор в этом процессе. Столь же позитивная оценка шестилетней работы конференций дана в отдельном пункте Совместного коммюнике по результатам встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, которая прошла в Харбине² 24 октября, как раз в канун московской конференции.

Совпадение во времени проведения 7-й конференции и встречи в Харбине наложило заметный отпечаток на ход проведенных дискуссий. Положения очередного совместного коммюнике трех глав внешнеполитических ведомств обсуждались по первым следам и впечатлениям.

Но даже в режиме “с колес” участники были едины во мнении, что встреча трех министров, впервые прошедшая в КНР, стала новым заметным шагом в дальнейшем продвижении трехстороннего сотрудничества — модели партнерства, которая не является направленным против кого-либо союзом, служит делу международного мира и интересам внутреннего социально-экономического развития трех государств. При этом делегаты выделяли такие пункты согласованной позиции трех стран, как многополярный мир, центральная роль ООН, необходимость их усилий трех стран по решению ряда актуальных мировых и региональных проблем, институциональные вопросы трехстороннего сотрудничества.

Повестка дня 7-й конференции, тема которой была сформулирована как “Трехстороннее сотрудничество. Итоги начального этапа, возможности и проблемы ускорения”, включала три главных дискуссионных блока.

В рамках открывавшего конференцию заседания делегаты обсудили первый из них — *“Начальный этап трехстороннего сотрудничества в контексте динамики международной обстановки и характерных особенностей, связанных с позициями трех стран в мировой политике и экономике”*.

По итогам обсуждений была подчеркнута целесообразность дальнейшей и все более эффективной координации действий по отстаиванию общих для всех трех стран приоритетов многополярного мироустройства, многосторонней дипломатии, укрепления глобальной и региональной безопасности при сохранении самостоятельности и независимости каждого из трех государств. При этом отмечалась целесообразность скоординированной деятельности сторон на уровне официальных лиц и экспертов не только в рамках постоянно действующих международных организаций, прежде всего ООН, но и на полях регулярных мировых и региональных форумов (G 8, АТЭС, ВАС, АРФ и т.д.).

В контексте темы о реформировании ООН делегаты с удовлетворением отметили, что пункт о поддержке Индии в качестве одного из наиболее достойных кандидатов на место в расширенном составе Совета Безопасности этой универсальной организации присутствует в харбинском коммюнике.

В числе затронутых проблем настойчиво прозвучала тема межцивилизационного диалога. Как подчеркивали ученые, Россия, Индия и Китай как носители традиций самобытных цивилизаций в ходе своего трехстороннего взаимодействия способны внести существенный вклад в важное дело налаживания неконфронтационного общения и диалога различных цивилизаций и культур.

Конференция предметно обсудила *состояние дел в двусторонних отношениях между Россией, Индией и Китаем*, которые являются признанной базой основой их взаимодействия в трехстороннем формате (Вторая сессия).

Отмечая позитивный характер развития двусторонних отношений по всем трем линиям “треугольника”, авторы основных докладов и дискуссионты обосновано сконцентрировали внимание на проблемных местах и сохраняющихся “болевых точках”. Речь, в частности, шла о проблемах китайско-индийских отношений, включая тематику Пакистана и, прежде всего, территориально-пограничного спора.

К другим сюжетам проблемных пунктов в двусторонних связях “внутри тройки” следует отнести обсуждение относительно низкого уровня торгово-экономических отношений, который в разной степени присущ пока каждой из трех линий и в определенной степени лимитирует фундамент не только двусторонних отношений, но и их трехсторонний формат.

Был высказан ряд предложений, связанных с более глубоким анализом сфер реальной взаимодополняемости экономик и концентрацией усилий на данных направлениях, включая, в частности, область высоких технологий. Говорилось о задаче оптимизации внутренних моделей управления внешнеэкономическими связями, взаимной адаптации таких моделей, исходя из учета интересов конкретных субъектов экономического сотрудничества — государственных компаний, корпоративного и частного секторов, а также о необходимости преодоления бюрократических и других субъективных барьеров.

Специальной темой дискуссий стал вопрос *формирования практических инструментов сотрудничества (Третья сессия)*, в связи с чем была отмечена этапная важность принятого в Харбине решения создать “координационный механизм по линии МИДов трех стран на уровне руководителей департаментов”, а также аналогичные механизмы сотрудничества по линии министерств сельского хозяйства, по чрезвычайным ситуациям и здравоохранения.

В числе других предложений относительно механизмов сотрудничества указывалось на возможность создания в каждой из стран координационных центров по трехстороннему сотрудничеству (возможно, в свете харбинского коммюнике — на базе мидовских групп), использование структурных и профессиональных наработок, а также кадрового потенциала соответствующих двусторонних комиссий и экспертных подразделений.

Большое значение делегаты придали необходимости создания механизма сотрудничества между деловыми кругами, непосредственным контактам корпоративных кругов трех стран. В этой связи ученые отметили важность пункта Совместного коммюнике в Харбине, где говорится о трехсторонней встрече бизнесменов в рамках Делового совета в Дели, идея которого официально была оглашена еще в 2004 г.

В качестве перспективной площадки практического взаимодействия трех стран в очередной раз упоминалась Шанхайская организация сотрудничества, которая уже сегодня дает возможность для дополнительных контактов их официальных представителей.

Можно сказать, что в суммарном виде предложения, сформулированные учеными трех стран на московской конференции, являются отражением благоприятного, в том числе в ряде случаев пока не задействованного, потенциала трехстороннего сотрудничества и не случайно связаны с дальнейшими шагами в таких областях, как международная политика, культурно-цивилизационный диалог, экономическое партнерство, в том числе по всем трем линиям двусторонних отношений, а также оптимизация организационных форм взаимодействия.

Как отмечено в согласованном пресс-релизе конференции, ученые договорились продолжить скоординированную работу по проблематике трехстороннего сотрудничества, включая дальнейшие внутренние исследования различных его аспектов, согласование новых разработок, различные формы обмена мнениями и материалами.

Участники конференции были единодушны, что ее итоги могут быть оценены как вполне успешные. По завершении форума участники посетили Совет Федерации РФ, а также были приняты в МИД России. В ходе состоявшихся бесед заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации В.Н. Лихачев и член Комитета И.А. Рогачев, а также заместитель министра иностранных дел РФ А.П. Лосюков высоко оценили работу ученых, в том числе в рамках 7-го форума, отметили важность продолжения их научного диалога.

Участников следующей, 8-й конференции, в 2008 г. теперь будут ждать всегда неизменно гостеприимные китайские партнеры. Соответствующее приглашение было с благодарностью принято российскими и индийскими делегатами.

Серьезным стимулом для продолжения совместной работы ученых является высокая степень ее востребованности в деле дальнейшего качественного продвижения сотрудничества России, Индии и Китая. «Должен сказать, — подчеркнул в этой связи в ходе российско-индийского саммита в ноябре 2007 г. президент РФ В.В. Путин, — что это практическое сотрудничество имеет и серьезное интеллектуальное сопровождение. Политологи трех стран не только договариваются о встрече — обмениваются идеями и закрепляют их в совместных перспективных разработках с рекомендациями для политического уровня, с рекомендациями того, как могло бы строиться взаимодействие в трехстороннем формате в ближайшей, среднесрочной и в долгосрочной перспективе. Мы удовлетворены тем, как идет работа»³.

1. Материалы предыдущих конференций см.: Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления. М.: ИДВ РАН, 2004. Т.1—2; Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 6—25; 2005. № 5. С. 11—31; 2007. № 1. С. 16—32.
2. Совместное коммюнике о встрече министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики. Харбин, 25.10.2007. — http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FE8D3E7E723B9959C325737F002AEE01.
3. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-индийских переговоров, 12 ноября 2007 г. Москва, Кремль. http://www.kremlin.ru/appears/2007/11/12/1858_type63377type63380_150937.shtml.

Круглый стол в ПДВ

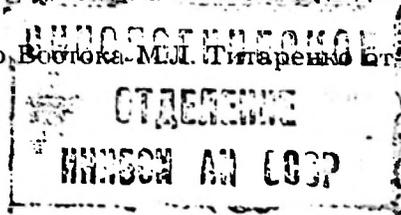
Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая

От редакции. 12 ноября 2007 г. в ИДВ РАН был проведен круглый стол Института Дальнего Востока РАН и журнала "Проблемы Дальнего Востока", посвященный обсуждению особенностей и итогов XVII съезда Коммунистической партии Китая и 1-го пленума ЦК КПК XVII созыва, избравшего обновленный состав руководящих органов КПК (Пекин, 15—22 октября 2007 г.). Приняли участие в обсуждении или представили письменные аналитические материалы около 30 человек. Ряд выступлений приводится в сокращенном виде. Выдержки из документов съезда даются по их публикации в изданиях Агентства "Синьхуа".

Портяков В.Я. (д.э.н., зам. директора ИДВ, главный редактор журнала "Проблемы Дальнего Востока")

Уважаемые коллеги! С учетом вполне удачного опыта проведения "круглого стола" журнала "Проблемы Дальнего Востока" по итогам предыдущего XVI съезда КПК (результаты обсуждения были опубликованы в 1-м номере за 2003 г.) я предлагаю осветить в ходе нашей дискуссии следующий круг вопросов. Во-первых, внутренний и международный контекст XVII съезда КПК, основные параметры съезда и его общая оценка. Во-вторых, идейно-теоретическая платформа съезда, акценты, приоритеты, новации доклада Ху Цзиньтао и поправок в Устав КПК. В-третьих, политическая линия и существо решений съезда по наиболее важным конкретным направлениям, в том числе в партийно-политической сфере, по социально-экономической проблематике, по армейскому строительству, отношениям с Тайванем и внешней политике. В-четвертых, обновление руководящего состава Коммунистической партии Китая и в-пятых — реакция на XVII съезд КПК в России, возможные последствия решений съезда для российско-китайских отношений.

Приглашаю директора Института Дальнего Востока М.И. Тигаренко открыть обсуждение.

“Первая пятилетка” Ху Цзиньтао. Акцент на внутренние интересы страны. Обновление модели развития. Внутренние и внешние вызовы

Титаренко М.Л. (академик, директор Института Дальнего Востока РАН)

Прежде всего хотелось бы горячо одобрить инициативу главного редактора нашего журнала В.Я. Портякова по обсуждению итогов XVII съезда КПК.

Творческое обсуждение важнейших событий в развитии российско-китайских отношений и в жизни нашего великого восточного соседа стало доброй традицией сотрудничества Ученого совета Института и редакции журнала “Проблемы Дальнего Востока”.

Как представляется, наша задача — не в том, чтобы выносить вердикты по поводу тех или иных действий китайского руководства. Она состоит в необходимости глубокого экспертного анализа реальных процессов, идущих в КНР, в выявлении различных положительных и отрицательных аспектов опыта КПК — опыта, который может быть полезен и поучителен для нас в России.

Как эксперты-китаеведы мы призваны показать, какое влияние могут оказать решения XVII съезда КПК на развитие российско-китайских отношений и общую ситуацию в мире.

Безусловно, XVII съезд — крупнейшее этапное событие внутренней жизни Китая и его правящей партии. КПК стала самодостаточной мощной политической организацией, объединяющей передовых представителей различных слоев китайского народа. Она насчитывает в своих рядах более 70 млн чел. В совокупности это гораздо больше, чем имело в свое время мировое коммунистическое движение.

На наш взгляд, линия КПК во внутренних и международных делах ориентируется на интересы Китая и только Китая, и это четко проявилось в работе съезда. Не случайно важнейшими пунктами повестки дня стали вопросы внутреннего развития Китая, проблемы осуществления всесторонней комплексной модернизации страны, коренного улучшения качества жизни ее населения и создания международной обстановки, благоприятной для развития Китая и мирного объединения Родины, т.е. решения тайваньской проблемы.

Съезд проходил на фоне больших успехов в экономическом развитии страны. По основным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства, включая металлургию, машиностроение, производство сельскохозяйственных продуктов (таких как зерновые, бобы, молоко, мясо, яйца) Китай занял твердые лидирующие позиции в мире. Наши китайские друзья законно гордятся достижениями своей страны.

Вместе с тем, если исходить из самого духа принятых на съезде документов, ощущается стремление руководства КНР реалистически воспринимать эти достижения. Ведь феноменальные цифры роста показателей ВВП приходится делить на не менее внушительные показатели численности населения. В результате Китай по производству продукции на душу населения оказывается вне первой сотни стран мира.

Съезд проходил в обстановке стабильности и большого духовного подъема, связанного с широкомасштабной кампанией за развитие новой культуры и лучших традиций китайской цивилизации, за утверждение нравственных прин-

ципов “8 благородных и 8 позорных дел”, выдвинутых Генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтао.

Общий фон внутреннего развития в КНР, однако, не однозначен. Как свидетельствуют материалы китайской печати, исследования ученых КНР и официальные заявления, выдающиеся достижения КНР на экономическом, социальном, политическом и других направлениях не означают преодоления всех основных проблем. Да, действительно, в КНР решена проблема “вэньбао”, т.е. прожиточного продовольственного минимума. Впервые в истории Китая огромная масса населения обеспечена на минимальном уровне одеждой, жильем. Это грандиозное достижение. Но оно не означает коренного изменения качества жизни сотен миллионов граждан КНР, особенно в сельской местности. Быстрый ход реформ, фантастическая скорость и размах урбанизации, когда за 10 с небольшим лет в городской образ жизни было включено свыше 200 млн чел., во весь рост поставили проблему создания полноценной комплексной системы социальной защиты горожан. Потребности развития страны актуализировали и другую острую задачу, связанную с созданием современной системы образования и здравоохранения в деревне, обеспечением минимума социальной защиты сельских тружеников. Все это задачи огромного значения и для обеспечения выхода Китая на новый уровень социально-экономического развития, и в целом для его будущего.

Согласно официальным китайским документам, решение этих задач приведет к построению *полного общества средней зажиточности*. Определены рубежи достижения этой цели — 2020 г., что близко совпадает со столетием КПК.

К этому времени предполагается решить практическую задачу — учетверить среднедушевой валовой внутренней продукт, довести его до 4 тыс. долл. в год. Это на порядок ниже нынешнего уровня развитых государств, но для Китая равнозначно грандиозному скачку вперед. Значит, сопоставление китайских планов с показателями высокоразвитых стран и ныне, и в будущем должно, как кажется, носить лишь ориентировочный, относительный характер. Наличие ряда специфических обстоятельств модернизации Китая, которые связаны с огромным населением, ограниченностью ресурсов, в том числе земельных и водных, требует выработки иной модели и иных уровней качественного удовлетворения здоровых потребностей общества. Трудно представить последствия, если бы Китай на этом фоне позаимствовал американскую модель автомобилизации или расточительные критерии американского потребительского общества. Одновременно следует помнить, что успехи и высокие темпы продвижения Китая по пути модернизации, по сути, оплачены рядом вновь возникших противоречий, к которым относятся разрыв между ушедшими далеко вперед приморскими районами и сравнительно отсталыми внутренними районами, серьезный разрыв в уровнях доходов населения, разрыв в уровнях развития и качества жизни города и деревни, наличие противоречий в распределении доходов между центром и регионами, серьезное загрязнение окружающей среды. Все эти новые проблемы не являются результатом чьих-либо личных ошибок, они объективны, возникли как следствие высоких темпов развития и огромных масштабов экономического строительства и требуют комплексного всестороннего изучения и регулирования.

Именно осознание руководящими кругами и научной общественностью КНР актуальности данных проблем вызвало к жизни “концепцию научного развития”, которую выдвинул Ху Цзиньтао. Эта концепция призвана на базе реалистического анализа ситуации, оптимального выбора между “выигрышами” и

“потерями” создать идейно-теоретическую основу решения текущих противоречий модернизации, дать правильную идеологическую ориентацию членам партии и населению. Естественно, что эта концепция включена в программные документы КПК в качестве руководящей идеологии.

На мой взгляд, нынешняя интерпретация “концепции научного развития” (в буквальном переводе — “научного взгляда на развитие”) представляет собой сочетание принципов диалектики как составной части марксистско-ленинской теории с традиционной китайской диалектикой — даосизмом, а именно с идеей “и фэн вэй эр, хэ эр вэй и” — “разделение единого и сочетание противоположностей в единое”. Причем на нынешнем этапе развития акцент делается именно на единстве противоположностей, и в этом плане актуально звучит конфуцианская идея о гармонии в сочетании с многообразием, или “хэ эр бу тун”. Эта идея “гармонии” противоположностей находит выражение в идейной ориентации КПК как в вопросах построения китайского общества, так и в части международных отношений. Не случайно идея “гармонизации”, являющаяся основой не только для разрешения внутренних противоречий и проблем между материком и Тайванем, но и для развития взаимоотношений Китая с внешним миром, нашла отчетливое отражение в документах XVII съезда КПК. Возможно, такой подход выглядит отчасти утопическим. Это — как бы некий идеал, к которому надлежит стремиться в политической практике, он может рассматриваться как поиск политических решений на основе компромиссов, через выявление общности интересов и создание базы для соразвития, сопроцветания.

Внешнеполитическая часть документов XVII съезда КПК ориентируется прежде всего на интересы обеспечения благоприятных условий для развития Китая и мирного воссоединения с Тайванем на основе концепции “одна страна — две системы”. Международный раздел в Отчетном докладе, зачитанном Ху Цзиньтао, не случайно носит скорее подчиненную, служебную роль и поставлен после рассмотрения всей совокупности внутренних проблем, включая обеспечение единства Родины, т.е. тайваньский вопрос. Здесь четко просматривается верность завету Дэн Сяопина, по которому Китаю необходимо сосредоточиться на решении “собственных проблем” и “не стремиться” что-либо возглавлять в мировом масштабе.

Общая ситуация в этом плане характеризуется известной китайской формулой “мира и развития”. Упоминается и наличие определенных деструктивных тенденций, вызванных политикой гегемонизма и международным терроризмом. Однако абсолютный приоритет оставлен именно за тезисом мира и развития. Китай видит себя неотъемлемой частью процесса экономической глобализации и не стремится противопоставить себя каким-либо союзам или блокам, подчеркивая неуклонность следования курсу самостоятельности и независимости во внешней политике.

Примечательно также отсутствие упоминания каких-либо стран, блоков или международных организаций. В докладе не упомянута даже Шанхайская организация сотрудничества, одним из инициаторов и создателей которой был именно Китай. Короче говоря, и во внутренней, и во внешней политике абсолютный приоритет отдается сотрудничеству, созданию максимально благоприятных предпосылок для мирного развития Китая. Некогда популярная в работах китайских политологов идея “мирного возвышения” Китая ныне заменена идеей мирного развития, что препятствует глашатаям тезиса о “китайской угрозе” изображать Китай пугалом, приравнивая его “возвышение” к гегемонизму.

Документы съезда позволяют сделать вывод, что, по мысли китайского руководства, рост авторитета Китая в мире, укрепление его международных позиций должны проходить параллельно с успехами внутреннего развития. В этом плане особенно важен акцент на стремление КНР к “совместному развитию” и “совместному процветанию”. Именно эти идеи лежат в основе подходов, отражающих “трехмерное” внешнеполитическое видение: мир развитых стран, соседние страны и развивающиеся страны.

Документы XVII съезда проникнуты убежденностью и уверенностью КПК в своей способности с помощью “мягкой силы” решить грандиозные задачи: модернизации страны, построения “под знаменем идей социализма с китайской спецификой” полного общества средней зажиточности, мирного объединения Родины и создания гармоничных отношений со всеми странами.

Хотелось бы указать и на некоторые новые проблемы, которые впервые столь четко сформированы в документах КПК. Это прежде всего ориентация на смену модели развития, переход от экстенсивной модели к интенсивной. В этой связи упор делается на развитие фундаментальных наук, подъем культуры, образования и создание общества инновационного типа, т.е. общества экономики знаний. Это весьма важная новаторская идея, заслуживающая, чтобы к ней внимательно присмотрелись и политики России.

Следующая проблема, неразрывно связанная с высокими темпами развития Китая, представляет собой своеобразную плату за развитие и его побочный продукт — ухудшение экологической ситуации. Ученым нашего Института, как мне представляется, необходимо уделить самое серьезное внимание дальнейшему изучению этого очень важного вопроса, который касается не только Китая, но и может влиять на экологическую ситуацию в приграничных районах России.

Наконец, еще одна новая важная проблема, которой в документах съезда придано серьезное значение, заключается в стремлении сочетать современную культуру с лучшими достижениями китайской традиционной культуры и изучением подлинных достижений зарубежной культуры. Это выдвинуто в увязке с другой весьма важной задачей — продвижением достижений китайской культуры в мир. Таким образом, пропаганда достижений китайской культуры и науки становится частью политики открытого выхода Китая в мир. В последние годы китайские руководители стали обращать особое внимание на пропаганду китайской культуры и китайского языка. Во всем мире созданы несколько сот институтов Конфуция, в том числе более десятка — при вузах в РФ. Завершившийся недавно Год Китая в России создал в нашей стране ситуацию своеобразного китайского бума, огромного интереса ко многим аспектам китайской культуры, к истории Китая, китайскому искусству, медицине, кухне, оздоровительным и боевым искусствам. Вкладом в этот бум, который имеет весьма позитивное значение для укрепления взаимопонимания и дружбы между нашими народами, являются и труды Института Дальнего Востока. Наша беда и трудность — в том, что пока многие из этих замечательных трудов в силу ряда причин, порой не зависящих от нас, не имеют выхода к широкой аудитории. На наш взгляд, этапным достижением отечественного китаеведения является издание серии переводов классиков китайской литературы, китайской мысли. В России изданы переводы практически всех крупнейших мыслителей древнего Китая, многие классические произведения художественной литературы.

Своеобразное обобщение энциклопедических достижений отечественного китаеведения — работа над энциклопедией “Духовная культура Китая”. Вышли два тома. Работа над этим пятитомным изданием с дополнительным справочным томом будет завершена в 2008 г.

Одновременно издается серия документов по 400-летней истории российско-китайских отношений. Завершена пятитомная серия документов “ВКП(б), Коминтерн и Китай”, которая дает в распоряжение ученых новые ценнейшие материалы по истории китайского освободительного движения в XX в., истории КПК, истории советско-китайских отношений до середины 1940-х гг. Начата подготовка к изданию 10-томной “Всеобщей истории Китая с древнейших времен до наших дней”. Опубликован ряд серьезных работ ученых Института Дальнего Востока по экономическим, политическим, правовым аспектам развития Китая.

Большая роль в пропаганде достижений отечественного востоковедения и особенно китаеведения, безусловно, принадлежит журналу “Проблемы Дальнего Востока”, которому я желаю новых успехов в его очень важной деятельности по стимулированию научного поиска и доведению результатов китаеведческих исследований не только до научной, но и широкой общественности России и зарубежных стран.

Портяков В.Я. Позвольте и мне высказать ряд соображений по итогам съезда.

Прежде всего, о его целях и задачах. Наверное, самая непосредственная задача XVII съезда КПК состояла в том, чтобы обобщить итоги 5-летия пребывания Ху Цзиньтао на посту Генерального секретаря ЦК КПК, суммировать главное в идейно-теоретических новациях, которые ассоциируются с именем Ху Цзиньтао, и закрепить их в партийных документах в качестве важных ориентиров дальнейшего развития Китая. Здесь следует выделить “научный взгляд на развитие”, идею формирования гармоничного общества в Китае и призыв к гармонизации международных отношений, принцип “основа — человек”. Необходимо отметить, что пятилетие после XVI съезда КПК было периодом, когда Ху Цзиньтао должен был проявить себя, доказать свое право на лидерство. Считаю, что ему это удалось в полной мере. Ху Цзиньтао показал себя как сложившийся лидер одного из крупнейших государств мира, объективно оценивающий особенности и потенциал Китая и обладающий собственным видением путей решения непростых проблем, стоящих перед страной.

Кроме того, съезд должен был если и не дать исчерпывающие ответы на внутренние и внешние вызовы, с которыми сталкиваются сегодня КПК и КНР, то, как минимум, наметить контуры, принципы, подходы к поиску таких ответов.

На мой взгляд, среди внутренних вызовов главное — это сохраняющаяся опасность дестабилизации социальной обстановки вследствие серьезного недовольства какой-то части населения своим положением и какими-либо аспектами политики руководства страны. В связи с этим уместно вспомнить, что в 2005 г. в Китае было зафиксировано около 96 тыс. протестных действий населения с суммарным участием 8 млн чел., причем значительная их часть сопровождалась насилием и членовредительством. Как известно, власти стремятся получить объективную картину недовольства в тех или иных слоях общества. На 2-м российско-китайском форуме по общественным наукам директор Института социологии АОН Китая Ли Пэйлинь рассказал об обследовании, проведенном недавно среди “нуньминьгун” — рабочих из крестьян, то есть сельских мигрантов, занятых в городах. К

некоторому удивлению ученых, эта категория граждан удовлетворена своим положением и уровнем доходов гораздо больше, чем “старые” городские рабочие. Прежде всего потому, что психологически сравнение пока идет не по горизонтали — с тем, что есть у других, а по вертикали — с тем, что они имели раньше, работая в деревне. Полагаю, основным источником потенциальной социальной дестабилизации в Китае по-прежнему остается крестьянство, часть которого, по сути, просто сгоняется с земли без сколько-нибудь серьезной компенсации — так сказать, современный аналог политики “огораживания” в средневековой Англии.

На второе место среди внутренних вызовов я бы поставил чисто экономический вызов, вернее, сумму вызовов, прямо связанных с очень высокими темпами роста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае в последнее пятилетие. Чем бы такие темпы роста ни объяснялись (на мой взгляд, здесь сыграло свою роль инерционное влияние политики предшествовавшего пятилетия, когда экономику Китая пытались искусственно подогреть достаточно крупными объемами выпуска облигаций на инвестиционные цели), они явно аномальны и порождают ряд негативных последствий. Первое — воспроизводится экстенсивная модель роста. Второе, прямо связанное с первым — Китай оттягивает на себя все большую долю мировых ресурсов. Возьмите железную руду — половина ее импортных поставок, перевозимых морем, приходится на Китай. Не менее важный аспект проблемы: поддержание высоких темпов роста требует новых рынков сбыта, и Китай ведет себя на внешних рынках все агрессивнее. Как следствие — опасения в мире по поводу так называемой китайской угрозы не только не утихают, но и получают, можно сказать, вполне конкретное материальное подкрепление. И третье. Попытки руководства страны сдержать темпы роста за счет традиционных рычагов макрорегулирования (повышение банковского процента по депозитам и кредитам и т.п.) пока заметного эффекта не дали. Более того, в текущем году после длительного перерыва в Китае наблюдается весьма ощутимая инфляция, ставшая, как и в России, закономерным следствием перегрева экономики. Известно, что ничто не подрывает престиж правительства в глазах населения сильнее, чем инфляция. Так что причины для беспокойства есть.

Наконец, упомяну признаки идейно-теоретического “разномыслия” в партии и в стране, где есть определенное недовольство нынешним курсом руководства и справа (как якобы “недостаточно демократическим”), и слева (как недостаточно социально ориентированным).

Главный внешний вызов — это все более громкое требование мирового сообщества о необходимости “ответственного поведения” Китая. Причем это требование затрагивает не только внешнюю и внешнеэкономическую, но и внутреннюю политику руководства страны.

Еще один момент, наложивший отпечаток на XVII съезд КПК — приближающееся тридцатилетие провозглашения политики реформ и открытости в Китае. Старт ей, как известно, дал 3-й пленум ЦК КПК XI созыва в декабре 1978 г.

С учетом вышеназванных обстоятельств вполне естественно, на мой взгляд, что доклад Ху Цзиньтао по своему содержанию вышел за временной горизонт подведения итогов предыдущего периода и определения задач на следующее пятилетие. Он оказался шире и по периоду охвата, и по идейно-теоретическому содержанию. Ху Цзиньтао четко показал генетическую связь нынешнего курса со всей предшествующей политикой компартии Китая со времени образования КНР — особенно за годы проведения политики реформ и открытости.

Обратило на себя внимание упоминание в докладе генсека положения “об одном центре и двух основополагающих моментах” (центр — экономическое строительство, два момента — четыре основных принципа¹ плюс политика реформ и открытости). Весьма важными представляются и положения о социализме с китайской спецификой, о нахождении Китая на начальном этапе социализма, о необходимости китаизации марксизма. Обратила на себя внимание характеристика “развития” как “основы решения всех проблем”. В каком-то смысле это можно расценить как демонстрацию солидаризации Ху Цзиньтао с тем пониманием развития, которое было присуще Дэн Сяопину и Цзян Цзэминю.

Новации съезда очевидны — это, прежде всего, научная концепция развития и курс на формирование гармоничного общества, взятые в неразрывной связи.

Продвижение в сфере политической реформы невелико. Китай еще раз показал, что в деле совершенствования и демократизации политических институтов он намерен и впредь исходить из собственных реалий и своих представлений о сроках и темпах этого процесса, а не из навязываемых извне рекомендаций. В то же время заслуживает внимания обещание постепенно перейти к равному избирательному праву для жителей города и деревни, о необходимости чего еще в 2003 г. писал известный китайский ученый-обществовед Ху Аньган (в начале нынешнего десятилетия один депутат во Всекитайское собрание народных представителей избирался от 960 тыс. жителей села и от 260 тыс. горожан).

Важно также обратить внимание не только на то, что есть в докладе Ху Цзиньтао, но и на то, чего там нет. Небезынтересно отсутствие прямых выпадов против “политики вестернизации” и угрозы “мирного перерождения”, а также ссылок на “принципиальный отказ Китая от политики разделения властей” (представительной, исполнительной и судебной). Уйдя от конкретного обозначения неприемлемых для Китая веяний, Ху Цзиньтао ограничился общей констатацией необходимости “оказывать твердый отпор разлагающему влиянию всех ошибочных и гнилых идеологий”.

Внешнеполитический раздел доклада Ху Цзиньтао представляется, несмотря на лапидарность, весьма емким. Главный исходящий от него сигнал состоит, на мой взгляд, в том, что со стороны Китая никаких потрясений для системы международных отношений ждать не надо. В то же время в докладе присутствуют как прямая констатация возросшей роли страны в мировых делах, так и некое своеобразное предостережение от возможной недооценки Китая. Именно так, похоже, следует расценивать фразу “Сегодня социалистический Китай... стоит во весь свой гигантский рост на востоке нашей планеты”.

Обратило на себя внимание и усиление культурной составляющей в инструментарии внешней политики Китая. Одновременно по ряду позиций, например, в борьбе с глобальным потеплением, Пекин демонстрирует готовность в большей мере, чем раньше, учитывать адресуемую ему озабоченность мирового сообщества.

Виноградов А.В. (к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

Важнейшая отличительная черта Китая на протяжении последних трех десятилетий — быстрый экономический рост, с которым неразрывно связаны

¹ Четыре основных принципа — придерживаться марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна, отстаивать демократическую диктатуру народа, руководство компартии и социалистический путь развития. Впервые были сформулированы Дэн Сяопином в марте 1979 г.

все центральные проблемы его развития. В начале XXI в. руководству КНР стало окончательно ясно, что несмотря на высокие темпы, рост достигается устаревшими средствами, не соответствующими тенденциям и требованиями современного развития. Избранная на рубеже 1980-х гг. экономическая модель была ориентирована на быстрый рост совокупных показателей, рост "совокупной государственной мощи". Эта модель индустриально-промышленной фазы развития была единственно возможной для Китая, поскольку позволяла в максимальной степени использовать его конкурентное преимущество — дешевую рабочую силу. С характеристиками этого преимущества связано большинство проблем современного развития страны.

Уверенно продвигаясь по валовым показателям к мировому лидерству, китайский экономический рост влечет за собой крайне медленное технологическое и социальное развитие. Это рост без развития, поскольку до сих пор связан с физическим увеличением простого живого труда. Следствие этого — рост отходов производства, высокая энерго- и материалоемкость продукции, загрязнение окружающей среды и т.д., т.е. низкая эффективность. На сегодня китайская экономика — самая затратная в мире, с самой высокой стоимостью прироста.

Проблемы низкой экономической эффективности усиливаются, во-вторых, из-за конкретных особенностей функционирования рыночной экономики в Китае, далекой от цивилизованного идеала. Негативные результаты взаимодействия рыночных механизмов с традиционной культурой в условиях руководящей и направляющей роли КПК выражаются в росте коррупции, в коррозии партийного и государственного аппарата на всех уровнях. Одним из следствий этого в последние годы стали незаконные сделки с землей, ширящееся обезземливание крестьян, рост безработицы и нарастающее социальное давление. Но главное, растущая безработица поддерживает существующую неэффективную систему экономического роста, создавая для нее питательную среду.

В-третьих, поиск решений этих проблем ограничивается официальной идеологической доктриной, которая требует строгого соответствия своим основным принципам. Вся история китайских реформ с 1978 г. — это история совместной трансформации социально-экономической практики, общественного сознания и официальной идеологии. Вызовы современности — это всегда вызовы не только общественному строю и действующим политическим механизмам, но и лежащей в их основе идеологии. Трудности развития всегда порождают идейные альтернативы, которые на фоне социальной напряженности способны дестабилизировать политическую ситуацию. В последние годы энергичные дискуссии как на левом, так и на правом флангах свидетельствуют о нарастании интеллектуального брожения в обществе, они не только активизируют оппозицию, но и обостряют борьбу мнений внутри КПК.

Наконец, последнее обстоятельство, которое оказало серьезное влияние на атмосферу и решения съезда, связано со сменой высшего партийного руководства на следующем, XVIII съезде КПК. Сменяемость руководства, ставшая нормой за последние два десятилетия, решающим образом сказывается на деятельности высших органов власти, строго регулируя активность и фазы их деятельности. Передача должностей и всего объема полномочий от Цзян Цзэминя Ху Цзиньтао заняла несколько лет. В течение этого срока новое руководство было ограничено идейно-политическими установками предшественников. В этом

отношении первый срок Ху Цзиньтао характеризовался политической и идеологической преемственностью и сдержанностью.

Центр тяжести его деятельности, таким образом, переносится на второй пятилетний срок, который предоставит больше свободы для новаций как в теории, так и на практике. Съезд являлся последней возможностью обеспечить организационные и идейно-теоретические предпосылки для выработки нового, авторского курса.

На протяжении уже второго столетия все развитие Китая определяется двумя факторами: потребностями социально-экономического развития и социокультурными особенностями. В отношениях между ними периодически наступает кризис, связанный с колоссальной инерцией и необходимостью более быстрой и радикальной трансформации традиционной культуры. Предел, к которому подошла существующая модель экономического развития, обострил проблемы и противоречия между экономическим, социально-политическим развитием и социокультурными традициями. Как следует из материалов XVII съезда, у КПК отсутствует концепция или четкий конкретный план дальнейших преобразований. Именно поэтому "инновация" стала основным рефреном съезда как в экономической, так и в социально-политической и идейно-теоретической областях.

В целом, перед съездом стояли три комплекса стратегических задач:

Во-первых, попытаться найти ответы на вызовы времени, связанные с моделью экономического роста и обеспечением социальной стабильности, как важнейших условий сохранения власти. При этом экономические, политические и идеологические ресурсы для успешного завершения поиска были ограничены.

Во-вторых, создать предпосылки для более свободного и эффективного поиска в предстоящие 5 лет.

В-третьих, подготовить организационно-политические условия для подбора преемника, сохранения преемственности курса и стабильности на период до 2017 г., т.е. практически до намеченных съездом сроков построения общества "сяокан" и завершения индустриализации. Съезд должен был определить максимально широкий круг вероятных претендентов на эту роль и отсеять нежелательных конкурентов.

Китаю предстоит в ближайшие годы решить крайне сложную задачу — провести структурную перестройку экономики без заметного снижения существующих темпов роста, выступающих главным фактором поддержания общественной стабильности. Исходя из этого, основные направления и контуры экономического развития были определены съездом в самом общем виде:

- серьезные сдвиги в трансформации форм развития, форм роста и моделей потребления, введение энергоэкономных и экоохранных производственных структур, повышение эффективности, совершенствование системы рыночной экономики, повышение уровня макрорегулирования и макроконтроля;

- приоритетное развитие образования, "создание державы людских ресурсов", "образование как краеугольный камень национального подъема";

- повышение возможности самостоятельного новаторства и создание государства инновационного типа, прорыв в сфере ключевых технологий, ускорение формирования государственной системы инновации.

Эти меры призваны гарантировать достижение главных социально-экономических ориентиров к 2020 г. — увеличение ВВП и построение общества "сяокан".

Отдельно прописан комплекс мер по обеспечению социальной справедливости в социально-экономической сфере — через создание схемы рационального и упорядоченного распределения и постепенное увеличение доли доходов населения в распределении национального дохода.

В политической сфере перед КПК стоит задача консолидации всех уровней власти, их участия в политическом процессе под ее руководством. Важнейшая роль в этом процессе отводится собраниям народных представителей, а также НПКСК, профсоюзам, комсомолу, федерации женщин и другим общественным организациям. Повышая *прозрачность* и расширяя *гласность*, “рекомендуя большее количество незаурядных кадровых работников-некоммунистов на руководящие посты”, “поощряя деятелей новых социальных слоев на активное участие в строительстве социализма с китайской спецификой”, компартия демонстрирует решимость оставаться во главе политического процесса, надежно контролировать деятельность всех существующих форм общественно-политической жизни, не упуская из внимания новые тенденции политического развития.

Сохранение этой роли невозможно без удержания политической инициативы. Важнейшей задачей самой компартии провозглашается совершенствование партийного стиля, всемерная борьба с коррупцией, а главное — собственное строительство в духе реформы и инновации. Стремление постепенно институализировать руководящую роль партии в общественном и государственном управлении проявилось в начавшемся эксперименте по переходу на режим постоянного функционирования партсъездов на уездном уровне.

Перечисленные меры призваны обеспечить общественно-политическую стабильность. Стратегическое направление развития связывается с разработкой новой идейно-политической концепции.

В идеократическом государстве мобилизационного типа (таком как Китай) идеология, идейно-политически консолидируя партию и общество, может обернуться серьезным вызовом, способным тормозить осуществление преобразований, как это было в 1980-х гг. в период перехода к товарной, а затем и рыночной экономике. Понимая это, руководство КПК приложило большие усилия для дальнейшей трансформации идеологической доктрины.

Констатируя, что в результате последних 5 лет была достигнута новая ситуация в деле построения социализма с китайской спецификой и открыты новые горизонты в китаизации марксизма, Ху Цзиньтао получил право выдвинуть “научную концепцию развития” в качестве важнейшей партийной доктрины.

Основные аргументы выдвижения “научной концепции развития” в принципиальных чертах совпали с аргументацией, касающейся идеи Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина: она была “выдвинута с учетом основных реалий “начального этапа социализма”, на основе обобщения практики Китая и заимствования зарубежного опыта, в свете новых требований самого развития”. Признание, что Китаю еще долго пребывать на “начальном этапе социализма”, где сохраняется основное противоречие социализма — между материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством, послужило, видимо, причиной отказа от приоритетности концепции “социалистического гармоничного общества” как явно завышенной. Она длительное время расценивалась как основной вклад руководства нового поколения в идеологическую доктрину, но, судя по всему, плохо сочетается с теми проблемами, которые предстоит решить в ближайшие годы. Она, однако, сохранила свое значение в

качестве перспективной цели: “Претворение научной концепции развития требует от партии ...активно создавать гармоничное социалистическое общество”.

Повторив все использовавшиеся на протяжении реформ лозунги идейного обновления: “продолжать раскрепощать сознание”, “придерживаться реалистического подхода к делу”, “шагать в ногу со временем”, Ху Цзиньтао призвал “отважно заниматься реформированием и новацией”, “не давать своей мысли костенеть”, “никогда не топтаться на месте”, “не страшиться никаких рисков и сохранять устойчивость против всех и всяких помех”, нацелив партию и общество на масштабные перемены.

По своему фактическому месту в идеологической доктрине КПК “научная концепция развития” имеет предпосылки встать в ряд идей частного характера, таких как “тройное представительство”, а возможно, и теория Дэн Сяопина как исторически ограниченных, конкретных воплощений ее на разных этапах развития. Основным ее содержанием обозначено само развитие, что открывает самые широкие возможности для введения новых и толкования старых положений и установок. Но этим значение “научной концепции развития” не исчерпывается, у нее был и сугубо прикладной, политический смысл.

После введения новых идейно-теоретических положений в партийные документы и обретения самостоятельной идеологической легитимности, позиции Ху Цзиньтао стали практически непоколебимыми (что важно, если вспомнить судьбу Ху Яобана и Чжао Цзыяна). Поставив себя в один ряд с признанными лидерами китайского государства и китайской революции, он обрел высшую в Китае форму легитимности — идеологическую. В отличие от Цзян Цзэминя, сделавшего это незадолго до своей отставки, Ху Цзиньтао провел данную процедуру уже в конце первого срока, создав серьезный инструмент идейной консолидации руководства в преддверии важных политических решений. Подтвержденная этим актом институализация механизма смены власти стала надежной гарантией ее преемственности и стабильности. Следствием этого стали значительные изменения в кадровом составе высших партийных органов, где практически не осталось влиятельных оппонентов нынешнему генсеку.

Островский А.В. (д.э.н., зам. директора ИДВ)

XVII съезд КПК обобщил опыт социально-экономического развития страны за 29 лет и выработал комплекс мер по достижению намеченных целей в социально-экономической сфере в рамках выработанной “научной концепции развития”, определяющей переход от экстенсивных к интенсивным методам развития с опорой на науку и технику. В докладе Ху Цзиньтао, состоящем из 12 разделов, выделена основная задача КПК — полное построение общества “малого благоденствия” к 2020 г. В общей стратегии лидеров КПК такое общество рассматривается как важная ступень начальной стадии строительства социализма с китайской спецификой.

Экономика Китая в начале XXI в. вышла на качественно более высокий уровень, что вызвало к жизни новые проблемы. Выполнение задач построения общества “малого благоденствия” и выхода в ряды среднеразвитых стран мира по объему ВВП на душу населения в значительной степени зависит от их решения в ближайшие 10—15 лет.

Важная характерная черта: рыночная экономика, функционирующая в КНР, далека от идеалов цивилизованного рынка. Негативные результаты взаимодействия рыночных механизмов и традиционной культуры — рост коррупции

и коррозия партийного аппарата. Для борьбы с этими явлениями еще в конце XX в. была создана Дисциплинарная комиссия КПК, функции которой во многом напоминают Комитет партийного контроля в КПСС. Как следует из рабочего доклада Дисциплинарной комиссии XVII съезду КПК, за период с декабря 2002 г. по июль 2007 г. в ней было рассмотрено 677 924 персональных дела и подверглись различным наказаниям 518 484 чел. (т.е. примерно 0,7% всех членов КПК). В целях борьбы с коррупцией за прошедшие 5 лет были приняты важные нормативные партийные документы о правилах поведения членов КПК и контроле за их поведением. Однако несмотря на большое количество громких антикоррупционных процессов (например, против секретаря горкома Шанхая Чэнь Лянъюя), многочисленные явления коррупции по-прежнему широко распространены в стране. В этих условиях от руководства КПК требуются нестандартные решения по контролю за деятельностью чиновников партийного и государственного аппарата. Для усиления борьбы с коррупцией на XVII съезде КПК предлагались такие меры, как воспитание неподкупности у кадровых работников, укрепление руководящего ядра дисциплинарных комиссий, повышение ротации кадров на всех уровнях. Иными словами, поставлена задача обеспечить постоянный надзор и контроль за деятельностью власти.

Поиск решений, проблем, возникающих в процессе перехода к рыночной экономике, подчиняется официальной идеологической доктрине. По мнению китайских и зарубежных экспертов, в качестве таковой предложена «концепция научного развития», которая определена как основное направление работы КПК на ближайшую перспективу в экономической, социально-политической и идейно-теоретической областях. В основных документах съезда — отчетном докладе и Уставе КПК «концепция научного развития» фигурирует как важнейший вклад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао в теорию «социализма с китайской спецификой» наряду с концепцией «трех представительств» Цзян Цзэминя, утвержденной на XVI съезде КПК, а также теорией Дэн Сяопина, идеями Мао Цзэдуна и марксизмом-ленинизмом. В «концепции научного развития» обоснована необходимость перехода от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным, что предполагает повышение роли науки и техники и перехода к инновационной модели развития экономики и общества в целом. Данная концепция предусматривает отказ от прежней линии на стимулирование экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливом распределении его результатов между различными группами населения и между регионами страны, а также внедрение ресурсосберегающих и экологических технологий. В основу «концепции научного развития» заложено само развитие общества, в центре которого находится человек.

На XVII съезде КПК была впервые поставлена задача увеличения к 2020 г. вчетверо среднедушевого показателя ВВП по сравнению с 2000 г. Это, по мысли китайского руководства, обеспечит создание отсутствовавшего до сих пор комплекса социальной сферы — решение проблем занятости и сокращения массовой безработицы, повышение уровня образования и здравоохранения, рост социального страхования. 4-кратное увеличение среднедушевого ВВП призвано не только повысить жизненный уровень, но и вывести страну с 81-го места в число первых 50 стран мира по такому выработанному ООН социальному показателю, как «индекс развития человеческого потенциала».

В 2000 г. среднедушевой показатель ВВП в КНР составлял 7858 юаней (или примерно 1000 долл. США по текущему курсу). Соответственно в 2020 г. этот показатель должен достичь 31 452 юаня (или примерно 4000 долл.). По китайским прогнозам, с учетом проводимой политики планирования рождаемости общая численность населения КНР в 2020 г. должна составить от 1,4 до 1,46 млрд чел. Таким образом, показатель ВВП в 2020 г. может составить примерно 44—46 трлн юаней, что почти совпадает с прогнозами Центра развития Госсовета КНР (43 трлн юаней).

На наш взгляд, существуют два основных препятствия для реализации поставленных на XVII съезде КПК задач — серьезная нехватка энергоносителей, побуждающая Китай наращивать импорт сырой нефти, который вскоре составит 200 млн т в год (47% общей потребности) и растущее загрязнение окружающей среды, достигшее критического уровня.

Впервые на съезде КПК уделено внимание проблемам охраны окружающей среды. Фактически загрязнение воздуха, большое количество промышленных отходов в воде и почве, непомерное расходование природных ресурсов — все это является своего рода платой за рост экономики. По оценкам китайских и зарубежных исследователей, экономические потери от загрязнения атмосферы, включающие затраты на лечение, составляют от 3 до 7% ВВП.

Важным моментом в работе XVII съезда было принятие обновленного Устава КПК. В его программную преамбулу внесены два принципиальных дополнения. Первое касается определения идеологической основы КПК — “концепции научного развития”, которая, как сказано в Уставе, “представляет собой научную теорию, связанную корнями с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями “трех представительств”. Эта концепция рассматривается КПК как “важная стратегическая идея, которой нужно придерживаться и претворять в жизнь при строительстве социализма с китайской спецификой”. При этом дано уточненное определение социализма с китайской спецификой как решение трех исторических задач — модернизации, воссоединения Родины и защиты мира во всем мире при стимулировании совместного развития. На наш взгляд, такая трактовка “концепции научного развития” в купе с большими достижениями китайской экономики за 29 лет реформ означает, что КПК намерена тем самым продемонстрировать миру: социализм в Китае имеет большие перспективы развития.

Другое важное дополнение в Устав КПК связано с новой трактовкой ее роли в обществе на начальном этапе — вести и сплачивать народ на выполнение центральной задачи (экономического строительства), на борьбу за “превращение Китая в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство собственными силами, самоотверженным трудом”. Эта цель должна быть достигнута посредством всесторонности, гармоничности и устойчивости при сохранении единого и комплексного планирования. При этом за КПК по-прежнему закрепляется роль отбора кадров на руководящую работу.

Видимо с учетом раздуваемой на Западе “китайской угрозы” XVII съезд подчеркнуто скромное внимание уделит проблематике модернизации армии. В отчетном докладе отмечена необходимость “осуществлять единое планирование экономического и оборонного строительства”, обеспечивая необходимое укрепление армии в процессе построения общества “малого благоденствия”.

Во главу угла поставлена задача практической реализации курса “одна страна — две системы” для Гонконга и Макао, итоги реализации которого призваны побудить Тайвань к воссоединению мирным путем. В докладе была выдвинута идея двустороннего диалога с Тайванем, который должен завершиться подписанием мирного соглашения. Одновременно прозвучали резкие слова против “раскольнических акций, нацеленных на создание независимого Тайваня”.

Что касается международной обстановки, то в докладе, с одной стороны, отмечена поляризация мира при углублении экономической глобализации, расширении глобального и регионального сотрудничества, с другой стороны, в общей форме упомянуто об усилении гегемонизма и силовой политики, о возникновении “горячих” проблем в различных районах мира. Китай призывает “продвигать созидание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием” и заявляет, что будет неуклонно идти по пути мирного развития на основе пяти принципов мирного сосуществования.

В отношении развитых стран (имеются в виду США и страны ЕС) Китай намерен усиливать стратегический диалог, укреплять взаимное доверие и углублять сотрудничество. В отношении соседних стран (куда, видимо, входят все страны, имеющие общую границу с Китаем включая Индию, Россию и Японию) предлагается активно развивать региональное сотрудничество, создавать мирную стабильную региональную среду равноправия. Для многочисленных развивающихся стран (по-видимому, все остальные страны мира) выдвинута линия на укрепление сплоченности и сотрудничества, углубление традиционной дружбы, расширение делового сотрудничества, оказание им посильной помощи, поддержание их справедливых требований и общих интересов.

На решения XVII съезда КПК наложило свой отпечаток то обстоятельство, что на следующем съезде должна произойти смена высшего партийного руководства. Последние два десятилетия сменяемость руководства стала нормой. Это обстоятельство существенным образом сказывается на деятельности высших органов власти, строго регулируя активность и фазы их деятельности.

Важным итогом съезда стало обновление состава высшего руководства партии, а также выдвижение в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК возможных преемников Ху Цзиньтао. Из девяти членов ПК Политбюро, избранных на предыдущем съезде в 2002 г., сменилось четверо — Хуан Цзюй (который умер в июне 2007 г.), Цзэн Цинхун, У Гуаньчжэн и Ло Гань по возрасту (им уже исполнилось 68 лет — неформальный порог для отставки с высших руководящих должностей в КПК). Ввод в состав ПК Политбюро ЦК КПК сравнительно молодых руководителей, которым еще не исполнилось 60 лет, свидетельствует об усилении позиций Ху Цзиньтао.

По итогам XVII съезда КПК напрашиваются следующие основные выводы:

1. Амбициозные экономические цели к 2020 г. (четырёхкратный рост среднедушевого ВВП, создание самого крупного в мире внутреннего рынка), ускоренное формирование сферы социального обеспечения для городского и сельского населения, совершенствование системы рационального и упорядоченного распределения доходов призваны обеспечить условия для общественно-политической стабильности в стране.

2. В идейно-теоретической сфере деятельности КПК также налицо важные изменения. Концепция социалистического гармоничного общества, являвшаяся основным лозунгом прошедшего пятилетия, ныне увязана с “концепцией

научного развития”, открывающей гораздо больший простор для теоретических и практических новаций и, главное, создающей идеологическую основу для решения возможных внутренних серьезных противоречий развития.

3. Включение “концепции научного развития” в партийные документы в качестве идеологической основы текущих преобразований наряду с теорией Дэн Сяопина и идеей “трех представительств” придало Ху Цзиньтао высшую степень идеологической легитимности, что позволит ему и впредь достаточно свободно определять стратегическое направление развития различных сфер жизни КПК.

4. Кадровые перестановки в Политбюро серьезно укрепили позиции Ху Цзиньтао как лидера КПК, открывая ему благоприятные организационно-политические условия для важных стратегических решений в предстоящий пятилетний период, а также для выдвижения своего преемника.

5. Укрепление партийного строительства и руководящего ядра ЦК КПК создает необходимые условия для усиления руководящей роли КПК в обществе.

Галенович Ю.М. (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ)

В тексте Государственного гимна КНР, хорovým исполнением которого открылся XVII съезд КПК, содержатся слова, как бы воплощающие главный настрой этого форума: “Для нации Китая настало самое опасное время”.

Дело в том, что начало нынешнего столетия в КПК характеризуют одновременно и как “золотой период развития” (то есть, чрезвычайно благоприятный для сосредоточения на решении проблем внутри страны), и как “период разительных противоречий” (то есть, когда противоречия в обществе накалены до крайней степени).

Ситуация внутри самой КПК, состояние общества в Китае, положение Китая на мировой арене требуют обновления идеологии, политического курса во внутренней и внешней политике, обновления руководящего состава КПК сверху донизу.

За 30 лет реформ, естественно, достигнуты успехи грандиозные по сравнению с временами, когда у власти находился Мао Цзэдун. По ряду валовых показателей объем производства сопоставим с наиболее развитыми государствами. Однако здесь необходимо принимать во внимание численность населения Китая: примерно 1,3 млрд чел.

Факты свидетельствуют (как признают и сами руководители КПК), что повышение уровня жизни в КНР носит частично-локальный характер — то есть, оно присуще определенной части общества, но не обществу в целом, и распространяется на часть регионов, а не на всю страну.

Главные противоречия сегодня — не только имущественное расслоение, разрыв в уровнях развития и благосостояния между городом и селом, между регионами страны, но и разрыв между поколениями. Молодежь и старшее поколение с трудом находят общий язык. Коммунистические идеалы были в значительной степени подорваны политикой Мао Цзэдуна. Призыв Дэн Сяопина “Обогащайтесь наперегонки!”, сыграв на протяжении некоторого времени позитивную роль, затем повлек резкое расслоение, поляризацию общества, нанес большой урон традиционным нравственным ценностям.

Имущественное расслоение выражается в том, что большинство населения страны — крестьяне живут на один доллар в день, численность богатых составляет 1—2% населения, а среднего класса — 15—18%.

Без обновления, по мнению современных руководителей ЦК КПК, не только партия, но и государство, нация, то есть страна и народ, могли бы погибнуть.

Сегодня, с точки зрения лидеров КПК, речь идет о необходимости осознать, что история дала Китаю шанс выйти на современный передовой мировой уровень; для этого народ и прежде всего партия должны приложить все силы.

Противоречия внутри китайского общества, которое стало совсем иным по сравнению с временами не только Мао Цзэдуна, но и Дэн Сяопина, дошли до такой степени, что поиски их решения, осуществление найденных решений стали первостепенной задачей Коммунистической партии Китая. Партии при этом приходится осознавать, что ее прошлые заслуги уже не играют решающей роли, не дают индульгенции, не обеспечивают легитимности как правящей партии. Это уже не революционная партия времен борьбы за власть в стране. Генсек ЦК КПК Ху Цзиньтао и премьер Госсовета Вэнь Цзябао призывают партию стать "обслуживающей", то есть обслуживать конкретные повседневные интересы конкретных людей, простых людей Китая.

Партии необходимо осознать, что оставаясь по своим целям коммунистической, ей по своей практике, по своей сегодняшней деятельности предстоит стать внутри страны Партией Общества Китая (то есть сосредоточиться на решении проблем современного китайского общества в целом, а не только рабочего класса и крестьянства), а применительно к международным делам, то есть на мировой арене — Партией Нации Китая (то есть исходить из интересов всех китайцев, живущих и в КНР и за ее рубежами). Пришло время для членов КПК, когда слову и понятию "общество" надлежит "засиять заново".

Речь идет об обществе как объединении всех групп людей, каждая из которых связана своими имущественными и иными интересами, как сочетании самых разнообразных интересов. При этом главной задачей такой Партии Общества Китая должно стать согласование интересов всех групп народа, достижение гармонии этих интересов, создание гармоничного общества в Китае как необходимой первой ступени, с которой впоследствии можно будет шагнуть на вторую, высшую, ступень. Уже на ступень не "гармонии", а "великого единения", под которым, естественно для КПК, подразумевается коммунизм.

На международной арене предстоит достичь такой цели, как создание гармоничного мира, в котором были бы согласованы интересы всех составляющих его наций. На основе гармонии каждого общества в отдельности — подняться к гармонии всех обществ в мире. Причем это должно происходить без войн и классовой борьбы. Так гармония общества, или социализм в каждой стране, должен стать гармонией мира, то есть коммунизмом во всем мире. Таково современное толкование в Китае положения и перспектив мирового социализма.

Но это — цель.

Пока же, на XVII съезде КПК, речь шла о новом понимании социализма в современном Китае. Это — самобытный китайский социализм, то есть социализм, которому придан китайский характер, китайское своеобразие, китайская самобытность. Речь идет о необходимости в полной мере китаизировать (то есть приспособить к условиям и реалиям современного Китая) и марксизм, и социализм.

Это — социализм, понимаемый по-новому.

При Мао Цзэдуне программным лозунгом КПК была "классовая борьба" (в том числе в определенный период — и против нашей страны). Это был Социализм борьбы, то есть социализм, который следовало создавать в ходе и в резуль-

тате смертельной и непримиримой классовой борьбы. При Дэн Сяопине это был Социализм конкуренции, то есть социализм, к которому следовало идти путем поощрения тех, кто сумел стать богатым раньше других — причем действуя в государстве, именуя себя социалистическим. Но теперь противоречия внутри общества (между группами, делящимися по интересам, между полюсами бедности и богатства) вышли на первый план, и встала задача созидать Социализм согласия между членами и группами общества.

Сама идея согласия, гармонии стала, с точки зрения лидера партии Ху Цзиньтао, определяющей и для Китая, и для всего мира. Поэтому он сформулировал ее как гармоничное общество для Китая и гармонию во всем мире для человечества в целом.

Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК — это программа действий партии с целью решения существующих, с его точки зрения, проблем современного Китая.

Итогом съезда явилось обновление программных документов КПК. У партии появились новые Устав и Программа, основное содержание которой изложено в докладе Ху Цзиньтао от имени ЦК партии ее съезду.

“Злоба дня” — инновация. Новая модель — новые проблемы.

Развиваться — и хорошо, и быстро

Бергер Я.М. (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ)

Перечень “новых требований боевых задач полного построения среднезажиточного общества” в отчетном докладе XVII съезду КПК открывается призывом “максимально обеспечивать как хорошее, так и быстрое развитие экономики”. Этот лозунг представляет собой значимую инверсию. Раньше “быстрое” предшествовало “хорошему”. Перестановка понятий должна показать, что качеству роста, если и не отдается приоритет по сравнению с темпами, то по меньшей мере, придается не меньшее значение, в полном соответствии с научной концепцией развития.

Еще одна новация — модификация задачи экономического роста, поставленной предыдущим съездом. Теперь к 2020 г. нужно по сравнению с 2000 г. увеличить вчетверо не валовой, а подушевой показатель ВВП. Как показывают расчеты, в следующем десятилетии — даже при снижении нынешних сверхвысоких темпов экономического роста — и это уточненное задание будет, скорее всего, выполнено. И, вероятно, досрочно. Но главная проблема — в том, сумеет ли Китай обеспечить высокие темпы роста, одновременно решительно улучшив его качественные характеристики.

Смена ориентиров значима и в психологическом плане. Если по общему объему ВВП Китай уверенно выдвигается на лидирующие позиции в мире, то по среднедушевому показателю ВВП он еще не вошел в первую сотню стран. Обращение к этому критерию может отрезвляюще повлиять на тех, кто готов преувеличивать успехи Китая, не замечая стоящих перед ним проблем.

Конкретизируя приоритеты курса на создание высоко эффективной, качественной экономики, Ху Цзиньтао на первое место ставит инновации, создание государства *инновационного типа*. Инновации рассматриваются в качестве основного рычага для увеличения совокупной национальной мощи. Особо подчеркивается необходимость прорыва в сфере ключевых технологий. На этом на-

правлении, судя по всему, будут сконцентрированы важнейшие усилия государства в ближайшие годы. Для достижения поставленной цели Китаю предстоит пройти большой и трудный путь, понадобится изыскать немалые ресурсы, перестроить научно-техническую политику и значительно улучшить подготовку кадров. Еще важнее, чем прежде, для Китая станет развитие международного научно-технического сотрудничества.

Важнейшим приоритетом экономической стратегии в докладе XVII съезду названа трансформация модели экономического роста. С начала 1990-х гг. по 2006 г. удельный вес внутреннего конечного потребления в ВВП уменьшился с 62,0% до 51%, а доля формирования капитала поднялась с 35% до 43%. Доля потребления населения упала до 38,2%.

Ставка на высокую норму накопления, как и преимущественно экспортная ориентация экономики, были в определенной мере неизбежными для Китая, как и для ряда других развивающихся стран, на той стадии экономического роста, когда внутренний потребительский рынок, еще только начинавший формироваться, был не в состоянии придать росту требуемую динамику. Но длительное и устойчивое социально-экономическое развитие на долгую перспективу способны обеспечить только поступательное наращивание внутреннего потребления и оптимизацию его структуры.

Важное место среди приоритетов экономической политики занимает *скоординированное развитие города и деревни*. От решения сельских проблем во многом зависит выполнение планов по созданию общества среднего достатка.

Новая генерация китайских руководителей, пришедшая к власти после XVI съезда КПК, немало сделала для облегчения положения крестьян. Такого рода паллиативные меры (отмена налогов, увеличение инвестиций в сельскую инфраструктуру, обеспечение минимального прожиточного минимума, кооперативное медицинское обслуживание) могут несколько сократить разрыв между городом и деревней, но не в состоянии отменить его коренные предпосылки: низкую производительность мелкокрестьянского сельского хозяйства, проистекающую из перенаселенности и малоземелья. Выход на кардинальное решение этих проблем могут дать лишь масштабная урбанизация и индустриализация села, а также коренная перестройка земельных отношений, что займут не одно десятилетие и потребуют гигантских ресурсов. Этот путь прошли прежние лидеры экономического роста в Азии, но для Китая он особенно сложен ввиду гигантских масштабов его сельского населения.

Требование экономного *использования энергетических и иных ресурсов и охраны окружающей среды* — залог и основа длительного и устойчивого развития. В докладе Ху Цзиньтао выдвинута идея создания “экологической культуры”, наряду с материальной и духовной. Благоприятная экология вошла в число базовых характеристик всестороннего построения к 2020 г. общества среднего достатка. Это свидетельствует об ответственной позиции китайского руководства не только к будущему собственной страны и ее народа, но и по отношению к мировой общественности, проявляющей все большую озабоченность проблемами глобального использования природных ресурсов и сохранения природной среды, особенно в связи с той ролью, которую играет в решении этих проблем КНР.

Важнейший компонент экономической стратегии и политики Китая в новом веке — *сбалансированное развитие регионов*. В последние годы темпы увеличения различий в уровне развития восточных, западных и центральных реги-

онов несколько сократились, но в абсолютном выражении эти различия продолжали возрастать. Главным фактором, определяющим разницу в темпах развития регионов, по-прежнему остается размер получаемых инвестиций. Определенную роль играют также величина чистого экспорта и масштабы потребления. Поэтому определяющим вектором региональной политики должно быть территориальное перераспределение инвестиций.

Идея совместного развития всех секторов экономики при сохранении приоритета общественного сектора, по существу, продолжает и развивает линию, намеченную предыдущим XVI съездом КПК, а в определенном смысле и линию XV съезда КПК, который возвел частный сектор в ранг "важной составной части социалистической рыночной экономики Китая". Названы конкретные меры, призванные обеспечить равноправную конкуренцию и взаимное стимулирование различных секторов. Сюда входит, прежде всего, дальнейшее реформирование госпредприятий, преобразование их в компании или акционерные общества, совершенствование управления государственным имуществом, реформирование государственных монополий

Развитие негосударственных секторов позволяет решать ряд сложных социально-экономических проблем. Среди них — расширение сферы занятости, постепенный отход от преимущественного стимулирования экономического роста с помощью государственных инвестиций, облегчение постоянно возрастающей нагрузки на госбюджет и на государственные банки. Развитие частного сектора в Китае служит также противовесом избыточной зависимости страны от иностранного капитала, которая в экстремальной ситуации может быть чревата серьезными рисками.

В материалах съезда особо выделено *углубленное реформирование финансовой системы*, составляющей одну из проблемных областей китайской экономики. Здесь речь идет о совершенствовании бюджетных отношений в центре и в регионах, о платности пользования ресурсами и механизме компенсаций за разрушение природной среды, о дальнейшем реформировании банков, фондового и страхового рынков. Предусматриваются изменения в валютной политике, направленные на продвижение по пути к свободной конвертации юаня. Намечается дальнейшее укрепление государственного контроля и государственного макрорегулирования экономики при опоре на рычаги финансовой и монетарной политики.

Последний по счету, но отнюдь не по важности, пункт экономической программы XVII съезда — дальнейшее *повышение уровня открытости китайской экономики внешнему миру*.

Роль Китая на мировых рынках многократно возросла, внешняя торговля вносит очень большой вклад в динамику экономического роста, служит его важной движущей силой. Многолетнее положительное сальдо в ней обеспечило стране первенство в мире по золотовалютным запасам. Вместе с тем внешней торговле КНР присущ ряд недостатков, на устранение которых и нацелен провозглашенный на XVII съезде экономический курс. Предполагается изменить структуру внешней торговли в пользу торговли услугами. Будет продолжен курс на повышение научно-технической составляющей в экспорте. Ставится задача значительно увеличить экспорт изделий с отечественными торговыми марками, имеющими мировую известность. Принимаются меры для сокращения излишне разросшегося внешнеторгового профицита. Экономическое развитие Китая

на современном этапе позволяет, а в определенной мере и требует поступательно увеличивать экспорт капитала.

Новоселова Л.В. (д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ)

Ключевой момент провозглашенной на XVII съезде стратегии экономического развития КНР — создание “государства инновационного типа”.

Отметим, что отдельные вопросы повышения научно-технического уровня страны и ранее неоднократно обсуждались в Китае на различных уровнях. Специфика нынешней постановки вопроса — комплексность поднятых проблем и впервые выдвигаемая на передний план задача технологического прорыва в будущее (а не просто повышение уровня имеющегося технологического базиса). При этом особо акцентируется значение всестороннего поощрения новаторства в науке и на производстве, создание собственных высоких технологий, поднятие на более высокий уровень фундаментальных исследований в наукоемких областях, широкая подготовка современных высококлассных ученых и научно-технических специалистов. Решение этих задач позволит Китаю повысить международную конкурентоспособность и занять достойное место в системе мирохозяйственных связей не только в виде “всемирной фабрики”, но и в качестве крупнейшего производителя науко- и техникоемкой продукции.

Все это не случайно и основывается на хорошо известных китайскому руководству достижениях современной экономической науки. Вопросам международной конкурентоспособности и конкурентных преимуществ отдельных стран, отраслей и компаний посвящено немало исследований ученых разных стран. Среди них — американские исследователи М. Портер и П. Ромер, британские экономисты Р. Каплински и Дж. Хамфри, датский ученый Б.-О. Лундваль, норвежец Э. Райнерт. Немалое внимание проблематике международной конкурентоспособности уделено и в работах российских специалистов В. Андрианова, С. Емельянова, И. Пилипенко и др.

Обобщая имеющиеся исследования, можно выделить совокупность базовых факторов, оказывающих непосредственное воздействие на международную конкурентоспособность страны. Среди них — человеческие ресурсы, технологическое и инновационное развитие, экспортный потенциал, инфраструктура, уровень жизни населения, макроэкономическая стабильность, природные ресурсы, деятельность правительства. Все эти факторы взаимосвязаны и оказывают непосредственное воздействие как друг на друга, так и на результирующий экономический эффект.

При разных стадиях развития на передний край выходят разные факторы конкурентоспособности. Так, на начальной стадии индустриального развития страны и формирования собственной экономической структуры такие факторы, как дешевая рабочая сила, обильные запасы полезных ископаемых, государственные преференции для отдельных отраслей играют положительную роль в укреплении международных позиций страны на отдельных товарных рынках и в мировой экономике в целом. Однако эти факторы объективно не могут быть определяющими в долгосрочной перспективе. По мере восходящего развития национальной экономики неизбежно повышение уровня оплаты труда, постепенное исчерпание важнейших природных ресурсов, усиление международной конкуренции и, как результат, понижение конкурентоспособности любой страны, ориентированной на максимальное использование дешевых сырьевых и человеческих ресурсов. Для достижения действительно сильных и устойчивых позиций на мировом рынке стране необходимо поддерживать высокий уровень тех-

нологического и инновационного развития, создающий уникальные конкурентные преимущества, осуществлять постоянное финансирование отечественных НИОКР, оказывать государственную поддержку научно-исследовательским центрам, а также создавать условия для подготовки и обучения собственных высококвалифицированных специалистов.

Судя по материалам XVII съезда КПК, китайское руководство сознает неизбежное в недалеком будущем исчерпание потенциала нынешней модели экономического развития, основанной на дешевом труде и огромных масштабах инвестиций. В последние 10 лет темпы прироста инвестиций в экономику страны более чем вдвое превышают рост ВВП, и все попытки обуздать инвестиционный бум пока не приносят результатов, наталкиваясь на уже развернутый широкий фронт капитального строительства и заинтересованность региональных властей в дальнейшем развитии собственной производственной и налоговой базы.

Таким образом, в КНР из года в год формируется гипертрофированный фонд накопления в ущерб текущему потреблению, а перспективы роста национальной экономики ставятся в зависимость от внешних источников платежеспособного спроса. Имея в виду не только текущий экономический результат, но и реальные перспективы национального развития и положения страны в мире, необходимо глубокое изменение экономической парадигмы, переход от экстенсивного к интенсивному типу экономического роста с использованием инновационного фактора как основного звена в этом процессе. Именно об этом, по сути, и идет речь в докладе Ху Цзиньтао.

Учитывая серьезное отставание Китая от ведущих держав в уровне научно-технического развития, зависимость китайской экономики от импорта зарубежных технологий, а также инерционность гигантского хозяйственного механизма страны, в этом направлении предстоит серьезная, долгосрочная и дорогостоящая работа. При этом, как показывает мировая практика и опыт самого Китая, серьезные структурные сдвиги — особенно, создание новых отраслей и перестройка технологических процессов — требуют значительных инвестиций: в развитие производственного потенциала новых прогрессивных отраслей, в развитие смежных отраслей и производств, в создание научно-исследовательских центров и новых направлений в науке.

Итак, в выдвинутой на съезде экономической стратегии современного Китая вырисовывается внутреннее противоречие, единственный способ разрешения которого — коренное повышение эффективности использования имеющихся немалых экономических ресурсов. От успешности решения этой задачи, нахождения конкретных механизмов рационального распределения и использования ресурсов зависит реалистичность планов китайского руководства.

Поправки в Устав. Ставка на “китаизацию” марксизма.

Преемственность поколений, начиная с Мао Цзэдуна

Асланов Р.М. (к.и.н., зам. директора ИДВ)

Доклад Ху Цзиньтао представляет собой декларацию, директиву и программу действий, нацеленную на “полное построение среднезажиточного общества”. Отдельные разделы доклада складываются в цельный план методов и приемов реализации поставленной цели. Это — не новая концепция строитель-

ства китайского государства и общества, доклад представляет собой органическое продолжение и углубление идейно-теоретических положений теории и практики Дэн Сяопина.

Ху Цзиньтао подчеркнул, что главным в его докладе является углубленное развитие фундаментальных положений теории Дэн Сяопина, а также “важные идеи тройного представительства”. Он определил свой доклад как “программный документ марксизма” и “программу действий”. Доклад на самом деле дополняет и уточняет основные экономические, политические, социальные, идеологические и партстроительные постулаты теории социализма с китайской спецификой.

“Научная концепция развития, — сказано в докладе, — есть продолжение идей трех поколений руководителей КПК. Содержанием научной концепции развития является само развитие. Ее основные требования — всесторонность, гармоничность и устойчивость, а коренная методология — единое комплексное планирование. В деле развития главное — научное развитие. Развитие и социальная гармония служат делу полного построения среднезажиточного общества. Научная концепция развития выдвинута с учетом основных реалий начальной стадии социализма у нас в стране”.

Доклад Ху Цзиньтао отразил основные моменты жизни китайского общества за прошедший после XVI съезда период, наметил программу деятельности партии (и государства!) на ближайшую среднесрочную перспективу по всем аспектам дальнейшего развития КНР.

В развитие теории Дэн Сяопина внес свой вклад и предыдущий Генсек ЦК КПК Цзян Цзэминь. Его новаторство в развитии марксизма-ленинизма и теории Дэн Сяопина состояло главным образом в утверждении на XVI съезде КПК “важных идей тройного представительства”. Они были важны тем, что в процессе становления рыночного социализма Цзян Цзэминь акцентировал внимание государства и общества на сжатой формулировке задачи КПК о необходимости концентрации усилий на развитии производительных сил в интересах повышения уровня культуры и жизни населения КНР. Смысл этого новаторства предыдущего Генсека состоял в том, чтобы снять, по возможности, остроту классовых различий в обществе, и тем самым раскрепостить производительные силы страны, открыть путь для более широкого участия граждан в политической и идеологической жизни общества.

Как в докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК, так и в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде теория Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой составляла основное содержание. При этом оба доклада учитывали своеобразие международной и внутренней обстановки, ситуацию в естественно-планетарном состоянии, а также внезапно возникающие опасности и риски в период деятельности этих двух лидеров в качестве первых лиц КПК. Кроме того, доклады отражали состояние и процессы общественного развития страны в режиме переживаемого реального времени, авторы уточняли и углубляли положения теории Дэн Сяопина, а также разрабатывали и формулировали собственные идеи и концепции в свете теории социализма с китайской спецификой. Сейчас трудно сказать, почему “важные идеи тройного представительства” Цзян Цзэминя сегодня утратили актуальность и пока остались лишь своеобразной теоретической новацией в ряду элементов, составляющих китаизированный марксизм.

По-новому на сегодня выглядит “научная концепция развития” в общей схеме социализма с китайской спецификой, изложенная в докладе Ху Цзиньтао.

Нужно сказать, что развитие как важная научная категория рассматривалось не только марксизмом-ленинизмом, но также и в системе китаизированного марксизма: в идеях Мао Цзэдуна, в концепции Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой, в докладах китайских руководителей 3-го и 4-го поколений. “Научная концепция развития” Ху Цзиньтао носит новаторский характер, потому что увязывается с великой целью “полного построения среднезажиточного общества”. Она будет актуальна не только до тех пор, когда эта цель будет достигнута: развитие в том смысле, которое вкладывает Ху Цзиньтао, — категория философская, оно не может быть ограничено во времени и пространстве. Другое дело, если последующие лидеры страны вольно или невольно затормозят развитие — естественно, что в результате возобладает стагнация в обществе.

Теоретическая и политическая деятельность Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао как руководителей КПК имеют важное историческое значение для развития КНР, для достигнутых страной успехов, которые определяют нынешнее благополучие китайского народа и высокое положение Китая в мире. Но подлинным прорывом в теории социализма является разработка Дэн Сяопином концепции рыночного социализма, заслуженно обозначенная на национальной почве как “теория социализма с китайской спецификой”. Это научно-практическое открытие Дэн Сяопина, как представляется, сохранит свое значение на долгие времена.

Смирнов Д.А. (к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

В числе поправок в Устав партии, внесенных XVII съездом, обращает на себя внимание положение о “научной концепции развития”, разрабатывавшейся под непосредственным руководством Ху Цзиньтао. При этом отмечена ее преемственность с “марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями тройного представительства”. Таким образом, “научная концепция развития” становится важнейшей и неотъемлемой составной частью современной идейно-теоретической платформы КПК. Тем самым, по существующей партийной традиции, закрепляется статус Ху Цзиньтао как вождя партии.

Съезд привел в единую систему теоретические установки и опыт осуществления политики реформ и открытости на протяжении последних 29 лет (что китайскими историками и политологами сопоставляется по значимости с “Решением по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР”, принятым на 6-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва). Возможно, это связано с подготовкой к предстоящему 30-летию 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, положившего начало эпохе реформ и открытости. Сведение в единую “теоретическую систему” основных положений теории “китайского самобытного (специфического) социализма” ставится на первое место среди теоретических инноваций съезда (см. текст выступления сотрудника Института истории партии при ЦК КПК Жэнь Гуйсяна в ИДВ РАН 30 ноября с.г.). По-видимому, эту теорию следует рассматривать как обновленную с учетом новой внутренней и внешней обстановки версию выдвинутой в начале 1980-х гг. Дэн Сяопином “теории строительства социализма с китайской спецификой”. В новом определении отсутствует упоминание о строительстве — то есть, подразумевается, что социализм уже построен (хотя лишь на “начальной стадии”), и усилен акцент на самобытность.

Обращает на себя внимание трактовка этой теории в докладе Ху Цзиньтао как “новейшего достижения китаизации марксизма”. Напомним, что впервый вопрос о необходимости соответствия марксизма китайской специфике и недопустимости его догматизации был поставлен Мао Цзэдуном еще в мае 1930 г. в

статье “Против книгопоклонства”, а на 6-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва осенью 1938 г. был принят принцип отказа от “абстрактного марксизма” в пользу признания “марксизма конкретного... который воплощается в национальную форму”. С тех пор он в той или иной степени неизменно присутствует в качестве основополагающего принципа теории китайской революции и строительства социализма на всех этапах развития этой теории, в том числе в период реформ и открытости. Акцент на самостоятельное развитие теории построения социализма в Китае соответствует выдвинутому также Мао Цзэдуном основополагающему принципу “независимости и самостоятельности” Китая, что, естественно, предполагает и самостоятельный поиск собственного пути развития, примером чему может служить выдвинутая Дэн Сяопином теория рыночного социализма.

На второе место Жэнь Гуйсян ставит переход в “теоретической системе китайского самобытного социализма” от “строительства” к “развитию”, что отразилось и в формулировании съездом положения о “развитии китайского самобытного социализма” вместо “строительства китайского самобытного социализма”. В этом, подчеркивает китайский аналитик, нашло свое “концентрированное выражение” достижение “нового, сравнительно высокого уровня социально-экономического развития”, которое и становится “новой исторической отправной исходной точкой”.

Отмечено расширение содержания концепции “китайского самобытного социализма” с трех основных составных частей — экономического, политического и культурного строительства до четырех: добавлено положение о строительстве “гармоничного социалистического модернизированного государства”. Этим подчеркивается социальная направленность нынешней политики китайского руководства, руководствующегося принципом “взять человека за основу”, уравнивая значимость социальной справедливости и экономической эффективности (по поводу чего в КНР уже много лет ведутся споры).

Четвертое теоретическое нововведение съезда состоит в конкретизации содержания “китайского самобытного пути социализма”, а именно указаны пять основных направлений его развития: “китайский самобытный путь самостоятельных инноваций”; “китайский самобытный путь новой индустриализации”; “китайский самобытный путь модернизации сельского хозяйства”; “китайский самобытный путь урбанизации” и “китайский самобытный путь политического развития”. Содержание понятия “развитие социализма” в КНР на предыдущих съездах столь четко не разъяснялось.

XVII съезд впервые включил в содержание понятия “политическая система КНР” положение об “институте низового самоуправления масс” (в дополнение к таким основным институтам, как система собраний народных представителей, система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК и система районной национальной автономии).

Перенос акцента в планах учетверения ВВП к 2020 г. с валовых показателей на показатели душевого производства, по мнению Жэнь Гуйсяна, предъявляет новые требования к реализации программы всестороннего построения в Китае общества малого достатка и знаменует переход от общего планирования при выполнении этой задачи к ее конкретизации.

Отмечается последовательность в расширении съездами партии, проходившими в период политики реформ и открытости, ключевых направлений в строительстве социалистической цивилизации: с XII по XV съезды это строительство шло по линии созидания материальной и духовной культуры, на XVI съез-

зде добавилось положение о строительстве социалистической политической культуры, XVII съезд добавил положение об экологической культуре.

Далее отмечается добавление съездом к пяти основным направлениям единого комплексного планирования — развития города и деревни, регионов, экономической и социальной сфер, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости страны — положения о “едином комплексном планировании внутренней и международной обстановки”, что полностью отвечает требованиям, предъявляемым к Китаю задачей его всестороннего участия в процессе экономической глобализации, растущей зависимостью от внешнего мира, а также необходимостью использовать шансы, которые открываются по ходу перемен в современном мировом развитии. (К этому можно добавить, что еще в 1956 г. в речи “О десяти важнейших взаимоотношениях” Мао Цзэдун призвал учитывать специфику Китая, требующую правильно регулировать взаимоотношения тяжелой промышленности, с одной стороны, легкой промышленности и сельского хозяйства — с другой; взаимоотношения экономического и оборонного строительства; взаимоотношения борьбы против “копирования” иностранных образцов (прежде всего “слепой учебы” у СССР), с одной стороны, с широким заимствованием у капиталистических стран достижений науки и техники, передового опыта управления — с другой).

В перечень главных стратегических задач социально-экономического развития (индустриализация, урбанизация, маркетизация и интернационализация) съезд добавил “информатизацию”, поставив ее на второе место сразу после индустриализации, что подчеркивает внимание руководства КПК к этому важнейшему аспекту современной эпохи.

По подсчетам Жэнь Гуйсяна, в докладе Ху Цзиньтао слово “развитие” упоминается 307 раз, словосочетания “научная концепция развития” — 21 раз, “китайский самобытный социализм” — 52 раза, “развитие китайского самобытного социализма” — 12 раз. Знаменательно принятие съездом формулировки “изменение типа экономического развития” взамен прежней формулировки “изменение типа экономического роста”, что подчеркивает неравнозначность роста и развития.

Проявленному съездом вниманию к социальным проблемам сопутствуют меры по “расширению социалистической демократии” — прежде всего по обеспечению “прав народа и социальной справедливости”, по расширению политического участия граждан, углублению курса “правление на основе закона”, совершенствованию “институтов низовой демократии”, укреплению единого фронта, ускорению реформирования системы административного управления с целью создания правительства “обслуживающего типа”, повышению контроля над властью чиновников с тем, чтобы они действовали исключительно в интересах народа. Большим шагом вперед стали принятые съездом для предстоящей сессии ВСНП рекомендации по уравниванию квот на выдвижение кандидатов в депутаты собраний народных представителей всех уровней от городского и сельского населения, что может, на наш взгляд, серьезно повлиять на формирование и позицию будущего депутатского корпуса в целом.

При этом по-прежнему подчеркивается принципиальная неприемлемость для КНР заимствования западной модели многопартийной системы с реальной борьбой партий за власть и разделением трех властей. Это не может не разочаровать китайских сторонников либеральных взглядов, которые, судя по многочисленным дискуссиям в КНР, весьма активно представлены в среде ки-

тайской интеллигенции (особенно, в научных кругах) и для которых важнейшим достижением пореформенной России и примером для современного Китая видится институт многопартийности и свободных демократических выборов. В докладе Ху Цзиньтао подчеркивается неизбежность руководящего положения КПК в китайском обществе как гаранта продолжения строительства социализма с китайской спецификой, нацеленного на “создание счастливой жизни и осуществление великого возрождения китайской нации”.

Итак, в развитии реформы политической системы съездом выделяются следующие моменты.

- Акцент на “народную демократию”, прежде всего в плане расширения “политического участия населения” в рамках существующей политической системы. Здесь, по словам китайских собеседников, с которыми довелось обсуждать материалы XVII съезда КПК сразу по завершении его работы, недопустимы как отставание от жизни, так и забегание вперед. Развитие процесса демократизации в Китае должно осуществляться не путем “слепого” подражания заимствованным образцам, но “последовательно”, по мере прогресса в социально-экономическом развитии страны.

- Акцент на лозунг “народ — хозяин” и повышение роли системы собраний народных представителей и НПКСК, расширение демократических каналов обратной связи, расширение сотрудничества КПК с демократическими партиями, совершенствование “механизмов демократического контроля” и т.д.

- Акцент на усиление социальной справедливости (что, помимо обеспечения политической стабильности, должно также продемонстрировать, что экономика развивается в интересах всего народа, а не буржуазии).

- Акцент на расширение местного самоуправления. Здесь китайские исследователи отмечают и проблему “воздействия” клановости и коррупции на ход выборов в низовые органы власти. Значит, далеко не все здесь воспринимается однозначно, что может повлиять и на принятие решений о дальнейшем подъеме “планки выборов” на более высокий уровень власти. Хотя не следует сбрасывать со счета и настроение значительной части общественности в пользу расширения процесса демократизации путем введения конституционного правления.

- Акцент на осуществление “правления на основе закона”. При этом китайские коллеги подчеркивают, что судебная система в КНР не может быть полностью независимой, как на Западе, учитывая специфику Китая, где руководящей политической силой общества является Компартия (в свою очередь действующая в рамках конституции).

- Акцент на ограничение власти чиновников (чего не было в решениях предыдущего съезда).

Эти решения направлены, по словам собеседников, на обеспечение реального народовластия, а не власти меньшинства в ущерб интересам большинства общества, в чем и состоит сущность социалистической демократии — поэтому западная модель демократии для Китая не подходит. Тем более, что от способности власти обеспечивать интересы большинства народа прямо зависит поддержание социально-политической стабильности.

В материалах съезда сохранено выдвинутое еще XIII съездом КПК (1987 г.) положение о том, что КНР находится и еще долго будет находиться на начальной стадии социализма ввиду отсталости производительных сил. Это говорит о реализме в постановке стратегических задач и подходах к их выполне-

нию. Ху Цзиньтао подчеркнул в докладе, что партия находится в “постоянном поиске” ответов на вопросы о том, “что такое социализм и как строить социализм”, “какую строить партию и как строить партию”, “какое осуществлять развитие и как его осуществлять”. Ответы на эти вопросы партия получает в процессе “непрерывного продвижения вперед китаизации марксизма”, “сохраняя и обогащая” тем самым свою основную теорию, линию, программу и опыт.

Съезд вновь показал, что КПК идет собственным путем решения проблемы соответствия сложившейся системы, форм и методов управления страной новым внутренним и внешним реалиям, исходя из китайской действительности с учетом исторических и культурных традиций китайской нации при сохранении полного суверенитета на трактовку и решение всех подобных вопросов. Перед лицом нарастания сложности задач, за решение которых КПК несет ответственность как монополюльно правящая партия (от способности которой решать эти задачи зависит легитимность ее правления в глазах китайского народа), очевидно стремление нынешнего китайского руководства сохранять идейно-политическую платформу КПК максимально открытой для нововведений. На это и направлен активизировавшийся в последние годы процесс “китаизации марксизма”. Характерная особенность этого процесса, начатого еще в 1930-е гг., — в том, что под флагом “китаизации” он позволяет обеспечивать преемственность основных теоретических постулатов, составляющих основу партийной платформы (в том числе сохранять незыблемым авторитет фигуры Мао Цзэдуна, которая — вопреки неприятию значительной частью современного китайского общества — остается в глазах народа символом неподкупной и честной власти) и адаптировать ее к традиционным духовным ценностям и политической культуре китайской нации.

Мамаева Л.Н. (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ)

На XVII съезде КПК стартовал новый этап в процессе пересмотра ее уставных положений, реализующего в той или иной степени стремление к адаптации партийной программы и Устава к новым реалиям современного мира. (Согласно исторической традиции Программа является составной частью Устава). Не вдаваясь в подробности, напомним, что уже Устав XVI съезда отразил попытки к развитию партийной теории, включив в перечень теоретических основ партии “важные идеи трех представительств” и конкретизируя содержание начального этапа строительства социализма с китайской спецификой постановкой конкретной задачи достижения в обозримом будущем уровня средней зажиточности населения. В среде исследователей новое обращение партийного руководства к понятию “сяокан” увязывается со стремлением активнее использовать традиции в политической жизни. С другой точки зрения — развивались тенденции отхода от социалистических идей и “замены” понятия “социализм с китайской спецификой” понятием “сяокан”.

Надо также отметить, что XVI съезд обозначил в первоначальном виде зарождение идеи гармонии, комплексного развития различных сфер (экономики, политики, культуры), а также особое место социальной политики в партийной теории и практике, тенденцию к усилению плановых начал в развитии экономики, города и деревни, центра и регионов. Обращалось внимание на развитие правовой сферы в качестве необходимого условия и составной части политической реформы в условиях Китая. Выдвигались проблемы управления страной, векторов развития государственных структур и, прежде всего, роли правящей партии в реформе управления. В период между XVI и XVII съездами все эти по-

ложения получили развитие и обоснование в работах китайских исследователей (как и в материалах пленумов ЦК КПК XVI созыва). Идеи “трех представительств”, “сяокан”, курс на развитие права и построение гражданского общества были зафиксированы в серии поправок к Конституции КНР в 2004 г. Вместе с тем, теоретический статус новых подходов оставался несколько неопределенным. Вопрос, куда идет Китай, поднимавшийся в научных исследованиях, нередко трактовался в духе капиталистического развития, либо развития третьего пути. По-видимому, не было единства по этому вопросу и в партийно-политической верхушке, поскольку формуле развития Китая на основе марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина и важных идей “трех представительств” не хватало определенности и достаточной четкости. Формула “китаизация марксизма” применялась все реже и использовалась в основном при интерпретации идей Мао Цзэдуна.

Поправки к Уставу КПК — прежде всего, к разделу “Общая программа”, сделанные XVII съездом, содержат, по нашему мнению, два важных теоретических положения.

Во-первых, они не оставляют сомнений в намерении партийного руководства акцентировать идею “китаизации марксизма”. То есть, все инновации в партийно-политической и экономической сферах рассматриваются и реализуются исключительно в рамках “китаизации марксизма”. Как указано в докладе Ху Цзиньтао, отстаивание теоретической системы социализма с китайской спецификой означает в современном Китае подлинное отстаивание марксизма. Опора на марксизм и его китаизацию усиливает социалистическую направленность теории и практики. Отметим, что в Уставе и в докладе Ху Цзиньтао тезис построения среднезажиточного общества фигурирует параллельно с тезисом “продвижения социализма с китайской спецификой”, а это означает, что обращение к традиционным ценностям несколько “не размывает” приверженность руководства к социализму.

Во-вторых, теоретическая значимость избранного пути в значительной мере обосновывается выдвинутым в Устав положения о том, что “ЦК КПК после XVI съезда выдвинул научную концепцию развития, которая видит в человеке основу основ и требует всестороннего, гармоничного и устойчивого развития”. Налицо дальнейшее отступление от классового подхода к проблемам развития — требование всестороннего, гармоничного и устойчивого развития, по сути, включает конкретные наработки последнего пятилетия.

Отметим, что концепция научного развития, включенная в Устав и отраженная в отчетном докладе ЦК КПК, представляет собой начальный вариант изысканий в теоретической сфере и нуждается в дальнейшей научной проработке. Но основные моменты намечены и частично опробованы.

Как подчеркивается в Уставе и в докладе Ху Цзиньтао, “наипервейшим по важности содержанием научной концепции развития является само развитие. В центре ее человек как основа основ, ее основные требования — всесторонность, гармоничность и устойчивость, а коренная методология — единое и комплексное планирование”. Абстрагируясь от китайского стиля изложения и формулировок, отметим ряд положений Устава, дающих обновленную интерпретацию прежней практики. Подтверждая прежний критерий оценки любой работы — развитие производительных сил, Устав конкретизирует содержание “общей схемы дела социализма с китайской спецификой”, в которую включает комплексное и параллельное развитие “экономического, политического, культурно-

го и социального строительства". Согласно обновленному Уставу, дальнейшее развитие социалистической рыночной экономики "требует без всяких колебаний укреплять и развивать общественный сектор экономики, без всяких колебаний поощрять, поддерживать и направлять развитие необщественного сектора экономики". Подчеркивается "базисная роль рынка в размещении ресурсов, создание совершенной системы макрорегулирования и макроконтроля". Новое развитие получили тезисы о роли и направлениях планирования, принятые пленумами ЦК КПК 16-го созыва. Согласно Уставу, необходимо "осуществлять единое планирование развития города и села, регионов, экономической и социальной сферы, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития страны и открытости для внешнего мира, упорядочивать экономическую структуру, трансформировать формы экономического развития. Строить новую социалистическую деревню, идти по пути индустриализации нового типа с китайской спецификой, создавать государство инновационного типа и такое общество, которое бережет ресурсы и дружелюбно относится к окружающей среде". Обновленный Устав предлагает также новую формулу в области распределения, способствуя тем самым гармонии в обществе и упрочению стабильности. На место классического социалистического тезиса "от каждого — по способностям, каждому — по труду" предлагается тезис "от каждого — по способностям, каждому то, что заслуживает". Ожидается, что его внедрение приведет к формированию благоприятной социальной среды. Проблематика распределения подробнее освещается в докладе Ху Цзиньтао. Речь идет о совершенствовании существующей в КНР распределительной системы, характеризующейся сосуществованием многообразных форм. Предполагается "при доминанте распределения по труду" совершенствовать систему долевого участия в распределении доходов таких компонентов производства, как внесенный труд, капитал, технологии, проделанная управленческая работа и т.д. Важно отметить, что "при начальном распределении и перераспределении приоритет между эффективностью и справедливостью отдается справедливости".

В новую редакцию Устава о политических процессах внесены принципиальные положения о правах человека, о создании условий для высказывания мнений, о совершенствовании процедуры демократических выборов, демократической разработки решений, демократического управления и демократического контроля, об усилении государственного законотворчества и законоисполнения, о переводе всей работы страны в правовое поле. В разделе о развитии политического строя социалистической демократии введены положения "об органическом соединении партийного руководства с хозяйским положением народа" и "об управлении государством на правовой основе". В Уставе четко и системно сформулированы основные направления политической реформы. Помимо совершенствования института собраний народных представителей, института многопартийного сотрудничества и политических консультаций, функционирующего под руководством КПК, характерных для прежней редакции Устава, в систему включены институт национальной районной автономии и институт низового народного самоуправления. Для большей ясности следует обратить внимание на некоторые рекомендации, представленные в докладе Ху Цзиньтао. Согласно докладу, партия "рекомендует постепенный перевод выборов депутатов СНП на одинаковую норму представительства для городского и сельского населения", усиление институционального строительства постоянных комитетов СНП, оптимизацию интеллектуально-возрастной структуры их состава. На НПКСК возлагаются

функции демократического контроля, политического согласования и участия в процедуре разработки решений, что придает новое качество системе управления. Эти положения носят реформаторский характер и демонстрируют влияние науки на политическое строительство.

В Уставе ясно выражен курс на усиление и совершенствование управленческих функций партии как составной части научной концепции развития. Включение в Устав курса и установок партии относительно руководства армейским строительством, национальной и религиозной работой, работой по единому фронту, внешнеполитической работой конкретизирует этот общий тезис. Стоит обратить внимание на некоторые рекомендации по реформе правительства и административно-управленческой системы, представленные в отчетном докладе ЦК КПК: “необходимо вплотную приступить к разработке генеральной схемы преобразования административно-управленческой системы, акцентируя деятельность на трансформацию функций, упорядочение отношений, оптимизацию структуры и повышение эффективности, усиливать социальное управление и общественное обслуживание, ускорять темпы отделения функций административных органов от функций предприятий”. Впервые в партийных документах прямо заявлено: “в едином порядке планировать, с одной стороны, аппарат парткомов и правительств, а с другой, аппарат собраний народных представителей и народно-политических консультативных советов, сокращая при этом число руководящих постов и строго ограничивая штаты”.

Согласно новой редакции Устава, необходимо “вводить и оздоравливать систему и процедуру демократических выборов, демократической разработки решений, демократического управления и демократического контроля”.

Съезд включил в Устав абзац, определяющий новые качества и задачи партийного строительства на современном этапе. Подчеркиваются необходимость “сохранения передового характера партии”, направления ее деятельности “в духе реформы и инновации”, ставится задача осуществления “строгого внутривнутрипартийного управления” и “государственного управления”. Включено требование усиления иммунитета партии против разложения и перерождения, а также требование обеспечения партийного единства на основе “углубленного претворения в жизнь научной концепции развития” и требование “стимуляции китаизации марксизма”. Новым в программной части Устава является развернутое определение методов борьбы с разложением, “включающих как паллиативные, так и радикальные меры, комплексное упорядочение, одновременные карательные и профилактические меры, но с акцентом на профилактику”.

Сохранена прежняя формулировка относительно руководящих функций КПК — “руководство партии есть преимущественно руководство политическое, идеологическое и организационное”. Вместе с тем, в отличие от прежней редакции Устава, подчеркивается “научная, демократическая и правовая основы” деятельности партии в новых условиях; выдвинуто требование “сосредоточиться на осуществлении руководства экономическим строительством”. Сформулированный в новой редакции Устава тезис о “партийном строительстве как новой великой инженерии” более подробно интерпретируется в отчетном докладе ЦК КПК. Рекомендуются совершенствование института партийных съездов — через введение порядка срока полномочий делегатов и осуществление в отобранных для эксперимента уездах режима постоянного функционирования партсъездов; оптимизация рабочего механизма местных парткомов и их бюро, оздоров-

ление порядка соединения коллективного руководства с личной ответственностью за возложенную работу, пресечение и предотвращение самоуправства как отдельной личности, так и меньшинства.

Рекомендовано также продолжать и расширять демократическую практику отчетности Политбюро перед пленумами ЦК, бюро местных парткомов перед пленумами местных парткомов, оптимизацию порядка внутрипартийных выборов, выдвижения кандидатур и системы голосования, распространение метода сочетания открытого выдвижения коммунистами и беспартийными кандидатур в состав руководящих коллективов низовых парторганизаций с выдвижением таких кандидатур вышестоящими парторганизациями, постепенное расширение сферы проведения прямых выборов руководящих коллективов в низовых парторганизациях.

Основные поправки претерпела Общая программа Устава, но и в другие его разделы внесены отдельные, порою, весьма существенные коррективы. В главе I в круг обязанностей членов партии внесена задача "изучения научной концепции развития", а также добавлено требование "первым претворять в жизнь социалистическое понятие чести и позора". В главу II "Организационное строение партии" внесено принципиальное для партийного строительства положение о внедрении в партийную жизнь гласности. Для усиления контроля над членами партии, особенно над ее руководящим составом, в ст. 13 добавлено конкретное положение, что "ЦК партии, парткомы провинций, автономных районов и городов центрального подчинения осуществляют инспекционную систему". Данный пункт вводит в повседневную обязательную практику одно из важнейших правил КПК о внутрипартийном контроле, принятых ЦК КПК в феврале 2004 г. В главе III Устава "Центральные органы партии" нашла отражение уже в значительной степени сложившаяся система отчетности Политбюро ЦК перед пленумами ЦК КПК и формирующаяся практика контроля над деятельностью Политбюро. В духе расширения и обеспечения внутрипартийной демократии в главу V "Первичные организации партии" добавлена фраза о введении практики широкого запроса мнений партийных и беспартийных масс при избрании парткомов, бюро объединенной ячейки, либо бюро ячейки. Усилена ст. 31, в которую включены требования изучения членами партии научной концепции развития и овладения "юридическими знаниями". Весьма существенным в плане оздоровления партийного строительства представляется также новое установление об обязанности первичных парторганизаций "усиливать и улучшать управление членами партии-мигрантами".

Курс на повышение идеологического уровня и улучшение нравственных качеств руководителей, на совершенствование кадровой политики отражен в главе VI "Партийные кадры". Им вменяется "первыми идти на реализацию научной концепции развития", "повышать свой нравственный уровень", в кадровых вопросах следовать принятым законам и нормативным актам.

Подытоживая вышесказанное, сделаем некоторые выводы:

— Устав продемонстрировал усиление социалистических настроений в руководстве партии, которые были заметны и на XVI съезде, и думается, отразил общий настрой членов КПК, недовольных усилением дифференциации в обществе, углубляющейся пропастью между богатыми и бедными и т.д., что в массовом сознании связывается с ростом капиталистических тенденций. В этой связи можно сделать предположение об относительной "победе" левых над консерва-

торами, к которым причисляются сторонники Цзян Цзэминя. Результаты выборов в руководящие органы и кадровые перестановки в центральных партийных органах свидетельствуют в пользу такого видения результатов XVII съезда КПК.

— Подтверждая приверженность к развитию социализма с китайской спецификой, Устав особое внимание обратил на внутреннюю связь социализма с китайской спецификой и марксизма как его теоретической основы, тем самым пытаясь отмежеваться от крена в сторону капитализма. Требование Устава о дальнейшей “китаизации марксизма” обозначило теоретические предпочтения партийного руководства в сторону социализма, но не капитализма. Таким образом, третий, “особый путь” развития Китая сближается, согласно Уставу, с марксистской идеологией.

— С таким видением теоретических построений тесно связано, на наш взгляд, акцентирование на съезде идеи социальной справедливости, традиционно присущей социалистическим концепциям, а также требований расширения и углубления “единого планирования” по ряду важных направлений. Провозглашенная съездом задача построения модернизированного гармоничного социалистического общества направлена на решение насущных проблем населения.

Обновление руководства КПК. Подспудные веянья при формировании власти. Кто — преемник Ху Цзиньтао?

Антонов В.И. (старший консультант-переводчик ИДВ)

На XVII съезд было избрано 2217 делегатов от 72,391 млн членов партии (в ноябре 2002 г., на XVI съезде было 2114 делегатов от более, чем 66 млн партийцев). 21 октября тайным голосованием избраны: члены ЦК КПК — 204 чел., в том числе 107 новых (обновление на 52,4%); кандидаты в члены ЦК КПК — 167 чел., в том числе 125 новых (обновление на 74,8%); члены ЦКПД КПК — 127 чел., в том числе 101 новый (обновление на 79,5%). Таким образом, суммарный состав Центрального Комитета и Центральной комиссии по проверке дисциплины (в количестве 498 чел.) обновился на 333 чел., или на 66,8%.

На 1-м пленуме ЦК КПК XVII созыва, состоявшемся 22 октября, избран новый состав Политбюро ЦК КПК в количестве 25 чел., в том числе 9 новых (обновление на 36%). Напомню, что в прошлом составе Политбюро было 24 члена и 1 кандидат в члены. Генеральным секретарем ЦК КПК переизбран Ху Цзиньтао (родился 25 декабря 1942 г.)

В Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК избрано 9 чел., в том числе 4 новых (обновление на 44%). В секретариат ЦК КПК избрано 6 чел., в том числе 4 новых (обновление на 57%). Напомню, что в предыдущем составе было 7 чел.

В Военный совет ЦК КПК избрано 11 чел., в том числе 5 новых (обновление на 45%). Председателем переизбран Ху Цзиньтао. В прошлом составе было 8 членов.

В руководство ЦКПД КПК (секретарь, его заместители, члены Постоянного комитета) избрано 19 чел., в том числе 13 новых (обновление на 68%). В предыдущем составе ЦКПД КПК было 18 чел. Секретарем ЦКПД КПК впервые избран Хэ Гоцян (член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК).

Средний возраст членов нового Политбюро ЦК КПК — 61,72 года (в прежнем составе — 60,7 года). Самый пожилой в новом составе 67-летний Цзя Цинлинь (председатель ВК НПКСК). Самые молодые — 52-летние Ван Ян, секретарь Коми-

тета КПК г. Чунцзина, и Ли Кэцян, секретарь Комитета КПК пров. Ляонин (по состоянию на начало работы съезда).

Средний возраст членов нового Постоянного комитета Политбюро — 62,33 года (в предыдущем составе — 62 года). Самый пожилой в новом составе — Цзя Цинлинь, самый молодой — Ли Кэцян.

Средний возраст членов нового Секретариата — 56,83 года (в предыдущем составе — 59,6 года). Самый пожилой — 67-летний Хэ Юн, зам. секретаря ЦКПД КПК. Самый молодой — 51-летний Лин Цзихуа, зав. канцелярией (Общим отделом) ЦК КПК.

Средний возраст членов Военного Совета ЦК КПК — 63,54 года (в предыдущем составе — 62,8 года). Самые пожилые — 67-летние Лян Гуанле и начальник Главного управления тыла НОАК Ляо Силун. Самый молодой — командующий ВВС НОАК 57-летний Сюй Цилян.

В руководящем составе ЦКПД КПК (секретарь и его заместители) средний возраст — 59,55 года. Самый пожилой — член секретариата ЦК КПК 67-летний Хэ Юн, самые молодые — 57-летние Гань Ишэн и Чжан И.

Из 43-х высших руководителей органов КПК, избранных на XVII съезде и 1-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва, 41 чел. (т.е. 95,3%) имеют высшее образование. У двоих — среднетехническое образование. Все они имеют опыт практической работы, периодически учатся на курсах переподготовки в Партийной школе ЦК КПК.

Ломанов А.В. (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ)

Через пять лет, в 2012—2013 гг., Китаю предстоит смена поколения: обновится руководство на всех ключевых постах, включая генсека ЦК КПК, председателя КНР, премьера и главу ВСНП. В 2002 г. после отставки всех членов ПК ПБ за исключением Ху Цзиньтао был открыт путь к власти для руководителей так называемого “четвертого поколения”, представителям которого тогда было около 60 лет. Теперь нынешним лидерам пришло время думать о “пятом поколении”, которое сможет принять власть из их рук на очередное десятилетие.

По аналогии с кадровыми решениями и отставками на XVI и XVII съездах КПК, можно предположить, что на следующем съезде в 2012 году покинуть свои посты должны будут лица, достигшие 68-ми лет. При этом передача власти не будет одномоментной. Уступив преемнику руководство партией осенью 2012 г., Ху Цзиньтао сохранит пост председателя КНР до весны 2013 г., после чего сможет еще некоторое время возглавлять Военный совет ЦК КПК. Напомним, что его предшественник Цзян Цзэминь оставил руководство ВС ЦК КПК осенью 2004 г., то есть через 2 года после ухода с поста генсека ЦК КПК. При повторении этой схемы Ху Цзиньтао полностью уйдет от власти лишь в 2014 г.

Будущим руководителям КПК и КНР сейчас должно быть около 55-ти лет, чтобы в 2012 г. шестидесятилетними они получили высшую власть и оставили ее, приблизившись к 70-ти. В обновленный состав ПК ПБ на XVII съезде вошли сразу два перспективных лидера: бывший секретарь шанхайского горкома Си Цзиньпин и Ли Кэцян, возглавлявший партком провинции Ляонин. Представляя частично обновленное руководство представителям СМИ, Ху Цзиньтао заметил: “Си Цзиньпин и Ли Кэцян — два сравнительно молодых товарища, им 54 и 52 года”.

Отец Си Цзиньпина, Си Чжунсюнь, участвовал в революционной борьбе в 1920-е гг., после начала реформ был руководителем в приморской провинции Гуандун, ему приписывают роль одного из инициаторов свободных экономических зон. Си-младший учился на инженера в Пекине, в Университете Цинхуа в конце

1970-х гг. Женат на популярной певице Пэн Лиюань, с которой познакомился в 1986 г. Публикации на тему этого брачного союза в китайских СМИ опираются, в основном, на пересказ воспоминаний Пэн Лиюань об их первой встрече, когда будущий супруг сразу же произвел на нее глубокое впечатление своей простотой и глубиной мысли.

В 1990-е гг. Си Цзиньпин был на руководящих партийных постах в приморской провинции Фуцзянь, где проработал 17 лет. В 2000 г. после широкомащтабного коррупционного скандала, приведшего к кадровым перетряскам в провинции, его назначили губернатором Фуцзяни. В 2002 г. он стал партийным руководителем процветающей провинции Чжэцзян. В марте 2007 г. его послали на работу в Шанхай по следам другого громкого скандала — руководитель шанхайского горкома и член политбюро ЦК КПК Чэнь Лянъюй осенью 2006 г. был снят со всех постов по обвинению в коррупции и хищениях.

Работа Си Цзиньпина в Шанхае продолжалась около полугода. Это позволяет предполагать, что решение о переводе на руководящую работу в центр состоялось уже после его назначения в Шанхай: шанхайская парторганизация нуждалась после снятия Чэнь Лянъюй в стабильном руководстве, и назначение секретаря лишь на полгода вряд ли имело бы смысл.

Ли Кэцян родился в семье мелкого чиновника в провинции Аньхуэй, и на этом этапе его биография очень похожа на историю Ху Цзиньтао. Ли поступил на юридический факультет Пекинского университета после завершения “культурной революции”, закончив его в 1982 г. В студенческие годы его окружала диссидентски настроенная молодежь, многие сокурсники позднее участвовали в событиях на площади Тяньаньмэнь. В 1980-е гг. Ли Кэцян работал в центральном аппарате комсомола под началом Ху Цзиньтао, с 1998 г. находился на партийной работе в провинции Хэнань, а в 2004 г. стал секретарем комитета КПК провинции Ляонин.

Возглавив в конце 1990-х гг. правительство Хэнани, Ли Кэцян стал первым в Китае губернатором со степенью доктора наук. В статье, опубликованной весной 2007 г. в еженедельнике, предназначенном для зарубежной аудитории, отмечалось, что Ли Кэцян уделял большое внимание борьбе с эпидемией СПИДа. “Благодаря этому он обрел популярность в Хэнани, его выступления против коррупции и экономические улучшения, которые принес, сделали Ли привлекательным провинциальным лидером... Он — чиновник, более похожий на ученого, у него всегда типичная мягкая улыбка” (Beijing Review. 2007. 1 March. № 9). Похожая публикация о новом поколении руководителей с упоминанием Ли Кэцяна появилась весной 2007 г. в журнале “Китайская реформа”, где был сделан особый акцент на повышении образовательного уровня чиновников и уклоне в сторону общественных дисциплин (Чжунго гайгэ. 2007. № 2).

В последние годы многие эксперты считали Ли Кэцяна наиболее вероятным кандидатом на пост генсека ЦК КПК и председателя КНР. К тому же политическая биография Ли Кэцяна служит прекрасной иллюстрацией курса нынешнего китайского руководства на борьбу с бедностью и сбалансированное развитие регионов (поскольку руководил отсталой аграрной провинцией Хэнань и пострадавшей от масштабного банкротства крупных предприятий провинцией Ляонин). В отличие от него, Си Цзиньпин не связан с Ху Цзиньтао по прошлой работе, а его карьерный рост шел в процветающих приморских провинциях Фуцзянь и Чжэцзян, преуспевших благодаря старому курсу на “обогащение любой ценой”.

Однако в новой руководящей иерархии КПК Ли Кэцян занимает 7-е место, а Си Цзиньпин — 6-е. Перспективы двух преемников прояснятся после сессии ВСНП весной 2008 г. Если Си Цзиньпин займет пост заместителя председателя КНР, это станет знаком его грядущего превращения в генсека партии и председателя КНР. В этом случае Ли Кэцян, скорее всего, получит в 2008 г. пост вице-премьера, а в 2013 г. сменит премьера Госсовета Вэнь Цзябао.

Эволюция политической системы Китая к поддержанию баланса интересов внутри элиты и предотвращению появления новых всемогущих вождей привела к тому, что Ху Цзиньтао не имеет возможности единолично назначить себе преемника. Накануне XVII съезда эксперты обсуждали две модели подготовки передачи власти в КПК. Можно было выбрать одного кандидата, ввести его в ПК ПБ и закрепить за ним государственный пост, четко указывающий на статус преемника, чтобы через 5 лет передать ему власть. Именно таким путем шел к власти Ху Цзиньтао, ожидавший получения высшей партийной и государственной власти десять лет (с 1992 по 2002 гг.). Второй сценарий предполагал выдвижение нескольких преемников, соперничающих в проявлении своих руководительских способностей. Выдвижение на XVII съезде сразу двух потенциальных преемников необычно для КПК и может истолковываться как практический шаг к расширению обещанной руководством “внутрипартийной демократии”.

Примечательно, что оба потенциальных преемника имеют послевузовские степени доктора. В биографии Си Цзиньпина сказано, что он закончил заочную аспирантуру по специальности “Марксистская теория и идейно-политическое воспитание” при Институте гуманитарных и социальных наук Университета Цинхуа, после чего получил степень доктора права. В официальной биографии Ли Кэцяна сообщается, что он — выпускник заочной аспирантуры Института экономики при Пекинском университете, доктор экономики. В юности Ли Кэцян изучал западное конституционное право и участвовал в переводе книги известного британского судьи Альфреда Деннинга. В 1991 г. получил престижную премию имени Сунь Ефана за лучшую статью по экономике Китая (Лунь во го цзинцзидэ саньюань цзегоу “О трехкомпонентной структуре экономики нашей страны” \ \ Чжунго шэжуй кэсюэ. 1991, № 3). В том же году он вместе с известным экономистом Ли Ининем издал книгу “Стратегический выбор на пути к процветанию” (Ли Инин, Мэн Хаосю, Ли Юаньчао, Ли Кэцян. Цзоусян фаньжун дэ сюаньцзэ. Пекин: Цзинцзи жибао чубаньшэ, 1991).

Небезынтересно, что на XVII съезде получили повышение сразу два автора этой книги: Ли Кэцян вошел в ПК ПБ, Ли Юаньчао — в ПБ. До съезда последний возглавлял парторганизацию провинции Цзянсу, после повышения возглавил орготдел ЦК КПК. Ранее (в 1983—1990 гг.) работал в ЦК КСМК, в 1990 г. перешел на работу в органы ЦК КПК, где отвечал за внешнюю пропаганду. Наряду с Ли Кэцяном, в первой половине 2007 г. многие эксперты считали Ли Юаньчао вероятным преемником Ху Цзиньтао.

Кто бы ни стал преемником нынешнего генсека в 2012—2013 гг., “пятое поколение” руководителей имеет общие черты, отличающие его от предшественников. Нынешние лидеры получили инженерно-техническое образование в 1950-60-е гг. Молодежь стремилась тогда к знаниям во имя социалистической индустриализации. Состав ПК ПБ прежнего, 16-го созыва можно назвать “комитетом инженеров” (их вузовские специальности — радиоэлектроника, автоматика, энергетика, гидротехника, геология, металлургия). На комсомольскую и пар-

тийную работу переходили после вузов, путь карьеры приучал их к упорному труду и ответственности. При том они были ориентированы на неукоснительное выполнение установок верхов, что косвенно объясняет их нынешний сдержанный стиль и нежелание ставить себя выше коллегиального руководства.

Представители будущего, “5-го поколения” руководителей родились после образования КНР, их юность пришлась на времена “культурной революции”, когда знания стали недоступны. Им довелось поработать в деревне, к учебе смогли приступить только в конце 1970-х. С наступлением реформ китайская интеллигенция стремилась переосмыслить путь развития страны, что сказалось на настроениях студенчества 1980-х, испытавшего влияние вестернизации и либеральной демократии. В образовании “5-го поколения” заметны общественно-научный уклон и явно выраженный интерес к западной мысли. Реформа и открытость внешнему миру стали для них естественной и привычной средой работы на уровне провинциального руководства в 1990—2000-е гг.

После поколений подпольщиков, революционеров, технократов власть в Китае получают юристы и экономисты. На Западе и в китайской диссидентской среде это порождает надежды на ускоренное включение Китая в западный миропорядок и переустройство страны по западным образцам. Дальнейшее движение Китая по пути преобразований и открытости провозглашено в качестве основополагающего курса КПК, однако степень прозападной устремленности нового поколения руководителей выявится лишь в середине следующего десятилетия. Можно предполагать, что китайские лидеры с общественно-научным образованием будут все-таки более напоминать “чиновников-книжников” в духе конфуцианской традиции, нежели юристов из американского истеблишмента.

Румянцев Е.Н. (к.филол.н., зав. Центром научной информации и документации ИДВ)

Представляется очевидным, что по мере развития китайского общества, усложнения его структуры значимость решений съездов КПК постепенно снижается, хотя в целом съезд правящей партии — это, безусловно, весьма важное событие. Что касается доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао, то каких-то принципиально новых или неожиданных положений он не содержит, практически все они в том или ином виде могут быть найдены в материалах пленумов ЦК, сессий ВСНП и выступлениях высших руководителей КНР после 2002 г. С моей личной точки зрения, привлекает внимание положение о роли идей Мао Цзэдуна, как заложивших основу для проведения политики реформ и открытости, что вряд ли можно признать соответствующим действительности. Напомним, что сам “великий кормчий” некогда говаривал: “Наш коронный номер — это война, диктатура”. Известна и внешнеполитическая программа Мао Цзэдуна.

По нашему мнению, главными на съезде были кадровые вопросы. Обратимся к его конкретным решениям в этой области. На съезде и 1-м пленуме ЦК XVII созыва сформировано политбюро ЦК КПК в составе 25 человек, 9 из которых избраны членами его Постоянного комитета. Это Ху Цзиньтао, У Банго, Вэнь Цзябао, Цзя Цинлинь, Ли Чанчунь, Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Хэ Гоцян, Чжоу Юнкан. Порядок, в котором перечислены эти лица, имеет значение: в соответствии со сложившейся практикой, первый в списке на ближайшей сессии ВСНП получит пост Председателя КНР (Ху Цзиньтао), второй — пост председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (У Банго), третий станет главой правительства (Вэнь Цзябао), четвертый возгла-

вит Народный политический консультативный совет Китая (Цзя Цинлинь). Что касается остальных: Хэ Гоцян возглавит Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины, Чжоу Юнкан — Политико-юридическую комиссию ЦК КПК, Си Цзиньпин и Ли Кэцян по состоянию на сегодня считаются преемниками Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. При этом Си Цзиньпин будет руководить работой секретариата ЦК. Ли Чанчунь в промежутке между XVI и XVII съездами курировал в партии вопросы идеологии. Возможно, что этот участок будет за ним сохранен.

Стоит вопрос о перераспределении полномочий в связи с отставкой Цзэн Цинхуна. Он курировал оргработу (его, видимо, заменит Си Цзиньпин), а также — политику в отношении Гонконга и Макао, отношения с Японией и, судя по отрывочным сообщениям, внешнюю разведку КНР. Кто из высших руководителей заменит его по этим позициям, — пока неясно.

Ли Кэцян, видимо, получит на предстоящей сессии ВСНП пост 1-го заместителя премьера Госсовета, т.к. этот пост по сложившейся практике предоставляется члену ПК политбюро. На предстоящей сессии ВСНП будут утверждены три новых (из четырех) заместителей премьера Госсовета, поскольку член ПК политбюро 16 созыва и первый заместитель премьера Госсовета Хуан Цзюй незадолго до XVII съезда умер, еще двое (У И и Цзэн Пэйянь) должны уйти в отставку. Наиболее интересен для нас вопрос, кто займет место У И, курировавшей в Госсовете отношения с Россией.

При выборах членов ЦК на 204 места претендовал 221 человек. Превышение числа баллотировавшихся над числом мест составило 8,3%. Второе от конца место по числу голосов, поданных на выборах членов ЦК, занял Цзя Цинлинь. В списке кандидатов в члены ЦК КПК привлекает внимание Цзя Тинъань — начальник личной канцелярии Цзян Цзэминя, который до недавнего времени был также начальником канцелярии Центрального военного совета КНР. По результатам голосования среди лиц, избранных кандидатами в члены ЦК КПК (167 чел.), он по числу поданных голосов — на последнем месте.

Обращают на себя внимание и ряд кадровых решений, произведенных до съезда и непосредственно после него. В частности, были заменены министр финансов, министр госбезопасности, начальник генерального штаба вооруженных сил, произведены перестановки в командовании семи больших военных округов. Принципиально важным представляется то, что занимавший последние годы пост министра общественной безопасности Чжоу Юнкан (родственник Цзян Цзэминя), будучи по итогам съезда повышен до уровня члена ПК политбюро, поста министра общественной безопасности лишился. Видимо, в ближайшее время он лишится и поста политкомиссара войск военизированной полиции КНР. Вновь назначенный министр общественной безопасности не был избран в политбюро, что нарушает практику, соблюдавшуюся в КНР длительное время.

Анализ кадровых итогов съезда позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, переведено в практическую плоскость решение проблемы преемника Ху Цзиньтао. В последние 2 года большинство аналитиков полагали, что это будет Ли Кэцян. Однако в начале октября в Гонконге прошла подтвержденная итогами съезда информация, что генсека сменил Си Цзиньпин, а Ли Кэцяну предстоит довольствоваться постом главы правительства. Значит, имел место пересмотр уже согласованного в руководстве КПК вопроса о преемнике Ху Цзиньтао. По одной версии, это — результат давления со стороны Цзян Цзэминя и Цзэн Цинхуна, по другой — следствие компромисса между различными груп-

пировками в высшем руководстве на основе мощной поддержки кандидатуры Си Цзиньпина со стороны старейшин КПК, что обусловлено его принадлежностью к т.н. "партии наследников престола". Борьба за пост следующего высшего руководителя КПК и КНР только начинается, и в ней еще возможны неожиданные повороты. Стоит отметить, что остался пока вакантным пост 1-го заместителя председателя Военного Совета ЦК КПК.

Во-вторых, анализ изменений в высших органах партии приводит к выводу, что результаты съезда стали большим достижением группы руководителей и видных функционеров, которых называют "партией наследников престола" (*тайцзыдан*). Из 25 членов нового состава политбюро в эту категорию можно зачислить не менее 10 человек, четверо из которых — члены ПК ПБ.

В нынешнем составе политбюро ЦК КПК есть участники хунвэйбиновского движения: Си Цзиньпин, Бо Силай и Ли Юаньчао.

Все эти процессы проходят на фоне не прекращающейся долгое время борьбы между группировками Ху Цзиньтао и Цзян Цзэминя — Цзэн Цинхуна, периодически принимающей весьма острые формы. Помимо высказывания Мао Цзэдуна о том, что "отсутствие фракций в партии было бы чудом из чудес", объяснить это можно весьма специфическими причинами. Нежелание Цзян Цзэминя и его окружения расставаться с властью имеет, на наш взгляд, реальные основания: против ряда представителей этой группы руководителей и их родственников, выдвигаются серьезные обвинения в коррупции, а также в развязывании репрессий против "Фалуньгун". Эти репрессии, во-первых, сомнительны с точки зрения юридической обоснованности и, во-вторых, осуществляются с жестокостью, позволяющей говорить о грубейших нарушениях в области прав человека. Сохранение властных рычагов выглядит для этих деятелей как гарантия своей и своих кланов личной безопасности, неприкосновенности обширных экономических интересов.

Хотелось бы остановиться и на вопросе о подъеме к власти "наследников престола".

Использование на высоких постах детей видных руководителей — давняя тенденция в кадровой политике руководства КПК. Некоторые наблюдатели рассматривают ее как "линию КПК в организационных вопросах" в период после окончания "культурной революции". Ее принципы: "Отец — революционер, сын принимает эстафету", "отец передает сыну Поднебесную" и т.д. История вопроса: после "культурной революции" за участие в хунвэйбиновских бесчинствах было наказано немало погромщиков, однако в число наказанных не попали дети ряда высокопоставленных руководителей КНР того времени, тоже участвовавшие в погромах и избиениях. В Пекине, в частности, особое недовольство вызвало то, что к ответственности не привлекается некий Кун Дань. Он, однако, был сыном одного из руководителей аппарата ЦК КПК Кун Юаня, и дело попало на рассмотрение зампреда ЦК КПК Чэнь Юня. Тот наложил на соответствующий доклад резолюцию: "Кун Дань — сын наших людей, наш надежный преемник в будущем, он не является объектом чистки". По его словам, "если эстафету примут наши сыновья и младшие братья, они, по крайней мере, не пойдут против нас". После слов Чэнь Юня это стало негласной "линией партии в организационных вопросах".

Эта линия нашла отражение и в период руководства Цзян Цзэминя. Так, в апреле 2001 г. секретариат ЦК КПК разослал на места в качестве официального документа текст его выступления на заседании политбюро, где, в частности, говорилось: "Нужно отбрасывать предрассудки, ... смело выдвигать сыновей и

дочерей руководителей старшего поколения на руководящие посты в Центре и на провинциальном уровне". Это уже выглядит как политическая программа, и она нашла отражение в решениях XVII съезда. Согласно некоторым комментариям, возвышение "наследников престола" говорит о том, что часть руководства КПК стремится решать кадровые вопросы, игнорируя мнение не только простого народа, но и основной массы членов партии.

В заключение — несколько слов о том, что происходит в политической жизни Китая после завершения съезда.

1. Сразу же после завершения работы съезда член Постоянного комитета Народного политического консультативного совета провинции Аньхой Ван Чжаоцзюнь опубликовал открытое письмо на имя Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, в котором поднят ряд острейших проблем современного Китая: нездоровый характер фондового рынка КНР, который он охарактеризовал как превращение рынка акций в казино, быстрый рост цен, "мыльный пузырь" рынка недвижимости, низкое качество товаров, социальная несправедливость, борьба простого народа за свои права, стиль работы чиновников. Ван Чжаоцзюнь призвал адресатов своего письма реабилитировать события 4 июня 1989 г. и его участников, прекратить репрессии против "Фалуныгун", освободить политзаключенных, приветствовать возвращение на Родину из эмиграции деятелей демократического движения, прекратить цензуру, осуществить департизацию вооруженных сил.

Это письмо было перепечатано некоторыми Интернет-сайтами в КНР, но в дальнейшем его текст и комментарии читателей были удалены из Сети. 30 октября, однако, Ван Чжаоцзюнь дал по телефону интервью, в котором сообщил, что чувствует себя во всех отношениях отлично, его домашний телефон и мобильник непрерывно звонят, все звонящие его поддерживают, среди позвонивших есть высокопоставленные руководители Центра и органов власти провинциального уровня.

2. 2-й суд средней инстанции г. Пекина в последней декаде сентября принял к рассмотрению иск жителя Шанхая Тун Гоцзина, о чем истец был официально уведомлен. Он добивался этого с 2005 г., когда приехал в Пекин с жалобой, что был избит сотрудниками одной из структур правительства Шанхая. Беспрецедентность и возможное далеко идущее политическое значение всему этому придает не только то, что подобный иск был принят к рассмотрению (что произошло впервые в истории КНР), но и то, что в официальном ответе Тун Гоцзину в качестве ответчика по его делу указано Министерство общественной безопасности, а в качестве его представителя — министр общественной безопасности (теперь уже бывший) Чжоу Юнкан.

3. В Шанхае начался новый суд над Чжоу Чжэнги. Он обвиняется в коррупции, незаконном сносе домов и захвате земельных участков. Ниточки этого дела ведут к ряду известных в Шанхае и Китае людей.

Таким образом, есть некоторые основания для вывода о продолжении и даже обострении борьбы двух указанных группировок. Что касается группировки Ху Цзиньтао, то ее цель, на наш взгляд, — политическая маргинализация своих противников, получение власти в партии и стране в полном объеме. Вопрос в том, удастся ли это, а если удастся — что они будут с этой властью делать.

Налицо некоторые беспрецедентные для КНР события и процессы.

Опровержение тезиса “китайской угрозы”. “Партия командует винтовкой”. Акцент на мирные методы воссоединения с Тайванем

Каменнов П.Б. (*к. полит. н., ведущий научный сотрудник ИДВ*)

Раздел доклада Ху Цзиньтао, касающийся модернизации национальной обороны и вооруженных сил, в полной мере отвечает высказанной академиком М.Л. Титаренко трактовке материалов XVII съезда КПК как затрагивающих преимущественно внутренние проблемы Китая. Здесь подтвержден оборонительный характер военной политики КНР. 9-е (из 12-ти) место этого раздела в докладе определяется следующим: на нынешнем этапе, в условиях нормализации отношений Китая с внешним миром и заключения с рядом стран соглашений о стратегическом партнерстве основные усилия КНР направляются на наращивание комплексной национальной мощи, главные факторы которой — внутривнутриполитическая стабильность, динамичный и устойчивый экономический рост, подъем уровня развития науки и технологий. Военный фактор при этом играет важную, но не основную роль, которая заключается в обеспечении внешних и внутренних условий реализации национальной стратегии. Следует отметить, что в силу причин исторического характера армия в Китае наряду с основными функциями по защите суверенитета страны продолжает играть роль инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности. Законом КНР “О государственной обороне” 1997 г. прямо предусмотрена возможность использовать для выполнения внутренних функций не только полицейские формирования, но и НОАК и народное ополчение (ст. 22). Место данного раздела в докладе определяется, кроме того, стремлением китайского руководства дезавуировать получивший распространение в зарубежных СМИ тезис о “китайской угрозе”.

Центральное место в разделе занимает положение о том, что армия должна находиться под абсолютным руководством КПК, что означает незыблемость известного принципа “партия командует винтовкой”.

На практике Центральный военный совет КНР (ЦВС КНР) и Военный совет ЦК КПК, возглавляемые одним лицом — председателем КНР и укомплектованные одними и теми же лицами, фактически образуют единую структуру руководства вооруженными силами по партийной и государственной линиям. На 1-м Пленуме ЦК КПК 17 созыва, состоявшемся 22 октября, Военный совет ЦК КПК избран в следующем составе: председатель — Ху Цзиньтао; заместители председателя: генерал-полковники Го Босюн, Сюй Цайхоу; члены: генерал-полковник Лян Гуанле, начальник Генерального штаба НОАК генерал-полковник Чэнь Биндэ, начальник Главного управления вооружений и военной техники НОАК генерал-полковник Чан Ваньцюань, начальник Главного политуправления НОАК генерал-полковник Ли Цзинай, начальник Главного управления тыла НОАК генерал-полковник Ляо Силун, командующий стратегическими ракетными войсками НОАК генерал-полковник Цзин Чжюань, командующий ВМС НОАК адмирал У Шэнли, командующий ВВС НОАК генерал-полковник Сюй Цилян.

Положение раздела о том, что в военном строительстве следует руководствоваться военными идеями Мао Цзэдуна, идеями Дэн Сяопина об армейском строительстве в новый период и идеями Цзян Цзэминя о строительстве нацио-

нальной обороны и вооруженных сил отражает, на наш взгляд, идею преемственности и стабильности руководства в данной области.

Выдвинутая в свое время Дэн Сяопином идея реформирования военно-промышленного комплекса — «сочетание военного и гражданского, мирного и немирного, приоритет военного производства и его развитие с опорой на выпуск гражданской продукции» получила дальнейшее развитие. По заявлению Ху Цзиньтао, «в военно-технической области Китай стремится к созданию инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы, включая фундаментальные научные исследования, НИОКР, проектирование и производство военной и гражданской продукции с конечной целью создания эффективной структуры, позволяющей свободно использовать высокие технологии военного и гражданского назначения в интересах как оборонного так и гражданского секторов». Раздел содержит традиционные для документов такого рода указания о необходимости укреплять оборонное сознание народа, совершенствовать систему оборонной мобилизации.

Материал не содержит оценки международной обстановки в сфере военной безопасности и не охватывает весь спектр мер, предпринимаемых китайским руководством с целью обеспечения благоприятных внешних и внутренних условий для развития страны. В их числе — принятая в 2006 г. новая программа модернизации национальной обороны, включающая три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий.

Не получила освещения такая активно развивающаяся сфера деятельности, как военная дипломатия, ставшая за последние годы важным компонентом реальной государственной политики. К ее основным формам относятся:

- 1) Увеличение потока военных делегаций НОАК высокого уровня в страны Азии с разъяснением несостоятельности концепции «китайской военной угрозы».
- 2) Участие НОАК в подготовке и заключении межгосударственных соглашений в военной области с сопредельными странами.
- 3) Обмен визитами военных кораблей.
- 4) Участие представителей НОАК в международных форумах под эгидой ООН по проблемам контроля над вооружениями и разоружения, а также в многосторонних форумах по проблемам безопасности, проводимых в пределах АТР, включая конференции на неправительственном уровне (форум представителей оборонных ведомств стран АТР, форум представителей стран Западной части Тихого океана по военно-морским вопросам, Диалог сотрудничества в Северо-Восточной Азии и др.).

Возрастают масштабы подготовки за рубежом военных и гражданских специалистов НОАК. За последние 2 десятилетия определилась устойчивая тенденция к расширению и диверсификации сферы внешних военных контактов, увеличению гибкости и разнообразия форм этой деятельности. Ширится практика приглашения на учения НОАК иностранных военных наблюдателей, а также участия НОАК в многонациональных военных учениях.

В разделе об армии отсутствует упоминание о возможности применения военной силы при решении тайваньской проблемы, хотя «Законом о противодействии расколу государства» 2005 г. определены условия, при которых Ки-

тай намерен применить “немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности” (ст. 8).

В целом раздел об армии не содержит принципиально новых моментов и построен в виде общих призывов о необходимости укреплять национальную оборону и модернизировать вооруженные силы, адресованных прежде всего лично-му составу НОАК, работникам военно-промышленного комплекса и системы оборонной мобилизации. В качестве наиболее важных моментов в нем можно выделить подтверждение оборонительного характера военной политики КНР и сохранение принципа абсолютного контроля над армией со стороны КПК.

Ларин А.Г. (к. филол. н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

XVII съезд КПК внес важный новый элемент в позицию китайского руководства в отношении Тайваня.

В основном получила подтверждение прежняя линия Пекина, ранее уже отраженная в ряде документов, включая материалы XVI съезда, Закон о противодействии расколу государства от 2005 г. и др. Это, прежде всего — линия на мирное объединение с Тайванем на основе принципа “одно государство, два строя” посредством все более тесного и широкого сотрудничества, включая обязательство правительства КНР содействовать благосостоянию жителей острова; во-вторых, это — категорическое недопущение формального отделения Тайваня от КНР в качестве самостоятельного государства. В качестве политической гарантии недопущения откола Тайваня Пекин требует от Тайбэя признания “принципа одного Китая”. Силовым средством сдерживания сепаратистов служит ракетный кулак в южных приморских провинциях страны. Готовность применить силу в критической ситуации Пекин провозглашал не раз.

Можно предположить, что в КНР существуют два конкурирующих подхода к тайваньской проблеме: условно говоря, “мягкий”, т.е. конструктивный, и “жесткий” — силовой, которые дополняют друг друга, но одновременно и противоречат один другому. Дело в том, что условия применения силы против Тайваня всегда формулировались весьма туманно, не прояснены они и в докладе Ху Цзинтао, где этот деликатный момент затронут в самом общем виде: мы “ни в коем случае не позволим кому бы то ни было, под каким бы то ни было именем и каким бы то ни было способом отколоть Тайвань от родины”. Неясность условий порождает на острове недоверие к политике материка и тем самым мешает успешному проведению конструктивной линии.

По всей вероятности, Ху Цзинтао является сторонником “мягкой” линии. Не случайно при нем Пекин провозгласил своим долгом заботу о благе тайваньских соотечественников, распространив таким образом на Тайвань задачи своей социальной политики. Для жителей Тайваня была объявлена серия льгот. Материковую часть Китая стали посещать политические деятели Тайваня, принимающие (хотя бы и в собственной интерпретации) “принцип одного Китая”.

Укрепление позиций Ху Цзинтао на XVII съезде КПК сопровождалось выдвижением принципиально новой инициативы по тайваньской проблеме. Правда, для начала суть этой инициативы была лишь обозначена. Он предложил на основе “принципа одного Китая” “достичь соглашения о мире, сформировать каркас и создать новую обстановку для мирного развития связей между двумя берегами Тайваньского пролива”.

По всей видимости, в соглашении будут зафиксированы обязательства обеих сторон. Тайбэй должен будет признать “принцип одного Китая”, пусть да-

же вопрос о его интерпретации останется при этом в стороне. А Пекин откажется от применения силы или, по крайней мере, честно определит единственное условие ее применения, а именно: провозглашение независимости и ничего другого. Возможно, Пекин пойдет даже на сокращение количества ракет в примыкающем к Тайваню районе. Такое соглашение позволило бы китайскому правительству обрести уверенность, что Тайбэй оставит попытки провозгласить независимость, а жители острова в значительной мере избавились бы от опасений насчет возможных силовых действий Пекина.

Новое предложение Ху Цзинтао — это сильный ход. С точки зрения политической конъюнктуры на Тайване, он явственно укрепляет позиции Гоминьдана и его союзников, признающих “принцип одного Китая”, и вполне возможно, сыграет свою роль уже в ближайшее время — на президентских выборах 2008 г. В стратегическом же плане он означает, что Пекин готов отложить реализацию своего намерения объединить Китай на неопределенное будущее, а до того времени довольствоваться статус-кво — в отличие от прежних подходов, когда руководители КНР заявляли, что не позволят Тайбэю слишком долго тянуть с мирным объединением. Расчет Пекина заключается в том, что развитие связей “через пролив”, экономическая интеграция, включая перенос целого ряда производств на материк, рано или поздно поставят Тайвань в зависимость от континентального Китая. А рост совокупной национальной мощи страны делает все менее вероятным силовое вмешательство США в решение тайваньской проблемы.

Терпеливое, спокойное ожидание — характерная черта всего внешнеполитического поведения КНР на данном этапе. Руководители КНР осознают, что время работает на них, и потому могут позволить себе идти к своим целям не торопясь.

В случае с Тайванем реалистически мыслящие китайские лидеры, чувствуя, как растет вес их страны в международных делах, все меньше опасаются того, что Тайбэй может “вдруг” провозгласить независимость, а ведущие державы мира тут же признают его, и тогда Китай останется беспомощным перед их единым фронтом. На самом деле, ни одна страна не станет рисковать своими отношениями с КНР, международная изоляция Тайваня полностью сохранится, и тот так и останется непризнанным государством.

Кроме того, независимость острова не может быть оформлена в единый миг, скажем, единственным выступлением первого лица Тайваня. И Чэнь Шуйбянь, и его предшественник Ли Дэнхуэй не раз заявляли, что Тайвань является суверенным независимым государством, однако, это не прибавило Тайваню ни капли суверенитета. Провозглашение независимости острова, претендующее на легитимность, должно быть оформлено официальными решениями высших органов власти посредством определенных процедур. А это значит, что в случае назревания кризиса у Пекина будет достаточно времени, чтобы принять соответствующие контрмеры. Таким образом, руководство КНР уже сегодня имеет фактически гарантированную возможность не допустить отделения Тайваня, хотя, возможно, кто-то в руководстве страны думает иначе. Реализация идеи Ху Цзинтао позволит перекрыть опасения на этот счет, получить существенно более надежную страховку от неприятных неожиданностей.

Она даст возможность сделать отношения “через пролив” стабильными, фактически бесконфликтными, если только обе стороны сумеют извлечь уроки из истории и будут беречь статус-кво: Тайбэй не станет предпринимать шагов к

отделению от КНР, а Пекин не будет форсировать объединение, к которому Тайвань еще не готов.

Идею заключения мирного соглашения между берегами Тайваньского пролива нельзя назвать абсолютно новой: некоторые тайваньские политики второго плана говорили о ней еще на позапрошлых президентских выборах 2000 г., а последнее время о ней стали упоминать и деятели высшего ранга из лагеря оппозиции. Однако прорыв может произойти только теперь, когда за дело взялся Пекин.

Стоит, может быть, добавить, что отечественные китаисты прогнозировали заключение мирного соглашения Пекин — Тайбэй еще в 1996 г., считая его оптимальным способом урегулирования тайваньской проблемы в современных условиях (см. *Some Views on Taiwan's Pragmatic Diplomacy and Reforms // In search of a Unified China. Conference Papers / IFES RAS (Moscow). Sun Yat-sen University (Kaohsiung). December 28, 1996. M., 1997. Pt. III*).

Если на предстоящих президентских выборах победу одержит блок партий, признающих “принцип одного Китая” — а это вполне вероятно — то шансы на заключение мирного соглашения, о котором говорится выше, будут весьма велики. В этом случае обстановка в Тайваньском проливе коренным образом улучшится, что существенно повысит международный престиж КНР.

(Окончание следует)

Эволюция восприятия Шанхайской организации сотрудничества на Западе

© 2008

Н. Задерей

Центральная Азия до недавнего времени не являлась значимым приоритетом внешнеполитического курса ни Западной Европы, ни Соединенных Штатов Америки. Роль Соединенных Штатов в регионе вплоть до администрации Клинтона сводилась к точечным воздействиям, в основном включающим традиционные для американского внешнеполитического курса меры по содействию демократизации, рыночным реформам, поддержанию программ сотрудничества с Северным альянсом, и противодействие по линии ряда неправительственных организаций распространению вооружений, терроризма, наркотической угрозы¹. Географическая удаленность и наследие полувековой холодной войны не способствовали налаживанию прочных связей стран Центральной Азии и с Европейским союзом. Руководство ЕС не относило вопросы безопасности и экономического развития в постсоветских республиках к сфере своих национальных интересов и уделяло мало внимания мониторингу и анализу трансформации политических режимов и вопросам сотрудничества в Центральной Азии.

Центральноазиатский вектор политики США.

Рост стратегической значимости этого региона на волне глобальных событий, таких как террористические акты 11 сентября 2001 г. и последующая война в Афганистане, эскалация напряженности на Ближнем Востоке, обусловил повышенный интерес и активность международного сообщества в отношении Центральной Азии. В противовес успешно развивающемуся взаимодействию по линии Шанхайской организации сотрудничества, в 2005 г. американские аналитики выдвинули свой проект широкоформатной региональной интеграционной структуры "Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА)" под эгидой США². Автор проекта, председатель института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джона Хопкинса, Фредрик Стар исходил из того, что ни одна из существующих организаций не включает полностью государства геополитически единого региона (а это республики Цен-

---

Задерей Наталья Валерьевна, научный сотрудник "Центра исследования ШОС и проблем региональной безопасности" ИДВ РАН.

тральной Азии + Афганистан), ставя искусственные преграды на естественных торговых и транспортных маршрутах с Ближнего Востока в Восточную Азию, из Европы в Южную Азию. А также, по его мнению, ни одна организация не сочетает все три составляющие успешной политики в регионе, а именно: экономическое сотрудничество, создание системы безопасности одновременно с содействием проведению политических реформ. По сути, данным демаршем признают в США наличие своих устойчивых и долговременных интересов в Центральной Азии и стремлении участвовать в восстановлении экономики и строительстве демократии в Афганистане и на периферии. К тому же к вышезаявленным целям добавилось требование “об обеспечении безопасности энергоресурсов Каспийского бассейна, транспарентности их освоения и распределения”³.

Несмотря на требование стран-членов ШОС определиться с конечными сроками пребывания американского контингента в Центральной Азии, зафиксированного в Декларации саммита ШОС в Астане от 2005 г., американцы продолжают арендовать инфраструктурные объекты военного назначения, участвовать в восстановлении Афганистана, конкурировать в тендерах на строительство трубопроводов и освоение энергоресурсов, оставаясь важными акторами политики в этом регионе. Евросоюз напротив, несмотря на ряд перспективных отраслевых программ, таких как ТРАСЕКА⁴, ИНОГЕЙТ⁵, запущенных более десятилетия назад, по-прежнему не воспринимается в качестве влиятельного игрока в центральноазиатском регионе.

Евростратегия для Центральной Азии

Насущная необходимость освоения новых рынков, налаживания партнерских взаимоотношений с новыми, альтернативными России, экспортерами энергоносителей привели к актуализации вопроса о создании комплексного подхода Европейского Союза в отношении Центральной Азии. Обсуждение и принятие первой в истории европейского сообщества “Стратегии ЕС по сотрудничеству с Центральной Азией” стало одним из приоритетов президентства Германии в Евросоюзе. Указанный документ, утвержденный в июне 2007 г. на саммите глав государств ЕС, охватывает период до 2013 г. и предполагает целевую помощь странам региона в размере 750 млн евро. Среди основных векторов сотрудничества выделяются такие направления, как укрепление демократических институтов, борьба с вызовами безопасности, содействие в охране границ и противодействие преступности и наркомафии⁶.

Комментируя содержание документа, статс-министр внешнеполитического ведомства Германии, Гернот Эрлер в своем выступлении сказал: “Наше внимание к Центральной Азии не нацелено на развязывание очередной Большой игры. Мы не стремимся к контролю, власти или к большему политическому влиянию в регионе. Мы лишь хотим, чтобы наши взаимоотношения были наполнены прозрачностью и духом партнерства. И чтобы на этом направлении одинаково активно были представлены наши друзья и партнеры. Стабильность и процветание центральноазиатских государств, уважающих права человека и верховенство закона — в наших общих, трансатлантических интересах”⁷.

Институциональным механизмом реализации вышеобозначенной стратегии станут регулярные встречи министров иностранных дел Тройки ЕС с коллегам из республик Центральной Азии. Одновременно планируется активизировать двусторонние отношения и стремиться к налаживанию более тесных контактов с региональными межправительственными организациями.

С точки зрения этой перспективы, интересные возможности могут открыться в случае нахождения взаимоприемлемого варианта оформления партнерских отношений между крупнейшими интеграционными объединениями Европы и Азии — Европейским Союзом (ЕС) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Как раз этому вопросу была посвящена международная конференция, которая состоялась в апреле 2007 г. в Берлине. В работе конференции “Шанхайская организация сотрудничества и Европейский союз — возможности партнерства”, организованной Германским обществом внешней политики, приняли участие Генеральный секретарь ШОС Б. Нургалиев, спецпредставитель Евросоюза по Центральной Азии Пьер Морель, эксперты из стран-участниц ШОС, представители германских политических структур и фондов, а также посольств, аккредитованных в немецкой столице. Западноевропейские коллеги много говорили о важности “осторожного сближения с ШОС”, подчеркивали приоритет диверсификации источников энергоносителей, опасаясь уменьшения доли российского “энергетического пирога” для Европы в случае, если произойдет превращение ШОС в своеобразный “газовый картель”. Европейскими экспертами были высказаны различные варианты возможного организационного оформления сотрудничества между ЕС и ШОС, включая статус ЕС в качестве партнера ШОС по диалогу. Была отмечена обоюдная заинтересованность в продолжении встреч в данном формате, придания им постоянного характера⁹.

Эмоциональные интерпретации сущности ШОС.

Как показали первые контакты немецких экспертов с руководством ШОС, у европейцев больше вопросов, чем ответов на них. Это обусловлено в первую очередь тем, что Шанхайская организация сотрудничества до последнего времени была мало известна на Западе. Недостаток информированности ощущался даже в кругу специалистов по международным делам. А те, кто все же что-то знали о ШОС, руководствовались ложными представлениями, ведущими к неправильному пониманию целей и деятельности Шанхайской организации. В принципе нет ничего удивительного, что западные специалисты не очень хорошо информированы о принципах работы организации, ведь в Великобритании, например, действует всего одна исследовательская программа, посвященная непосредственно Шанхайской организации сотрудничества, которую возглавляет одна из наиболее известных и последовательных сторонников Шанхайского объединения — Оксана Антоненко¹⁰. Отрывочное и идеологизированное освещение деятельности ШОС зачастую определяло преимущественно негативные оценки этой организации в западном информационном пространстве: одни видели в ней непосредственную угрозу собственным национальным интересам, другие пытались представить ее как слабую, малоэффективную организацию. По выражению А. Бэйлса: “иностранцы часто доходили до крайностей, изображая ШОС в образе агрессивного “анти-НАТО” или же вовсе нивелируя ее роль до малозначимого “декоративного фона”¹¹.

Другие, критически настроенные специалисты писали о Шанхайской организации как о “клубе автократов”¹², обращая особое внимание на характер политического режима государств-членов ШОС. Они подвергали жестким нападкам недостаток либерально-демократических принципов, процедур и регулярные нарушения основных прав и свобод человека, которые якобы имеют место в этих странах. Иллюстрацией такого подхода к ШОС может послужить статья “Неудержимый рост клуба диктаторов”, которая вышла в британской ежедневной газете “Гардиан” накануне Шанхайского саммита в июне 2006 г. Автор

статьи приходит к выводу, что “соперничество мировых держав на влияние в Центральной Азии может стать одной из определяющих битв нового века”. Он также обращает внимание на отсутствие ориентации стран-участниц ШОС на “универсальные принципы свободы, демократии и справедливости”¹³.

Вопиющая трагедия, связанная с многочисленными жертвами террористических атак 11 сентября 2001 г., привлекла внимание мировой общественности к ситуации в Центральной Азии. Тем не менее, “для многих ШОС начала существовать лишь после того, как на четвертом саммите организации, который проходил в июле 2005 года в Астане, главы государств обратились к США с просьбой вывести свои войска из Центральной Азии”¹⁴. Это обращение стало предметом ожесточенных дискуссий на Западе. Интересно, что этому требованию было уделено гораздо больше внимания, чем, как нам представляется, более значимому событию, которое произошло годом раньше на Ташкентском саммите, когда была запущена работа двух основных постоянно действующих органов Организации — Секретариата ШОС и Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Иными словами, окончание фазы институционального оформления ШОС прошло на Западе незамеченным. Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют, что большинство западных аналитиков еще не отказались от стереотипов холодной войны и руководствуются преимущественно геополитическими соображениями, исследуя, как может деятельность Шанхайской организации сотрудничества повлиять на “баланс сил” в Восточной Евразии.

Скептические оценки ШОС.

Представленные выше полярные точки зрения, хотя и существуют, но не являются основополагающим в аналитических работах серьезных исследовательских учреждений. Но и там по-прежнему под вопрос ставится жизнеспособность ШОС, поэтому общие оценки перспектив развития Организации весьма пессимистичны. Как подчеркивает Элисон Бэйлс в последней работе SIPRI¹⁵: “вне стран участниц ШОС мнение об организации в основном либо скептическое, либо негативное. Многие задаются вопросом, есть ли в этом проекте что-нибудь помимо символической сущности. Другие выделяют недостаточную распространенность демократических традиций среди участников, что ставит под сомнение легитимность решений организации перед лицом мирового сообщества”¹⁶. В основе скептической интерпретации ШОС — сомнения в долговечности взаимных интересов России и Китая, отношения между которыми являются несущей конструкцией Организации, а также ссылки на недостаточную политическую волю к интеграции лидеров центральноазиатских республик.

Представления о затянувшейся взаимной подозрительности членов организации подпитывают аргументы, что ШОС не способна стать чем то больше, чем так называемый “дискуссионный клуб”. Наиболее часто используемый аргумент в пользу недостаточной дееспособности Шанхайской организации — это слабая реакция на события, происходящие в регионе. По мнению американского аналитика Сина Йома, “события 11 сентября и война в Афганистане набросили тень неопределенности на будущее ШОС”, поставив под сомнение эффективность предложенного ею механизма обеспечения безопасности в регионе¹⁷. Критики Шанхайской организации сотрудничества, как инструмента противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам, ссылаются на то, что “она совершенно не способна противостоять вызовам безопасности — от террористических атак 11 сентября до революционной ситуации в Киргизстане”¹⁸. Логический посыл, который лежит в основе подобных суждений, сводится к тому, что стиму-

лы к интеграции недостаточно сильны по причине отсутствия согласия между членами ШОС по поводу потенциальной выгоды от участия в деятельности Организации. Вряд ли ШОС способна бросить вызов американскому присутствию в регионе, а мнения об антиамериканской направленности российско-китайской комбинации в рамках ШОС явно преувеличены, считает американский политолог Ричард Гирагосян. "Будучи вскормлена до стадии полноценной организации, ШОС по-прежнему стеснена доминированием национальных интересов над многосторонним сотрудничеством по всех отношениях и существует лишь за счет определенных уступок со стороны некоторых ее членов"¹⁹.

Еще одна довольно распространенная на Западе позиция строится вокруг сомнений относительно общего желания заставить Организацию работать. Часто встречается мнение, что ШОС влиятельна ровно настолько, насколько крепки российско-китайские отношения, которые все равно имеют ограниченный потенциал и поддерживаются на высоком уровне лишь для того, чтобы служить противовесом американским интересам. "Это инструмент политики Москвы и Пекина для поддержания регионального баланса против Вашингтона"²⁰. "Подобные цели (инструментализация ШОС в качестве противовеса США) вряд ли будут поддержаны республиками Центральной Азии, которые стремятся развивать двусторонние отношения по вопросам безопасности с Соединенными Штатами"²¹, поэтому совпадение целей участников проекта выглядит недостаточно убедительно.

ШОС воспринимается как преимущественно российско-китайское предприятие, а что касается республик Центральной Азии, то их многовекторные двусторонние внешние связи видятся западным экспертам более предпочтительными, чем обязательства, которые налагает участие в многосторонней организации. Согласно позиции некоторых исследователей, "ШОС так и не вышла из маргинального положения после событий 11 сентября, в которое она попала, когда республики Центральной Азии в рамках двусторонних договоренностей подключились к анти-террористическим операциям, руководимым Соединенными Штатами в регионе"²².

Появление позитивных оценок перспектив развития ШОС.

После завершения работы представительных конференций, посвященных вопросам восприятия ШОС на Западе, которые прошли весной 2007 г. в Германии, Италии, Великобритании, все чаще стали появляться публикации, которые освещают динамику развития ШОС в более оптимистичном ключе. Некоторые эксперты, которые остались скептически настроенными, тем не менее, подчеркивают отдельные позитивные сдвиги в интеграционном взаимодействии стран ШОС. По крайней мере, в настоящее время подавляющее большинство исследователей признают, что ШОС будет играть значительную роль в Центральной Азии и увеличит в среднесрочной перспективе диапазон своей активности на международной арене. Бэйлс и Данэй подчеркивают, что "ШОС удалось выработать механизм саморегулирующегося развития и утвердить свое влияние в соседних государствах, что является неотъемлемой характеристикой успешных интеграционных проектов где бы то ни было, как в случае с Европой, так и в Юго-Восточной Азии. Это свойство так и не было достигнуто в других организациях на постсоветском пространстве, например в ОДКБ"²³.

Вместе с растущим интересом к Организации параллельно развивается и понимание того, как сотрудничество с ШОС может пойти на пользу интересам в области безопасности, которые имеются у западных держав в регионе. В своей

последней работе О. Антоненко рассматривает случай взаимодействия ЕС с ШОС как лучший механизм реализации интересов Европейского Союза. Она пишет, что “если ЕС хочет укрепить свою роль в Центральной Азии, то необходимо строить не только прямые отношения отдельно с каждой из стран, но и иметь дело с региональными организациями, ключевой из которых является Шанхайская организация сотрудничества”²⁴.

Другая очень характерная точка зрения была высказана в статье Грега Остина. Он настаивает, что “нельзя поспешно ставить на ШОС печать неудачи, которая больше подходит предыдущим попыткам региональной интеграции. Лучший вклад в будущее Афганистана, который может быть сделан ЕС и НАТО — это содействие решительному и эффективному развитию ШОС, включающей Пакистан и Афганистан”²⁵. В стабильности Большой Центральной Азии заинтересованы все государства, включая страны Запада.

Еще одной положительной тенденцией в динамике развития ШОС является тот факт, что ее организационная структура закрепляет равное представительство всех стран-членов, а присутствие в составе ШОС двух мировых держав препятствует ее эволюции в сторону гегемонистской организации. Таким образом, с точки зрения центральноазиатских республик “необходимость учитывать внешнеполитические приоритеты Китая, частично уравнивается российскими интересами. В принципе, это создает ситуацию, когда республики могут продвигать свои приоритеты и оставить свой след на повестке дня ШОС”²⁶. Поэтому даже критикам Шанхайского объединения все чаще приходится признавать, что значение ШОС нельзя низводить до геополитического инструмента в руках одной единственной сверхдержавы.

Проводя сравнительный анализ Североатлантического альянса и ШОС, некоторые западные эксперты указывают на недостаток конкретных военных акций в рамках последнего объединения. В этом случае необходимо обратить внимание на тот факт, что Шанхайская организация концентрирует усилия на противодействии вызовам безопасности, таким как терроризм и трансграничная преступность. Они коренятся в социально-экономических противоречиях внутри государства но имеют трансгосударственную природу. Поэтому традиционные военные подходы малоэффективны применительно к вызовам, которые не имеют четких государственных границ и затрагивают “актеров вне суверенитета”. Именно это и делает Шанхайскую организацию сотрудничества по-своему уникальной, ведь она старается дать ответ на “новые” угрозы безопасности. Как подчеркивают Бэйлс и Данэй, ШОС приняла “повестку дня двадцать первого века”, которая позволяет вести совместную борьбу с негосударственными угрозами (терроризм, сепаратизм, экстремизм), и признает значимость таких факторов для решения вопросов безопасности, как инфраструктура, коммуникации, энергоресурсы и экономическое равновесие.

Организация действительно сталкивается с многими трудностями, вытекающими из частично несовпадающих интересов участников, и технических проблем, связанных с процессом постепенной отработки, отшлифовки организационных механизмов, а также из необходимости постоянной адаптации к переменчивым условиям потенциально уязвимого региона. Конфликт интересов по отдельным вопросам внутри Организации, безусловно, возможен, но не неразрешим. По поводу возможности внешнего конфликта, столкновения интересов между странами Запада и ШОС можно привести позицию Марты Брил Олкотт согласно которой “существование ШОС никогда не будет служить интересам США, но ей и незачем напрямую препятствовать им”²⁷. Безусловно, интересы

ЕС, США и ШОС вряд ли когда-нибудь будут полностью совпадать, но это естественные разногласия, характерные для отношений между всеми участниками международных отношений. Интересы США и ЕС тоже не совпадают, когда речь заходит о соперничестве за рынки и ресурсы на европейском континенте. Эти противоречия разрешаются посредством напряженной работы контактных групп и отраслевых комиссий, путем ведения постоянного диалога по ключевым проблемам взаимоотношений, и нет никакой принципиальной причины для того, чтобы было иначе в ситуации с Центральной Азией.

Исследователи ШОС на Западе все чаще вынуждены признавать, что Шанхайская организация является открытым объединением в том смысле, что каждый участник волен, исходя из своих целей и приоритетов, выстраивать двусторонние отношения. Это постепенно ослабляет волнение европейцев по поводу агрессивных намерений ШОС в отношении Запада²⁸.

Имидж Шанхайской организации сотрудничества на Западе.

Пока еще слышны мнения о “клубе автократов”, “восточном НАТО”, “анти-американизме” ШОС, действительно остро стоит проблема имиджа организации на Западе. Освободиться от подобных предубеждений поможет планомерное развитие организации на основе принципов открытости, “шанхайского духа”, “организации нового типа” и роста ее влияния на международной арене. Тогда можно ожидать, что появится больше объективных исследований ШОС в странах Запада, и крайние суждения уступят место более взвешенным заключениям. Если ШОС станет органичным элементом современной системы международных отношений, то со временем придет и понимание в мире сущности этой организации и доверие к ней, как это было в случае с другими региональными организациями. Мощный толчок укреплению позитивного имиджа ШОС способно дать присоединение Индии на правах полного члена организации, поскольку Индия свободна от багажа устаревших стереотипов и парадигм времен холодной войны, и традиционно всегда поддерживала хорошие отношения с западными странами, особенно с США и Великобританией. Факт присоединения развеет предубеждения европейских стран о ШОС как формирующемся антизападном военном блоке.

1. Tsongos F.T. Central Asia: Official Outlines U.S. Policy // RFE/RL. 1999. 18 march. — <http://www.rferl.org/nca/feature/1999>.
2. Стар Ф. Партнерство в Центральной Азии // Foreign Affairs. 2005. Июль-август.
3. Elizabeth A.J. U.S. — Central Asian Cooperation // Testimony to the Subcommittee on Central Asia and Caucasus, Foreign Relations Committee, U.S. Senate. 2001. 13 дек. P. 9.
4. В начале 1990-х гг. руководство ЕС выдвинуло проект “Трасека”, который подразумевает создание транспортного коридора “Европа- Кавказ- Азия”.
5. Проект “Иногейт” предусматривает создание условий для вложений европейцев в топливно-энергетическую базу Центральной Азии и Каспия, а также проработку вопроса транспортировка нефти и газа в Европу.
6. Желенин А. Новая стратегия ЕС для Центральной Азии // НГ. 2007. 29 марта.
7. Транскрипт лекции Гернота Эрлера в Джорджтаунском университете (Вашингтон, США), 07.02.2007.
8. Шпаков Ю. Германия не отдаст Россию китайцам. — <http://www.vremya.ru/print/175546.html>.
9. Руденко Е. ШОС и ЕС — взаимный интерес. — <http://www.kazpravda.kz/print.php?lang=rus&chapter=1175884673>.

10. Международный институт стратегических исследований (Лондон), исследовательский проект, посвященный ШОС и вопросам безопасности в Центральной Азии. Директор проекта — Оксана Антоненко.
11. Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution // The Shanghai Cooperation Organisation // Stockholm International Peace Research Institute. Policy Paper 2007. N 17, may. P. 27.
12. Wall D. The Shanghai Cooperation Organisation: uneasy amity // Open Democracy Website (16/06/2006). — <http://193.41.101.59/debates/article.jsp?id=6&debateId=28&articleId=3653>.
13. Tisdall S. Irresistible rise of the dictators' club // The Guardian (06/ 06/ 2006). <http://www.guardian.co.uk/worldbriefing/story/0,,1791089,00.html>.
14. Wall D. The Shanghai Cooperation Organisation: uneasy amity // Open Democracy Website 2006. 16 june.
15. SIPRI — Stockholm International Peace Research Institute.
16. Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution. // The Shanghai Cooperation Organisation. Stockholm International Peace Research Institute. Policy Paper 2007. No. 17.-May. P. 1 [Http://www.sipri.org/contents/publications/Policypaper17.html#download](http://www.sipri.org/contents/publications/Policypaper17.html#download).
17. Yom S. Power Politics in Central Asia // Harvard Asia Quarterly. 2002. Vol.6. No.4. <http://www.asiaquarterly.com/content/view/129/>.
18. Blank S. The Shanghai Cooperative Organisation: Post-Mortem or Prophecy. CEF Quarterly// The Journal of the China-Eurasia Forum. 2005. Summer. — http://www.chinaeurasia.org/files/CEF_Quarterly_August_2005.pdf.
19. Giragosian R. The strategic Central Asian arena // China and Eurasia Forum Quarterly, 2006. Vol. 4. N 1. P. 134.
20. Allison R. // Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. International affairs. 2004. N 2. P. 478.
21. Там же.
22. Там же. С. 479.
23. Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution. // The Shanghai Cooperation Organisation. Stockholm International Peace Research Institute. Policy Paper 2007. N. 17. May. P. 4 — <http://www.sipri.org/contents/publications/Policypaper17.html#download>.
24. Antonenko O. The EU should not ignore the Shanghai Cooperation Organisation // Policy Brief.- Centre for European Reform. 2007. May.
25. Austin G.A More Effective Way to Reconstruct Afghanistan. -The Foreign Policy Centre, UK, [Http://fpc.org.uk/articles/272](http://fpc.org.uk/articles/272).
26. Bailes A., Dunay P. The Shanghai Cooperation Organization as a regional security institution. // The Shanghai Cooperation Organisation. Stockholm International Peace Research Institute. Policy Paper 2007. N. 17. May. P. 2 — <http://www.sipri.org/contents/publications/Policypaper17.html#download>.
27. Olcott M. Central Asia: US Helsinki Commission concerned about SCO's influence.- EURASIA Insight (10/ 01/ 06),. — <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/pp100106.shtml>.
28. Арис С. Шанхайская организация сотрудничества: по материалам британских и американских исследователей. — <http://infoshos.ru/?idn=330>.

Государство и право

Реформа административно-территориального устройства КНР

© 2008

Л. Кондрашова

Государственно-территориальное устройство каждой страны — это такая консервативная культурно-историческая данность, которая не терпит недуманного и неосторожного вмешательства. Реформирование в этой сфере, затрагивая весь комплекс взаимоотношений между Центром и регионами, вторгается одновременно и в сферу политики, и в сферу экономики.

Есть две сверхзадачи, во имя которых правители отваживаются на новое административное районирование: укрепление целостности страны и крайняя необходимость улучшения системы регионального управления. Сочетание этих двух задач на этапе рыночных преобразований требует одновременно расширения экономических прав регионов и укрепления вертикали власти, всей цепочки прямых и обратных связей по линии Центр — крупные регионы — низовые административные единицы. Крен в сторону интересов мест на фоне ослабления государственного центра мешает созданию единого экономического пространства и может провоцировать развитие центробежных тенденций. Приступая к "хирургической операции" по территориальной реструктуризации, китайские реформаторы осознавали и ее необходимость, и непредсказуемость последствий. Проектирование явно превалировало над конкретными действиями, преобразования происходили в вяло текущем режиме, в наибольшей мере соответствующем правилу "переходить реку по камушкам". Ради сохранения свободы маневра эта реформа не афишировалась, сохраняя характер "для служебного пользования", ее освещение даже в научных публикациях остается весьма скудным.

Противоречия между единством экономического пространства и его расчлененностью на административные единицы есть в любой стране, но особую остроту они приобретают в крупных странах на этапах перелома. В условиях плановой экономики сложность управления огромной территорией Китая породила особое сочетание жесткой политической централизации и определенной хозяйственной самостоятельности регионов при постоянном маятниковом колебании между двумя хозяйственными системами — центрального и местного уп-

равления. В китайской экономической науке это подавалось как противоречие между “тяотяо” (вертикальное, ведомственное управление) и “куайкуай” (горизонтальное, территориальное управление). При отсутствии развитых рыночных отношений тот и другой подход вели к дублированию и правительственных, и хозяйственных функций на каждом иерархическом уровне, в результате чего провинции становились “государствами в миниатюре”, а уезды — минипровинциями. С началом экономической реформы по мере увеличения численности китайского населения и общего экономического потенциала КНР границы между административными единицами стали в ряде случаев служить препятствием развитию рыночных связей. Расширение хозяйственной самостоятельности регионов обернулось созданием системы “административной децентрализации”, при которой административные методы управления не упразднялись, а лишь переносились на более низкий таксономический уровень.

К специфике государственно-территориального устройства КНР относится:

- Сложное иерархическое построение аппарата власти с большим числом вертикальных административно-территориальных уровней (пять с учетом центрального);

- Наличие обычных административных единиц (провинций) и национальных районов с закрепленными за ними автономными правами;

- Дуалистический характер административно-территориального деления с выделением аналогичных иерархических уровней территорий и городов;

- Легализация особого административного режима “суперавтономий”, основанного на принципе “одна страна — две системы” для недавно воссоединенных с Китаем бывших колоний Великобритании и Португалии Сянган и Аомыня.

- Асимметрия прав различных территорий по степени территориальной открытости и бюджетной обеспеченности, существование обособленных территориальных анклавов в виде “особых экономических зон” со своим особым налоговым режимом.

В административном делении Китая по территориальному принципу налицо три основных уровня: 1) административные единицы высшего таксономического уровня — провинции (“шэн”) и автономные районы (“цзычжи цюй”), 2) уезды (“сянь”), автономные уезды (“цзычжи сянь”), 3) волости (“сян”) и национальные волости (“цзычжисян”). В рамках этих “настоящих”: административных единиц действуют местные народные правительства и органы местного самоуправления, формируемые Собраниями народных представителей. Депутаты Собраний народных представителей (СНП) уездов и волостей избираются непосредственно жителями, состав СНП районов высшего административного уровня формируется из числа депутатов уездного уровня. В соответствии с Уставом Госсвета КНР по управлению административными районами от 15 января 1985 г. волости и волостные центры создаются по решениям провинциальных правительств, изменения на уездном уровне требуют санкции Госсвета¹.

Кроме трех основных, до недавнего времени существовали два промежуточных административных уровня: субпровинциальный — округа (“чжоу”) занимавшие промежуточное положение между региональным и уездным таксономическим уровнями, и субуездный — районы (“цюй”), специальные районы (“чжуаньцюй”) (между уездом и волостью) и городские микрорайоны. Эти два уровня не были предусмотрены действующей Конституцией, но зафиксированы в законе, регулирующем организацию местных органов самоуправления. В них не созываются Собрания народных представителей, органы управления комплектуются вышестоящими народными правительствами и именуются “делегированными органами”.

Современные “провинции” (“шэн”) как высшие административные единицы в основном сложились в эпоху Мин (XIV–XVII вв.), их история насчитывает, таким образом, более 600 лет². Можно проследить их связь с административными единицами доминской эпохи и с еще более древними государствами, существовавшими в периоды феодальной раздробленности страны. Беспрецедентной устойчивости провинций способствовали не только их длительное историческое существование, тяготение к издревле сложившемуся главному городскому центру, но и определенная географическая целостность, в ряде случаев отражающаяся в названиях, где присутствуют иероглифы с обозначением частей света и географических рубежей — Хэбэй и Хэнань (“к северу” и “к югу” от реки), Шаньдун и Шаньси (к востоку и к западу от гор), Хубэй и Хунань (к северу и к югу от озера)..

Исторически перепланировкой провинций занимались по преимуществу правящие иноземные династии (Юань и Цинь), а также японцы, захватившие в годы второй мировой войны территорию Маньчжурии. После капитуляции Японии в 1945 г. в Маньчжурии было восстановлено прежнее деление на провинции с доведением их числа до девяти. Перед победой революции в 1949 г. в Китае числилось 35 “высшего ранга” территорий: 18 провинций собственно Китая (ареал проживания представителей ханьской нации), 4 провинции Внутренней Монголии, 9 провинций в составе Маньчжурии, две западных провинции, примыкающих к Тибету (Цинхай и Сикан), северо-западная провинция Синьцзян, а также возвращенный Китаю после многих лет японской оккупации Тайвань.

В результате революции 1949 г. Китай “потерял” островную провинцию Тайвань, которая, однако, не приобрела уровень самостоятельного государства, признаваемого мировым сообществом. В первые годы после революции провинциальный состав Китая испытал довольно серьезные метаморфозы, во многом вернувшись к состоянию середины 30-х годов (главное отличие — в переходе провинций, населенных неханьскими нациями, на положение автономных районов). За последующие годы число провинций пополнилось всего лишь провинцией Хайнань, (до этого — островного административного района с особым статусом в составе провинции Гуандун).

Сейчас, спустя полвека после образования КНР каждая из 22-х провинций Китая располагает огромным демографическим и экономическим потенциалом. Все “провинциальные клеточки” огромной “шахматной доски” китайской территории имеют свой исторический городской центр, обладают культурной самобытностью, что позволяет говорить о фактическом отсутствии периферийности. Провинции сосредоточены преимущественно в восточной и центральной частях территории страны с концентрацией ханьского населения, которая прежде рассматривалась как Собственно Китай, или Внутренний Китай. Особенности исторических традиций, производственных навыков и уклада жизни населения, значительные языковые расхождения (в устной речи) при общности иероглифической письменности и даже отличия антропологических признаков — все это дает основание рассматривать жителей той или иной китайской провинции как особое этническое образование в пределах ханьской нации-цивилизации. Современные процессы экономической интеграции и миграции способствуют демографическому “перемешиванию” и росту национального самосознания на базе китайской цивилизационной общности. Тем не менее, и сейчас каждый ханец не забывает о своей родовой провинции как земле своих предков.

На окраинных западных территориях компактного проживания национальных меньшинств (Внешний Китай) в разное время после образования КНР были созданы 5 автономных районов. Теоретически права самоуправления их

всегда были шире, чем у провинций, однако на практике эти права в прошлом нередко игнорировались, местная специфика учитывалась недостаточно. С целью преодоления этих недостатков Конституция 1982 г. подтвердила право районов национальной автономии разрабатывать положение об автономии, даже допускалась корректировка государственных законоположений с учетом реалий данной автономной единицы. Вместе с тем, Конституция и Закон о национальной районной автономии, устанавливая компетенции Собраний народных представителей и народных правительств автономных районов, не расширяют их вплоть до признания права наций на самоопределение, подчеркивая целостность "единого многонационального государства"³.

Провинции и автономные районы делятся на *уезды* ("сянь"), а уезды, в свою очередь, на низшие административные единицы — *волости* ("сян"). Если уезды до недавнего времени не испытывали каких-либо серьезных посягательств на свою легитимность, то волости такой стабильностью своего существования не отличались. В течение 25 лет в административном делении Китая волости отсутствовали, низовые представительные органы в них не предусматривались. Созданные в 1958 г. "народные коммуны" были задуманы инициаторами развернувшейся тогда кампании "большого скачка" как первичные ячейки новой организации общественной жизни на принципах объединения административной и хозяйственной власти. Каждая из 26 тыс. "коммун" объединяла по две или даже большее число волостей. После "большого скачка" было произведено разукрупнение "народных коммун", и к 1964 г. их стало 74 тыс. Конституция 1982 г. восстановила волости и национальные волости, работа по воссозданию, а затем — и укрупнению которых в основном завершилась к концу 1984 г.

Что касается *городских поселений* Китая, то их "элиту" составляют "собственно города", система которых как городских агломераций современного типа начала складываться в середине 20-х гг. прошлого века. По своим масштабам города-*ши* делятся на следующие категории: 1) сверхкрупные города — с населением более 1 млн человек, 2) крупные города — 0,5—1 млн чел., 3) средние города — 200—500 тыс. человек, 4) мелкие города — менее 200 тыс. чел. Вторая категория китайских городов — поселки ("чжэнь"). Если категория "*ши*" является устойчивейшей, вычлениваемой преимущественно по количеству населения, то с категорией "чжэнь" проводились разного рода манипуляции, прямо отразившиеся на суммарной численности городского населения и общих представлениях о степени урбанизации Китая.

Первое постановление КНР относительно содержания понятий "город" ("*ши*") и поселок ("чжэнь") с соответствующими политическими и административными последствиями было принято еще в 1955 г. Крупные изменения были внесены в 1963 г.⁴ Во время переписи 1982 г., т.е. уже на этапе хозяйственной реформы, продолжали действовать "традиционные" критерии (без нововведений 1963 г.), но городские территории к тому времени значительно расширились за счет прилегающих уездов. Следование принципу административной принадлежности привело к тому, что в разряд "горожан" попало значительное число крестьян и дислоцированных на данной территории военных.

С 1984 г. стали действовать правила ГСУ КНР, согласно которым на статут поселка могли претендовать: 1) уездные центры, 2) административные центры волостей с населением свыше 20 тыс. человек, в которых не менее 10% населения заняты вне сферы земледелия, 3) административные центры волостей с населением менее 20 тыс. чел., но при неземледельческой занятости более 10%, 4) поселения особого значения (промышленные, транспортные и туристические центры), в кото-

рых занятость вне сферы земледелия — не менее 2000 чел.⁵ В апреле 1986 г., когда началось стимулирование процессов урбанизации, появилось новое государственное постановление, значительно снизившее критерии перевода населенных пунктов в разряд городских. Было дано разрешение присваивать титул “поселка” центрам территорий с несельскохозяйственным населением более 60 тыс. чел. при стоимости валовой продукции свыше 200 млн юаней⁶, что резко повысило численность горожан. В 1993 г. вышло постановление Госсовета КНР о корректировке критериев города. Был сформулирован комплексный подход по целому набору критериев в зависимости от плотности населения и уровня экономической развитости региона.

В декабре 1999 г. ГСУ КНР выпустило еще одно специальное постановление по поводу разграничения городского и сельского населения, в которое вошли следующие положения: “решения о создании городов принимаются Госсоветом”, “поселки создаются по решениям соответствующих уполномоченных органов”, “жители волостей и деревень рассчитываются по исключению из общей численности населения городских жителей”⁷. Соответственно были сделаны пересчеты уровней урбанизации на 1985—1989 гг., в результате чего образовались два ряда сильно расходящихся между собой цифр. Следует также учитывать, что даже при завышенной “городской планке” примерно 1/8—1/4 имеющихся населенных пунктов, соответствующих установленным стандартам, по тем или иным причинам этот статус пока не получают⁸.

Пересмотры критериев городского статуса, остающихся в целом гораздо более высокими, чем в других странах мира, сложность самой процедуры подсчета населения и числа занятых — все это объясняет значительную степень условности в определении общего уровня урбанизации Китая. Согласно вводимым правилам, при подсчетах городского населения к городу не относились управляемые им уезды, а только близлежащие территории на правах городской области. Эти устанавки ЦСУ формально продолжали действовать до 1997 г., когда начала внедряться система постоянной и временной прописки, и из числа горожан стали исключаться лица временного проживания. Поскольку эти правила не обладали характером строгой директивы, возник большой разноряд в статистических справочниках 80-х гг. В одних случаях численность городского населения определялась по административному проживанию, в других — по занятости (в пределах или вне пределов аграрной сферы), в третьих — по принципу городской прописки, обеспечивавшей выдачу продовольственных карточек.

Что касается топонимических уровней городов, то к высшим административным единицам приравнены по своему положению города *центрального подчинения* (в Китае приходилось сталкиваться с мнением, что эти административные единицы имеют даже более высокий статус, нежели провинции). После создания КНР городов центрального подчинения было 14, но к середине 50-х гг. таковых осталось только 3 — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь. Последний в 1958 г. был понижен до положения главного города провинции Хэбэй, но в 1967 г. его прежний престиж был восстановлен. В 1999 г. к этому разряду городов добавился крупный город провинции Сычуань — Чунцин, который в период войны с японскими захватчиками выполнял функцию столицы неоккупированной территории страны, но после образования КНР даже не стал столицей Сычуани. Поскольку при оформлении современного статута города центрального подчинения к Чунцину отошла значительная часть территории Сычуани, этот акт фактически можно рассматривать как пока единственный в своем роде раздел одной из провинций Китая (к тому же самой многонаселенной).

На следующем уровне административной иерархии находятся города *субпровинциального уровня* и города *окружного уровня*. Категория города *окру-*

жного ранга, или ранга префектур (*дицзиши*). была введена в 1983 г вместо выделяемой прежде совокупности городов подчинения провинции и окружному (районному) административному уровню. Первая категория — новообразование самых последних лет, в нее входят “столицы” провинций и города в статуте “самостоятельных плановых единиц”. Главные города провинций — это города-миллионеры, важные политические центры (а теперь и экономические), некогда соперничавшие между собой за первое место в китайской империи. Столицами Китая (или части его территории) были в свое время Лоян, Сиань, Нанкин, Гуанчжоу, Чунцин. К середине 80-х гг. наиболее крупным китайским городам (включая часть вышеперечисленных) со стоимостью валовой продукции промышленности более 10 млрд юаней стал присваиваться ранг “самостоятельных плановых единиц” с хозяйственно управленческими функциями, близкими к провинциальным. Оставаясь административными центрами провинций, эти города в финансовых и плановых вопросах выходили непосредственно на центральные органы подобно Пекину, Шанхаю и Тяньцзиню. Первым таким городом стал Чунцин (1984 г.). В 1985 г. к нему присоединились еще 6 (Ухань, Шэньян, Далайнь, Гуанчжоу, Харбин, Сиань). В последующие годы это положение заняли Циндао, Нинбо, Сямынь, Шэньчжэнь, Нанкин, Чэнду, Чанчунь. В 1990 г. их число достигло максимальной величины — 14 единиц. В 1994 г. 8 городов утратили этот статус (Чунцин еще раньше, став в 1987 г. городом центрального подчинения). Сейчас на правах самостоятельных плановых единиц выступают только 5 городов (Далайнь, Циндао, Нинбо, Сямынь, Шэньчжэнь)⁹.

Административному уровню уездов соответствуют города *уездного ранга*, а уровню волостей — *поселки*.

По мере роста населения и естественного процесса урбанизации количество городов в Китае неуклонно растет. За 20 лет (1985—2005 гг.) их число удвоилось. В 1985 г. в стране было лишь 324 города-*ши* (три центрального подчинения, 162 — окружного и 159 — уездного ранга). В 2005 г. их стало 661 (4 города центрального подчинения, 283 окружного и 374 уездного рангов). Особенно быстро множатся малые города. В 1949 г. в стране было лишь 68 городов уровня уезда, к 1965 г. — до 88. В 1966–1985 гг. произошел рост до 159 единиц. В 2005 г. их количество умножилось на 215 единиц (рост за 20 лет в 2,35 раза). Больше всего новых городов появилось в восточной приморской зоне. В Цзянсу, например, в 1985 г. было только 2 таких города, в 2005 г. их стало 27. В провинции Чжэцзян за те же годы их число выросло с 2 до 22 единиц. Во второй половине 80-х гг. бурный рост таких городов наблюдался в провинциях Хэбэй, Шаньдун, Гуандун, Ляонин, Хубэй.

До выравнивания административного положения территорий и городов (1983 г.) опробовались следующие варианты их управленческих взаимоотношений:

- *Раздельное существование города и уезда с выходом на разные органы управления* — город существовал как самостоятельная административная единица, подчинявшаяся провинции, уездами руководили округа.

- *Раздельное существование города и уезда с выходом на окружные органы управления* — город и уезды существовали в разных системах административных координат, и город, и уезд управлялись властями округа.

- *Разные системы подчинения уездов* — частью уездов руководил город, частью — округ¹⁰.

Об эволюции численности административных единиц Китая после начала реформы можно судить по следующим данным:

Таблица 1

Эволюция административно-территориального деления (число ед.)

Год	Провинциальный уровень	Окружной уровень		Уездный уровень			
			В том числе		В том числе		
			Города окружного уровня		Города уездного уровня	Территории подчинения городам	Уезды и пр.
1978	30	310	98	2653	92	408	2153
1980	30	318	107	2722	113	458	2151
1985	30	328	163	2825	158	621	2046
1990	31	336	185	2833	279	651	1903
1995	31	334	210	2849	427	706	1716
2000	34	333	259	2861	400	787	1674
2005	34	333	283	2862	374	852	1636
2006	34	333	283	2860	369	856	1635

Источник: Чжунго тунци чжайяо [Краткий статистический ежегодник]. 2007. Пекин, 2007. С. 1.

В самом начале 80-х гг. одновременно с появлением дуальной административной системы (отдельно территории и города) начала прорабатываться идея т.н. “городской реформы”, которую следует рассматривать как попытку совмещения территориальных и городских административных единиц уже под эгидой городов с ликвидацией “неофициального” окружного иерархического уровня. В документе ЦК КПК 1982 г. за номером 51 было сформулировано предложение о создании системы “город руководит уездами”¹¹. Предложение впервые было выдвинуто в докладе Чжао Цзяяна о проекте шестой пятилетки, где он сказал: “В относительно развитых районах нужно соединить округ и города, пусть город руководит уездами”. Целью было: преодолев ведомственную и местническую разобщенность и дифференциацию города с деревней, образовать и узаконить новые территориальные единицы по типу “город плюс городская область”, которые в дальнейшем могли бы заменить округа и города окружного ранга. Предполагалось, что такие городские экономические районы будут в дальнейшем оформлены как самостоятельные административные единицы. Значительный вклад в разработку плана внес известный китайский экономист Ли Инин, обосновавший концепцию сетевого развития вокруг центральных городов, от которых тянутся векторы экономического притяжения к прилегающим сельским районам.

Эта система начала вводиться уже в 1985 г., сначала в экспериментальном порядке на усмотрение местных властей. В отдельных провинциях часть уездов переходила в управление городов, в других сохранялись прежние методы управления. Эксперимент протекал волнообразно, но в целом по нарастающей. Число административных единиц ранга округа в 1985—2005 гг. сократилось со 165 до 17 (плюс 28 автономных округов). В конце 2005 г. Хэбэй, Шаньси, Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Фуцзянь, Цзянси, Шаньдун, Хэнань, Гуандун, Гуан-

си, Хайнань, Шэньси, Нинся, в общей сложности 15 высших административных единиц — т.е. почти половина их общего числа) ликвидировали этот уровень административного деления. Прежние округа получили статус городов окружного значения, в которые влились близлежащие уезды на положении городских районов. Таких районов в подчинении городам в 2005 г. оказалось уже 852 единицы. Часть уездов прекратили существование, объединившись с другими единицами или преобразовавшись в города ранга уезда. Ежегодно число уездов сокращалось на 2—3 десятка. Общее число уездов уменьшилось с 2046 в 1985 г. до 1464 в 2005 г. (вместе с автономными уездами и единицами, приравненными к уездам — 1636). В итоге политика “город управляет уездами” привела к формальному слиянию округа и окружного центра с близлежащими уездами и к появлению в статистических изданиях новой рубрики — “территории, управляемые городами” (вместо округов).

Города-*ши* с проведением реформы начали выступать в нескольких ипостасях и в разных границах: 1) собственно городская территория (город в обычном понимании), 2) город вместе с ближайшим пригородом как своей областью, 3) город с включением подчиняющихся ему уездов. Отсюда — дополнительная путаница в определении численности городского населения. Так получилось, что население Большого Чунцина теперь измеряется 30 млн чел., хотя ясно, что большая их часть — крестьяне, проживающие в сельской местности.

В городах центрального подчинения (Шанхае, Пекине и Тяньцзине) было ликвидировано большинство уездов и умножено число городских районов. Шанхаю в 1991 г. подчинялось 9 уездов, 12 городских районов, а в 2005 г. остался один уезд, городских районов стало 18. К Пекину в 1996 г. относились 6 уездов и 10 районов, в 2005 г. осталось два уезда, городские районы умножились до 12. В Тяньцзине в 2005 г. осталось 3 уезда, городских районов стало 15.

Аналогичная ситуация складывается в субпровинциальных и других крупных городах Гуанчжоу, Шэньчжэне, Нанкине, Ухане, Циндао, Даляне, где уезды также переводятся в ряд городских районов.

Новый принцип территориального деления страны может иметь далеко идущие последствия:

Прежде всего, это отказ от прежней дуальной административной системы (территории и города), которая отличалась громоздкостью административного аппарата, дублированием функций органов власти, и признание за городами ведущей политической и экономической роли.

- Это должно повлечь объединение административного аппарата городских органов власти и округов, что полностью узаконивает субпровинциальный уровень.

- Можно ожидать передачи части функций провинциальных органов власти городам-префектурам, что приведет к сужению властных полномочий провинциальных органов власти даже без пересмотра границ провинций.

- Появление полномасштабных субпровинциальных административных единиц облегчит налаживание различных горизонтальных сетевых связей и поможет более детальному экономическому районированию.

- Создаются дополнительные предпосылки для ликвидации двусложной паспортной системы (горожане и сельские жители), многими расценивавшейся как аномальное явление, для сокращения разрыва между городом и деревней и миграции сельского населения в города,

- Новый подход потребует очередного уточнения понятия “город” и скажется на оценках хода урбанизации.

Хотя "городская реформа" привела к существенным изменениям в средних звеньях административной иерархии, черту под ней подводить еще рано. Даже там, где округа ликвидированы, осталось то или иное количество уездов, которые теперь непосредственно подчиняются провинциям, как и города окружного уровня. В этом случае часть уездов оказывается на втором административном уровне, часть — на третьем (те, что попали под управление городов). В ряде регионов сохранилось, по существу, прежнее административное деление.

Общие результаты реформы оцениваются неоднозначно, крепнет критический настрой. Высказывается мнение, что эта реформа планировалась на стадии "полурыночной-полуплановой" экономики и в нынешних условиях широкого развития рыночных отношений потеряла свое значение. Главный упрек: города не только не стали "мотором" развития сельской местности, но и перетягивают на себя бюджетные финансы. Угрожающая монолитности провинций "городская реформа", очевидно, входит в противоречие с интересами провинциальной элиты, значительно укрепившей свое положение в ходе хозяйственных реформ и опасющейся его потерять. Такая угроза полновластия провинциальных правительств идет со стороны мэров городов, расширяющих зону своего влияния за счет сельского окружения. Зреет альтернативное предложение: ликвидировав промежуточный административный уровень округов, перевести все уезды в прямое подчинение провинциальным органам власти без соподчинения городам. Противники современного варианта "городской реформы" апеллируют к развернувшемуся эксперименту по сокращению числа уровней бюджетной системы. В небольших по площади провинциях сейчас переходят к системе "провинция управляет уездами": сначала в бюджетной сфере, но в дальнейшем возможно введение аналогичного подхода к административному делению. Реформу по расширению своих финансовых прав с перспективой перехода к трехзвенной бюджетной системе (провинция — уезд — волость, т.е. без промежуточного окружного или аналогичного ему уровня) проводят уже 504 уезда и города, управляющих уездами¹².

Совершенно очевидно, что административно-территориальная реформа не может ограничиться "средним уровнем" округов, уездов и городов. Рано или поздно встанет вопрос и о судьбе китайских провинций, большие масштабы которых создают немало трудностей в политическом и экономическом управлении. Есть предложение довести количество китайских провинций хотя бы до 50 единиц¹³. В этом случае в каждой из них может остаться по 50 субпровинциальных районов вместо прежних 100. Однако разукрупнение провинций связано с колоссальными трудностями политического и культурно-исторического порядка, неизбежно натолкнется на противодействие региональных властей и местного населения, особенно в случаях пересмотра провинциальных границ.

Еще сложнее обстоят дела с районами национальных автономий, нарушение политической стабильности в которых волнует центральные власти не меньше, чем региональные. Китай избежал кардинального порока советской системы, в которой был возведен в абсолют этнический принцип государственного устройства, однако, следование принципу территориальной автономии вместо национально-культурной создает дополнительные трудности для борьбы с сепаратистскими устремлениями оппозиционно настроенных националистов. Примечательно, что в западных регионах (Синьцзян, Тибет, Цинхай, Внутренняя Монголия) реформа административно-территориального устройства пока не проходит, там сейчас при сохранении существующего административного деления расширяются права уездов

В свое время должна дойти очередь и до широкого реформирования низовых административных единиц. Возрождается интерес к идее 50-летней давности об аннулировании уровня волостей с тем, чтобы организовать прямое управление деревнями и поселками со стороны уездных властей. В этом случае пятизвенная система административного управления могла бы смениться наиболее распространенной сейчас в мире трехзвенной системой. К упорядочиванию единиц волостного уровня уже приступили в начале XXI в. наиболее развитые регионы — Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Пекин. Анализировавшие эту ситуацию ученые предлагали объединить волости с поселком по аналогии “город управляет уездами”, превращая малые города в “точки роста” окружающей сельской местности. По предложению Е Юймина, такие поселки-волости должны иметь территорию в 100 кв. км и население 50-70 тыс. человек (сам поселок — не менее 20 тыс.)¹⁴.

Сопутствующая реформе экономическая децентрализация в Китае диктуется жизненными потребностями развития производительных сил. Масштабность китайских регионов высшего административного уровня, которые по своему людскому, а теперь и экономическому потенциалу превосходят многие самостоятельные государства, логически обуславливает их претензии на широкую экономическую самостоятельность. По выражению одного из зарубежных ученых, “ошеломляющий экономический подъем Китая невозможно понять, если не учитывать растущей независимости местных и провинциальных органов власти от Центра...”¹⁵.

Однако не секрет, что усиление экономической мощи провинций создает поддержку регионализму и стимулирует национальный сепаратизм. Сейчас в китайском государственном устройстве сочетаются принципы унитаризма “де-юре” (при значительной власти центрального правительства как носителя национального суверенитета и коммунистической партии как консолидирующей идеологической организации) с усиливающейся экономической независимостью регионов. Считается, что передача больших экономических прав регионам не должна ослаблять Центр и создавать межрегиональные конфликты; все субъекты государственно-территориальной системы должны быть наделены определенными административными и экономическими правами, не вступающими во взаимные противоречия и с наиважнейшей задачей укрепления вертикали власти; изменение границ и соподчинения районов должно сопровождаться разделением полномочий и их юридическим оформлением. Пока эта работа явно запаздывает, что влияет на эффективность как административной, так и бюджетно-налоговой реформ. Для дальнейшего продвижения административной реформы потребуются, видимо, более согласованные действия региональных властей и более четкое видение перспектив со стороны центральной власти.

Можно отметить нарастание тенденции развития Китая от унитарного государства особого типа к квазифедеральному государственному устройству. Остается однако открытым вопрос — сохранится ли современная цикличность процесса централизации и децентрализации или он стабилизируется в виде федерального режима (сначала — квазифедерального). Правовое оформление федерального устройства стимулируют такие факторы, как возросшая потребность регионов в частных и иностранных инвестициях, все более очевидная экспансия иностранного капитала и становление местного самоуправления. При этом приходится учитывать, что развитие федерализма не может составлять основу региональной политики государства, поскольку расширение прав и компетенций регионов в рамках федерации само по себе не в состоянии устранить территориальные диспропорции.

Территориально-административное деление Китая на 2005 г.

Р-ны провинц. уровня	Окружной уровень			Уездный уровень				Волостной уровень			
	Гор.	Окр.	Авт. окр.	Р-ны подг. город.	Гор.	Уезд-ды	Авт. уезды	Пос-ки	Вол.	Авт. вол.	Гор. р-ны
Пекин	16					2		142	36	5	131
Тяньцзинь	15					3		120	18	2	101
Хэбэй	11			36	22	108	6	943	966	53	212
Шаньси	11			23	11	85		561	635		193
АРВМ	9		3	21	11	17	3	493	226	17	195
Ляонин	14			56	17	19	8	602	299	77	550
Цзинь	8		1	19	20	18	3	426	169	29	254
Хэйлуцзян	12	1		65	19	45	1	470	380	58	365
Шанхай				18		1		108	3		103
Цзянсу	13			54	27	26		1019	109	1	281
Чжэцзян	11			32	22	35	1	762	461	14	298
Аньхой	17			44	5	56		948	498	9	241
Фуцзянь	9			26	14	45		593	323	18	167
Цзянси	11			19	10	70		773	647	7	123
Шаньдун	17			49	31	60		1194	276	1	460
Хэнань	17			50	21	88		841	1054	12	392
Хубэй	12		1	38	24	37	2	733	201	9	277
Хунань	13		1	34	16	65	7	1089	990	97	233
Гуандун	21			54	23	41	3	1145	4	7	429
ГЧАР	14			34	7	56	12	699	369	58	106
Хайнань	2			4	6	4	6	180	20		18
Чунцин				15	4	17	4	608	353	8	112
Сычуань	18		3	43	14	120	4	1865	2586	93	238
Гуйчжоу	4	2	3	10	9	56	11	691	508	252	92
Юньнань	8	2	3	10	9	79	29	567	677	155	56
ТАР	1	6		1	1	71		140	535	8	9
Шэньси	10			24	3	80		917	680		148
Ганьсу	12		2	17	4	58	7	457	740	30	121
Цинхай	1	1	6	4	2	30	7	123	239	30	30
НХАР	5			8	2	11		14	93		42
СУАР	2	7	5	11	20	62	6	229	532	43	145
Страна	283	17	28	852	374	1464	120	19522	14677		

Примечания: АРВМ — автономный район Внутренняя Монголия, ТАР — Тибетский автономный район, НХАР — Нинся-Хуэйский автономный район, ГЧАР — Гуанси-Чжуанский автономный район.

Источник: Чжунхуа жэньминь гунхэго синчжэн цюйхуа цзяньцэ. 2006 (Брошюра по административно-территориальному делению КНР. 2006). Пекин. 2006. с. 1-9.

1. Е Юйминь. Китайский путь урбанизации [Шану чубаньшэ] Пекин, 2001. С. 180—181).
2. Ху Чжаолян. Пособие по региональному развитию Китая. Бэйцзиндасюэ чубаньшэ, 2000 г. С. 40.
3. Ко времени образования КНР в стране уже существовал один автономный район — Внутренняя Монголия. После того, как в ее восточную часть, прежде оккупированную японцами, вступили части НОАК, в январе 1946 г. была провозглашена ее автономия в составе пяти мэнов. В последующие два десятилетия были созданы Синьцзян-Уйгурский (СУАР, 1955г.), Нинся-Хуэйский (НХАР, 1957 г.) и Гуанси-Чжуанский (ГЧАР, 1958 г.) автономные районы и в сентябре 1965 г., спустя 9 лет после создания соответствующего подготовительного комитета — Тибетский автономный район (ТАР), в который вошла "особая мест-

ность" Чамдо. Во время "культурной революции" произошел "раздел" Внутренней Монголии, части территории которой отошли к провинциям Хэйлуцзян, Ляонин, Ганьсу и Нинся-Хуэйскому автономному району. Площадь самой Внутренней Монголии после такой операции сократилась наполовину. В июле 1979 г. было принято решение о восстановлении АРВМ в границах, существовавших до 1969 г.

4. К городам-муниципиям ("ши") были отнесены тогда только те, в которых проживало более 100 тыс. человек. Поселками ("чжэнь") могли считаться те городские пункты, в которых число жителей превышало 2 тыс. и к несельскохозяйственным занятиям было приобщено более половины (включая население городской области). В исключительных случаях статут поселка мог присваиваться тем населенным пунктам, в которых проживало от тысячи до двух тысяч человек в случае несельскохозяйственной занятости более 75%. В декабре 1963 г. было принято совместное постановление ЦК КПК и Госсовета КНР относительно нового содержания категорий "город" и "поселок" и урезания территории городских областей. Правила присвоения статута "города-ши" остались прежними (более 100 тыс. жителей с некоторыми исключениями для особо важных промышленных, торговых и пограничных центров, административных центров провинций). Понятие же "чжэнь" было пересмотрено в сторону ужесточения критериев, и этот титул стал присваиваться населенным пунктам, где проживало не менее 3000 жителей, из которых свыше 70% были заняты вне сферы сельского хозяйства, либо 2500--3000 человек при 85-процентной несельскохозяйственной занятости, причем при учете лиц, занятых вне сферы сельского хозяйства, требовалась постоянная городская прописка. Эти более высокие требования к статуту поселков согласовывались с проводившейся в те годы антиурбанизационной политикой. Центры "народных коммун" оставались за пределами городского "массива" даже если соответствовали принятым критериям. Правда, перепись населения 1964 г. (вторая перепись, долгое время остававшаяся засекреченной) проводилась не по новым правилам 1963 г., и к поселкам относились, как ранее, только поселения с числом жителей более 2000 человек, из которых более 50% заняты вне сферы сельского хозяйства. См. подробнее Кондрашова Л., Островский А. Урбанизация в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 2. С. 84--85.
5. Чжунго тунцзи няньцзянь. 1997. Пекин, 1997. С. 85--86.
6. Дандай Чжунгоды чэнши цзяньшэ. 1990. С. 16.
7. Постановление ЦСУ КНР 1999 г. за номером 14. См.: Е Юйминь. Цит. соч. С. 145.
8. Ду Цимин. О связи административных районов и городов // Дили яньцзю юй кайфа. 1998. Т. 17, № 1. С. 6.
9. Цзинцзи яньцзю. 2007. № 1. С. 5.
10. Ою Вэйсинь. К проблеме "город управляет уездами" // Цаймао цзинцзи вэньти яньцзю. Пекин, 1984. Т. 2. С. 417.
11. Чжо Юнлян. По поводу предложения о прямом управлении уездами со стороны провинции // Цзинцзи шэхуэй тичжи бицзяо. 2003. № 5. С. 109.
12. Чжан Чжаньбинь. Чжэнфу тэнцзи гайгэ юй шэн чжигуань сянь шисянь луцзин яньцзю [Изучение подходящего пути реформ: прямое управление уездами со стороны провинции] // Цзинцзи юй гуаньли яньцзю. 2007. № 4. С. 26.
13. Zhou Vinliang. China's Administrative Division Should be Reformed // Economic Reference News. 2004. 20 May.
14. Е Юйминь. Чжунго чэншихуа чжи Лу [Путь урбанизации Китая]. Пекин, 2001. С. 181.
15. Каспер В. Конкурентный федерализм // Политэконом. 1997. № 2. С. 38.

Уроки корейского кризиса 1968 года

© 2008

В. Ткаченко

23 января 1968 г. Корея оказалась на грани войны. Пхеньянское радио сообщило об инциденте, происшедшем между северокорейскими патрульными кораблями и американским судном "Пуэбло" в территориальных водах КНДР.

Первая информация была довольно лаконичной, в ней указывалось, что американский вооруженный корабль вторгся в прибрежные воды КНДР в Восточном (Японском) море в точке с координатами 39° северной широты и 127° 46' 9" восточной долготы "совершал преднамеренные провокационные действия". Далее сообщалось, что, поскольку корабль-нарушитель оказал "упорное сопротивление", патрульные суда ВМФ КНДР были вынуждены открыть ответный огонь. В результате перестрелки было убито несколько американцев и взято в плен более 80 человек. Вместе с судном водоизмещением 1000 тонн захвачены десятки единиц стрелкового оружия, зенитные пулеметы, десятки тысяч патронов и гранат, большое количество шпионского снаряжения¹.

В то время в мире мало кто представлял, насколько близка была наша планета к ракетно-ядерному конфликту. Внимание общественности привлекал другой район Азии — Вьетнам, где уже шла полномасштабная война. По сравнению с драматическим кризисом на Кубе осенью 1962 г., когда там тайно были размещены советские ракеты, корейский кризис был менее известен мировой общественности, но от этого он не становился менее опасным.

В отличие от кризиса на Кубе, где Советский Союз был прямым и активным участником событий, военный конфликт в Корее оказался для Москвы полной неожиданностью. Пхеньян давно уже перестал делиться с Москвой не только своими планами или намерениями в части региональной безопасности, но и элементарной информацией об обстановке на полуострове. А события там развивались серьезные.

Нарушение внутренних вод военными кораблями — дело не такое уж редкое, и на такой случай существовали вполне мирные способы урегулирования недоразумений. Однако захват военного судна США в мирное время — случай беспрецедентный в мировой практике, исход которого мог оказаться роковым для страны, отважившейся на подобный шаг. В Москве не располагали све-

дениями об обстоятельствах интернирования американского военного корабля северокорейской стороной.

Было очевидно, что американскому флоту — традиционной гордости вооруженных сил — было нанесено публичное оскорбление. Но этим не ограничивался ущерб, который получили США. Американские власти были изобличены в противоправных действиях в отношении других государств. Кроме того, США понесли потери в весьма важной для безопасности страны сфере, потеряв корабль, до отказа наспигованный новейшей на ту пору разведывательной техникой.

Назревал скандал. Американская общественность не подозревала о том, что с одобрения администрации Л. Джонсона военная разведка занималась опасной деятельностью, связанной с проникновением в территориальные воды других государств. Выяснилось также, что командование военно-морскими силами на Тихом океане не позаботилось о безопасности разведывательного судна и его команды. Они подвергались неоправданному риску и оказались беззащитными перед небольшими патрульными катерами Северной Кореи.

Оказавшись под огнем критики, военное ведомство США искало быстрые и простые решения. Надо было как можно скорее выручать экипаж, не допустить раскрытия секретов размещенного на судне электронного оборудования. Складывалась классическая кризисная ситуация эпохи “холодной войны”. После войны 1950—1953 гг. Корея никогда не была так близка к еще одной катастрофе, как в январе 1968 г.

К чести дипломатов, они опередили военных и средства массовой информации. 23 января 1968 г. посол США в Москве Томпсон попросил о срочной встрече в Министерстве иностранных дел СССР и по поручению своего правительства передал первому заместителю министра В.В. Кузнецову просьбу оказать содействие в возвращении судна и его экипажа.

В советском внешнеполитическом ведомстве не располагали другой информацией о происшедшем инциденте, кроме скупого сообщения пхеньянского радио. Неясность ситуации и намерений участников конфликта ставила нас в трудное положение. Поэтому Василий Васильевич, весьма уважаемый в политических кругах человек и опытный дипломат, заявил американскому послу, что советская сторона не может взять на себя роль посредника в связи с указанным происшествием, и рекомендовал американцам обращаться по этому поводу непосредственно к КНДР как суверенному государству².

Это была апробированная линия поведения нашего МИД, указывающая, с одной стороны, на уязвимость позиции США, не имеющих дипломатических отношений с Северной Кореей, а с другой, на то, что Москва не причастна к конфликтным ситуациям, которые время от времени возникают на Корейском полуострове.

Зимой в Москве темнеет рано. Электрическое освещение в административных зданиях зажигается в 4—5 часов и выключается в конце рабочего дня, в 6—7 вечера. Но в высотном здании МИД на Смоленской площади окна на многих этажах светились днем и ночью. В те тревожные дни целый ряд его подразделений работали в круглосуточном режиме. Дипломаты понимали, что в Корее зреет серьезный военный конфликт, который затрагивает интересы безопасности нашей страны. Черные лимузины и днем и ночью привозили очередную смену дежурных дипломатов, доставляли срочную правительственную почту. В ожидании пассажиров водители не выключали двигатели, чтобы не замерзнуть. Время шло, развитие событий вокруг Кореи могло пойти в любую сторону. Тре-

бовалось что-то срочно предпринимать, но для этого необходимо было, прежде всего, обладать элементарной информацией, знать, что же все-таки произошло.

Советской стороне все же не удалось избежать посреднических услуг, поскольку инцидент в Корее затрагивал интересы безопасности ее дальневосточных районов. Прежде всего Москва информировала руководство северокорейского МИД об обращении посла Томпсона в МИД СССР. Эту миссию выполнил советский посол в Пхеньяне, которому одновременно было поручено выяснить причины и детали инцидента, а также дальнейшие намерения КНДР в этой связи.

Надежды прояснить ситуацию посол возлагал на встречу с министром иностранных дел Пак Сен Чером³. Однако этот руководитель оказался, как всегда, скуп на информацию и оценки, когда дело принимало серьезный оборот. Он охотно рассказал бы о результатах своей последней охоты на фазанов или превратностях погоды, но ничего конкретного об инциденте от него услышать не удалось. Аналогичные результаты дало обращение посольства к руководству Министерства национальной обороны.

С самого начала конфликта американская сторона возлагала надежды на то, что ей удастся быстро, "по горячим следам" урегулировать проблему с минимальным для себя ущербом. Обращение к Москве за содействием не дало положительного результата, тем не менее, советы, высказанные В.В. Кузнецовым, оказались в сложившейся ситуации наиболее продуктивными. Уже на следующий день после инцидента 24 января американский представитель в Военной комиссии по перемирию в Корее вступил в контакт с представителем КНДР и потребовал немедленно возратить судно и его экипаж, а также принести извинения за его интернирование в нейтральных водах. В ответ северокорейская сторона потребовала извинений от США за вторжение их судна в территориальные воды КНДР⁴.

Таким образом выяснилось, что ни одна из конфликтующих сторон не считала свои действия противоправными, что они по-разному оценивают место происшедшего инцидента. Американцы настаивали на том, что захват их судна произошел за пределами 12-мильных территориальных вод, а посему он явился актом произвола.

Северокорейская сторона оправдывала свои действия тем, что американский корабль вторгся в ее внутренние воды. Как заявил заместитель министра иностранных дел Ким Чэ Бон 24 января, данный случай не имеет отношения к вопросу о ширине территориальных вод, поскольку судно вошло в залив, который согласно международному праву считается внутренними водами. При этом он сослался на постановление своего правительства, принятое 5 марта 1955 г., в котором наряду с установлением ширины территориальных вод значительная часть Восточно-корейского залива, где произошло задержание "Пуэбло", объявлялась внутренними водами КНДР.

Между тем, проблема уточнения ширины территориальных вод КНДР в те времена была не совсем простая. Между Севером и Югом неоднократно возникали инциденты на море, и где бы они ни происходили, стороны преподносили их как результат вторжения во внутренние воды. Но какова их ширина, выяснить тогда не удавалось. В то время многие страны пересматривали пределы своих военных и экономических интересов на море в сторону их увеличения, и в Пхеньяне, вероятно, имелись определенные соображения на этот счет⁵. По этой причине там не торопились уточнять свои позиции. Однако ин-

цидент с американским судном вынудил Пхеньян официально подтвердить 12-мильную ширину территориальных вод.

Для того чтобы дезавуировать утверждение американской стороны о задержании "Пуэбло" в нейтральных водах и указать на преднамеренно враждебный характер деятельности американского судна, в КНДР уже на третий день после интернирования судна было опубликовано заявление капитана "Пуэбло" М. Бучера, в котором он полностью признавал свою вину в нарушении территориальных вод и ведении незаконной деятельности. Затем в печати появился отчет о пресс-конференции капитана и текст совместного извинения членов экипажа "Пуэбло". В этих материалах содержался ряд сведений о самом судне и деталях инцидента, которые в какой-то степени проясняли сложившуюся ситуацию.

В частности, выяснилось, что корабль "Пуэбло" принадлежал Тихоокеанскому флоту Военно-морских сил США, его экипаж насчитывал 83 человека, включая 6 офицеров, 75 моряков и двух гражданских лиц. Последние — Дан Ричард Тэк и Гарри Апридейл числились на судне в качестве океанографов, а на деле являлись профессиональными разведчиками. Они прибыли на судно в декабре 1967 г. по приказу начальника отдела каботажных исследований при военно-морском министерстве и занимались изучением военных объектов на территории интересующих разведку государств.

Как сообщил капитан, судно работало по планам Центрального разведывательного управления США. Там прорабатывались варианты распространения войны во Вьетнаме на другие регионы Азии, в связи с чем "Пуэбло" направлялся в прибрежные воды СССР, КНДР и Китая. Задание на проведение разведки прибрежных вод советского Дальнего Востока, береговой линии Северной Кореи и Китая было получено капитаном 2 декабря 1967 г. в японском порту Йокосука от командующего Флотом США в Японии контр-адмирала Франка А. Джонсона. Корабль заходил затем в японский порт Сасэбо, а оттуда двинулся к берегам СССР. Разведка советского побережья прошла благополучно, хотя "Пуэбло", как это видно из опубликованных карт и выдержек из судового журнала, неоднократно нарушал территориальные воды СССР.

16 января 1968 г. судно вошло в прибрежные воды Северной Кореи. Внешне оно выглядело не как военный корабль, а как малое научно-исследовательское океанографическое судно размером с небольшую яхту. Оно не поднимало флага, позволяющего определить его государственную принадлежность.

"Пуэбло" приближался на 9,8 миль от Кальдана, расположенного севернее порта Чончжин, находился в 11,2 милях от Эрандана, в 10,75 и 11,3 милях от острова Рандо восточнее порта Сончжин, в 8,2 милях от мыса Ансенкаб в районе Маяндо, в 7,6 милях от острова Редо в районе Вонсана. Отсюда, по признанию капитана, был виден дым, поднимающийся из труб домов, расположенных на берегу.

Фиксировалась численность кораблей Военно-морского флота Северной Кореи, масштабы их деятельности, расположение радарных установок, велось прослушивание радио с целью выявления пунктов командования, связи, других военных объектов, а также возможности портов, характеристики других береговых сооружений, океанографические исследования, необходимые для действий подводных лодок.

При появлении катеров береговой охраны капитан предпринял попытку выйти из территориальных вод, открыв огонь по преследующим его катерам. Одновременно он попросил помощи у военных баз в Южной Корее и Японии. Но

“Пуэбло” слишком глубоко вошел в прибрежные воды и не мог рассчитывать на помощь. Франк А. Джонсон приказал капитану ни при каких обстоятельствах не дать себя интернировать. Но выполнить этот приказ уже было невозможно.

Капитан указал точку захвата корабля: в 7,6 милях от острова Едо, т.е. в пределах 12-мильной зоны. В перестрелке один член экипажа американского судна был убит, трое ранены. Капитан полностью признавал свою вину в нарушении территориальных вод и осуществлении незаконной деятельности⁶.

Это была первая информация, проливающая свет на фактическую сторону инцидента. Конечно же, надо было учитывать, что признания М. Бучера были сделаны не на открытой пресс-конференции с участием зарубежных корреспондентов, а в условиях интернирования, что могло повлиять на его интерпретацию события в выгодном для северокорейской стороны свете. Тем не менее, информация капитана позволяла сделать определенные выводы:

Во-первых, северокорейские моряки не знали, что имеют дело с американским судном. Во-вторых, они не предполагали, что это был военный корабль. Возможно, если бы на корабле был флаг, свидетельствующий о принадлежности судна Военно-морским силам США, инцидент имел бы иной исход.

Правда, северокорейские ВМС не всегда придерживались общепринятых правил поведения военных судов в море, так как имели приказ применять оружие против “чужих кораблей”, действуя по принципу “сначала стреляй, а потом разбирайся”. Это было хорошо известно советской стороне по собственному опыту. Так они поступили с советскими судами “Унги” в 1960 г., “Профессор Гагаринский” в 1990 г., а также с судами других государств⁷.

И, в-третьих, Пхеньян неожиданно попал в сложную ситуацию, однако не искал простых решений, а пытался использовать инцидент для достижения определенных политических целей.

Сопоставление позиций США и КНДР в самом начале инцидента указывало на то, что стороны еще не успели обременить ситуацию какими-либо непродуманными шагами, и им было достаточно обменяться извинениями, чтобы закрыть проблему. Об этом, в частности, говорил представитель КНДР в Военной комиссии по перемирию генерал Пак Чун Гук, который настаивал всего лишь на извинениях, наказании виновных и обещании не совершать подобных действий в будущем⁸.

Однако событиям было суждено развиваться по другому сценарию.

25 января президент Л. Джонсон с одобрения Национального Совета Безопасности объявил срочную мобилизацию резерва военно-воздушных и военно-морских сил США общей численностью 14 600 человек. Американские и южнокорейские войска были приведены в состояние чрезвычайной боевой готовности. Атомный авианосец “Энтерпрайз” и корабли сопровождения были направлены к берегам Кореи. С Окинавы в Корею перебазировано несколько десятков истребителей США. Американская пресса обсуждала вероятность нанесения ответного удара по Северной Корее силами авиации и флота, а также уничтожения “Пуэбло” вместе с его электронной начинкой⁹.

Насколько известно, советское военное командование не предпринимало специальных мер предосторожности в связи с инцидентом вокруг “Пуэбло”, повышенный режим боеготовности в войсках и на флоте не вводился. Однако в силу того, что в годы холодной войны флоты СССР и США действовали в постоянном контакте, стремясь не упускать друг друга из виду, какая-то часть советских военных кораблей на Тихом океане находилась в зоне действий авианосца

“Энтерпрайз”. По крайней мере, в печати не было сведений об опасном противостоянии флотов двух держав в этом регионе.

Возможность устранить конфликтную ситуацию малой ценой оказалась упущенной. Заработала логика эскалации силовых методов. В ответ на требование начальника штаба 8-й американской армии вернуть экипаж судна представитель командования Вооруженных сил КНДР 27 января предупредил, что “если США предпримут вооруженную акцию против КНДР, американские моряки будут расстреляны”¹⁰.

Для того чтобы объективно оценить позиции и действия сторон, которые оказались вовлеченными в конфликт, будет полезным напомнить об обстановке, сложившейся к 1968 г. на мировой арене. Это был апогей “холодной войны”. В связи с американской агрессией во Вьетнаме отношения между СССР и США резко ухудшились. Москва провозглашала приверженность курсу мирного сосуществования, но одновременно была готова давать решительный отпор агрессивным силам. Она не слишком заботилась о том, что о ней говорили на Западе, и зачастую действовала на международной арене теми же методами, что и другие великие державы. События разворачивались на фоне ухудшения советско-китайских отношений, отсутствия взаимопонимания между Москвой и Пекином по кардинальным проблемам разрядки международной напряженности. Трудовая партия Кореи пыталась удержаться на нейтральных позициях в споре между Москвой и Пекином, но в конечном счете, встала на сторону Китая, подключившись к кампании по разоблачению Советского Союза в “сговоре с империализмом”¹¹.

Все более четко стали выявляться различия в нашей и северокорейской оценке мировой ситуации и проблем Корейского полуострова. Руководители КНДР считали, что войны не следует бояться и что “без антиамериканской борьбы нельзя думать ни о победе великого революционного дела, ни о мире во всем мире и прогрессе человечества”¹².

Пхеньяном была разработана своеобразная тактика действий на международной арене. Суть ее заключалась в том, чтобы создать единый фронт борьбы против американского империализма, распылить его силы на многих направлениях, “оторвать ему руки, затем — ноги и, в конечном счете, перерезать ему горло”¹³.

Аналогичные мотивы отчетливо просматривались в политике Северной Кореи в отношении Юга. Объединение Кореи рассматривалось в Пхеньяне как задача, которая “не терпит ни малейшего промедления”. Там считали, что в Южной Корее вскоре произойдет революция, в ходе которой произойдет объединение страны¹⁴. В этом случае, по словам корейских лидеров, потребуется вооруженная помощь со стороны Севера, что приведет к войне, которая перерастет рамки локальной, распространится на СССР и КНР, с которыми у КНДР существуют союзные договоры.

Выводы Пхеньяна о “назревании революционной ситуации на Юге” не подтверждались имевшейся в Москве информацией. Вместе с тем было очевидно, что социальное и экономическое соревнование между Севером и Югом все более превращалось в гонку вооружений, балансирование на грани серьезного военного конфликта. Концентрация вооруженных сил на полуострове достигла значительного уровня. Южная Корея, где проживало 31 млн чел., имела тогда 620-тысячную армию и более двух миллионов резервистов.

На Юге дислоцировался 50-тысячный корпус американской армии, оснащенный новейшим оружием, включая тактическое атомное оружие. КНДР насчитывала 14 млн чел. населения, 500-тысячную армию и народное ополчение, превы-

шавшее миллион человек. Таким образом, на полуострове концентрировалось в основном вблизи демилитаризованной зоны более миллиона солдат, более трех миллионов хорошо обученных резервистов также были готовы к боевым действиям.

В октябре 1966 г. КНДР взяла курс на форсирование военного строительства, отдавая отчет в том, что это пагубно отразится на экономической ситуации в стране. Были поставлены задачи превратить армию в кадровую, модернизировать ее, вооружить весь народ, создать материальные резервы для ведения войны длительное время¹⁵. По неофициальным подсчетам советских экономистов, более половины государственного бюджета КНДР расходовалось в те годы на военные нужды и оборонное строительство.

В гонке вооружений не отставала и Южная Корея, чему в немалой степени способствовала война во Вьетнаме. Военные расходы Республики Корея за пять лет (1965—1969 гг.) возросли почти в три раза¹⁶. Резко увеличились размеры американской военной помощи. Если до начала вьетнамской войны (1961—1965 гг.) они составили 815 млн долл., то в ходе этой войны (1966—1970 гг.) они увеличились до 1,68 млрд долл.¹⁷ 300 тыс. южнокорейских солдат в составе дивизии “Тигр” и бригады морской пехоты “Голубые драконы” приобрели во Вьетнаме боевой опыт¹⁸. В Сеуле делались заявления о готовности принять вызов Северной Кореи и нанести ей военное поражение в начале 70-х гг.

Участились вооруженные инциденты в районе демилитаризованной зоны, которые нередко завершались продолжительными артиллерийскими перестрелками, нападениями на корабли и самолеты друг друга. По данным командования ООН, число серьезных вооруженных столкновений в 1967 г. достигло наивысшего уровня за период после окончания корейской войны. В 1966 г. их было 50, в 1967 г. — 829, в 1968 — 761, в 1972 — 1¹⁹.

За два дня до инцидента с американским судном “Пуэбло” в центре Сеула произошло нападение на дворец президента страны. Оставшиеся в живых нападающие сознались, что являются военнослужащими северокорейской армии и имели задание убить президента. Пхеньян отрицал свою причастность к случившемуся.

Следует отметить, что в политическом руководстве СССР не было заблуждений относительно того, в какую сторону развиваются события на полуострове. Курс на форсирование объединения Кореи вступал в противоречие с задачей сохранения мира и безопасности на Дальнем Востоке и ставил под прямую угрозу интересы Советского Союза. Советские лидеры настоятельно рекомендовали северокорейскому руководству проявлять сдержанность, не провоцировать другую сторону, не давать повода, чтобы КНДР обвиняли в нагнетании военной напряженности. Советский руководитель Брежнев Л.И., человек в прошлом военный и достаточно прямой в суждениях, не раз напоминал руководителям КНДР об уроках корейской войны 1950—1953 гг., которая ничего кроме горя и разрушений не принесла корейскому народу.

В Москве пытались прогнозировать развитие событий и приходили к неутешительным выводам: вопреки своему желанию наша страна может быть втянута в военный конфликт на Корейском полуострове. Такая возможность была заложена в договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, который был подписан в Москве 6 июля 1961 г. Статья первая договора предусматривает, что если одна из сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства, то другая сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Столь жесткие и безусловные обязательства в военной области в то время не имели прецедентов. Не предусматривались какие-либо дополнительные процедуры или согласования, которые должны были предшествовать военным действиям, не оговаривалась адекватность ответных мер, их временные рамки.

События в Корее принимали все более опасный характер, под угрозу ставились интересы СССР. Главной для Советского Союза в связи с договором стала проблема, каким образом не допустить перерастание вооруженных инцидентов в прямое военное столкновение. Складывалась парадоксальная ситуация, когда поводом к локальной войне мог стать любой незначительный конфликт. Причем, у нас даже не спрашивали, готовы ли мы участвовать в такой войне, а тем более в мировой термоядерной. Получалось так, что нашу участь и судьбу нашего государства, воевать нам или не воевать — все это определяли в Пхеньяне. Более нелепую перспективу трудно было вообразить, но именно так рассуждали некоторые северокорейские руководители. Посещая Москву, они откровенно говорили: “Мы вам потом скажем, когда в Корее начнется война, а пока было бы хорошо уже сейчас получить от вас побольше оружия”.

К концу 1967 г., спустя шесть лет после подписания союзного договора встал вопрос о необходимости уточнения характера вытекающих из него обязательств. Другими словами, речь шла о том, как предотвратить втягивание СССР в военный конфликт на Корейском полуострове.

В январе 1968 г. советским руководством было принято решение относительно толкования советско-корейского договора как сугубо оборонительного, призванного обеспечить мир и безопасность на полуострове. Утверждалась концепция, которая давала Советскому Союзу возможность выбора средств реагирования на военную ситуацию в Корее с тем, чтобы уменьшить опасность вовлечения в военный конфликт на полуострове. Смысл подготовленного экспертами документа состоял в том, что наша страна могла выполнить свои военные обязательства только в случае, если: КНДР не спровоцировала вооруженное нападение крупного масштаба, не вовлечена в конфликт в силу обязательств по договору с другим государством, не оправдывает конфликт интересами объединения страны. Кроме того, военным акциям в любом случае должны предшествовать консультации сторон.

По случайному совпадению концепция была одобрена буквально за неделю до инцидента вокруг американского судна “Пуэбло”. И хотя кризис оказался неожиданным для Москвы, там вполне представляли, чем он мог обернуться для Советского Союза и как следует действовать в подобной ситуации.

Пока военные корабли и авиационные соединения приводились в состояние боевой готовности, на дипломатическом фронте события разворачивались с нарастающей быстротой. 25 января представитель США в ООН Гольдберг официально обратился к председателю Совета Безопасности с просьбой о срочном созыве Совета в связи с захватом судна “Пуэбло” в нейтральных водах. В его письме также указывалось, что режим перемирия в Корее неоднократно нарушался в последнее время, в частности, упоминался инцидент, связанный с попыткой покушения на президента Южной Кореи.

В тот же день посол США в Москве вручил послание президента Л. Джонсона председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, в котором обращалось самое серьезное внимание на действия северокорейских властей и выражалась надежда на то, что Советское правительство использует все свое влияние, чтобы убедить Пхеньян немедленно освободить “Пуэбло” и его команду.

Тревожный тон послания подтверждал существовавшие в советском руководстве опасения относительно возможности наихудшего варианта развития кризиса. Надо было убедить американцев в необходимости проявлять сдержанность. В ответном письме А.Н. Косыгина Л. Джонсону от 27 января советская сторона заявила, что не разделяет ту интерпретацию событий, которую дают им в США. Обращалось внимание на опасные последствия, которые могла бы повлечь за собой милитаристская кампания, развернутая в США в связи с инцидентом вокруг захвата "Пуэбло". Советский премьер отмечал, что попытки применить в отношении КНДР методы давления могут лишь усложнить возможность урегулирования конфликта, и предостерегал Л. Джонсона от принятия опрометчивых действий.

Информация о письме Л. Джонсона и о нашем ответе на него была срочно направлена в Пхеньян. В комментариях к обмену посланиями советская сторона выражала надежду на то, что корейское руководство учтет все обстоятельства, вытекающие как из международной ситуации, так и из внутривнутриполитической обстановки в США, подчиненной интересам предстоящих президентских выборов, которые могут толкнуть американскую сторону на опасные действия.

Одновременно советскому представителю в Совете Безопасности ООН было дано указание возражать против включения в повестку дня Совета жалобы США на действия КНДР, а если это не удастся сделать, то добиваться ослабления военного противостояния сторон и перевода кризиса в русло переговоров.

В целом же, СССР был существенно ограничен в принятии других шагов, возможных в подобной ситуации, поскольку он не располагал достаточной информацией о случившемся. Проблема информации, политических консультаций всегда была слабым местом в наших отношениях с КНДР.

Первая информация об инциденте была получена советской стороной во время встречи советского посла с Ким Ир Сенем 28 января. Подтвердилось наше предположение о том, что северокорейцы не имели намерений задерживать это судно, не знали, что это военный корабль и кому он принадлежит. Попутно выяснилась немаловажная деталь. По словам Ким Ир Сена, никто не догадался точно зафиксировать точку, где закончился процесс задержания судна, ушедшего в открытое море. Таким образом, стало ясным, что первоначальная версия Пхеньяна о задержании судна в территориальных водах оказалась неточной.

Корейское руководство, как говорил Ким Ир Сен, было настроено быстро урегулировать инцидент, но это оказалось невозможным в связи с угрозами США нанести удар по городам Северной Кореи. Он заверил, что в Пхеньяне не желают войны, не будут поддаваться на провокации и намерены вести дело к разрядке напряженности, консультируясь с Советским Союзом²⁰.

Информация Ким Ир Сена была оценена в Москве позитивно, она свидетельствовала об отсутствии у Пхеньяна намерений расширять конфликт. Оставалось, правда, неясным, когда и как предполагается решать проблему американского судна и его команды. Создавалось впечатление, что Северная Корея не торопится искать выход из сложившейся ситуации.

Сопоставление высказываний Ким Ир Сена с практическими шагами корейской стороны создавало впечатление, будто в Пхеньяне есть люди, которые придерживаются более жестких позиций в отношении американского судна. Но представить себе такую ситуацию в реальных условиях Северной Кореи было немислимо. Можно допустить, что военная верхушка проявляла готовность к решительным действиям, только вряд ли она стала бы противоречить мнению

Верховного главнокомандующего. Скорее всего, мы здесь столкнулись со своеобразной тактикой Пхеньяна в сфере информации.

26 января министр обороны КНДР Ким Чан Бон передал советскому послу просьбу своего правительства о срочной поставке средств ПВО в связи с вероятной возможностью налетов американской авиации на Пхеньян и другие города страны²¹. Эта просьба, скорее всего, была удовлетворена.

Информация Ким Ир Сена вселяла надежду на мирный исход конфликта. Одновременно выяснилось, что и другая сторона в принципе не против решения его мирными средствами. Об этом говорилось в письме государственного секретаря США Д. Раска, которое он направил министру иностранных дел СССР А.А. Громыко 29 января. Он сообщал, в частности, что президент Л. Джонсон проявляет в вопросе о "Пуэбло" сдержанность и исходит из того, что скорейшее возможное урегулирование положения было бы в интересах всех сторон. Далее в письме госсекретаря излагались обстоятельства захвата "Пуэбло" в международных водах. Американская сторона, писал Раск, может предоставить магнитофонные записи радиogramм капитана "Пуэбло", а также командиров корейских катеров о местонахождении корабля во время его задержания. Он сослался при этом на статью 23 Женевской конвенции 1958 г., в которой говорится, что если какой-либо военный корабль не соблюдает правил прохода через территориальные воды, то прибрежное государство может потребовать от него покинуть эти воды. Раск отметил, что хотя КНДР не является участником Женевской конвенции 1958 г., однако положением статьи 23 лишь подтверждается обычная норма международного морского права.

Из письма напрашивался вывод о том, что позиции обеих сторон в конфликте были небезупречными. Спорными оставались проблемы идентификации судна "Пуэбло" как военного, определения места начала и конца его задержания и ряд других деталей. В то же время различия в оценках как раз и давали повод для поиска приемлемого решения проблем за столом переговоров.

28 января состоялась первая встреча офицеров связи в Пханмунчжоме, где американская сторона передала корейской стороне письмо, в котором предлагалось провести закрытые переговоры по вопросу о "Пуэбло". Письмо не было принято по той причине, что оно не содержало подписи и даты. На последовавших затем встречах офицеров связи 30 января и 1 февраля рассматривались документы, отвечающие необходимым требованиям, а также порядок проведения неофициальных переговоров между представителями США и КНДР.

9 дней спустя после инцидента, 2 февраля в Пханмунчжоме переговоры все же стартовали. Американская сторона поставила вопрос о возвращении судна и экипажа, а также просила сообщить имена убитых и раненых членов команды. Корейская сторона настаивала на том, чтобы США принесли извинения за вторжение судна в территориальные воды КНДР, дали заверения, что подобные действия не будут допускаться впредь, убрали войска и вооружения, доставленные в Южную Корею после инцидента с "Пуэбло"²².

Таким образом, заинтересованные стороны вошли в прямой контакт, что вселяло надежду на мирный исход. В Москве понимали, что у конфликтующих сторон разные позиции, но поскольку они вступили в переговоры, угроза военного конфликта отодвигалась. Появилась реальная возможность решить конфликт мирными средствами.

В этих условиях совершенно неожиданным для советской стороны явилось обращение правительства КНДР от 30 января с предложением "немедленно

оказать КНДР военную и иную помощь всеми имеющимися в распоряжении СССР средствами, если Корея окажется в состоянии войны". Инцидент с судном "Пуэбло" рассматривался в обращении как "грубый вызов КНДР и СССР, связанных союзническими отношениями по договору". В нем говорилось также, что США могут "в любое время пойти на военную авантюру в Корее, поэтому КНДР вынуждена вести подготовку, чтобы нанести агрессору должный отпор".

Принимая это послание, советский посол в Пхеньяне пытался выяснить, какие новые и неведомые нам обстоятельства обусловили появление столь серьезного обращения правительства КНДР, какие конкретно меры предпринимает корейская сторона для нанесения ответного удара. Однако никаких разъяснений он не получил²³.

Вот так, легко и просто, Пхеньян распорядился всеми имеющимися у советской стороны средствами и, по сути дела, судьбой нашей страны, предлагая участвовать в войне против США. Если мировая термоядерная война представлялась Пхеньяну адекватным ответом на нарушение территориальных вод, то возникал вопрос, а не была ли вся эта история с захватом судна частью плана Северной Кореи по форсированному объединению страны? Если это действительно так, то задумывались ли в Пхеньяне, какую цену придется заплатить человечеству за такую авантюру? Причем предлагаемый Пхеньяном сценарий мирового термоядерного конфликта выбран им без каких-либо консультаций с союзником и даже без предоставления ему элементарной информации о вооруженном инциденте.

Обращение правительства КНДР восприняли в Москве как неадекватную реакцию на заурядное событие времен "холодной войны". Трудно было понять, почему это обращение появилось неделю спустя после начала конфликта, когда уже начались переговоры о его урегулировании мирным путем. Может быть, это — запоздалая реакция на угрозы США нанести удар по территории Северной Кореи или плод несогласованности действий политических ведомств, в результате чего в послании не была учтена быстро менявшаяся ситуация. Не исключалась также версия "проверки СССР на верность" союзническим обязательствам. Ведь там по-прежнему считали, что Москва "вступила в сговор с американским империализмом и предала интересы революционных народов". С другой стороны, корейское руководство могло располагать сведениями, которые убеждали их в том, что война неизбежна. Во всяком случае, в наших руководящих кругах сочли разумным не торопиться с ответом на обращение, подождать дополнительных разъяснений с корейской стороны.

На следующий день после получения обращения состоялась встреча советского посла с Ким Ир Сенем. Обсуждалось предложение советской стороны о целесообразности выдворения команды "Пуэбло" из пределов КНДР. Москва исходила из того, что дальнейшее затягивание решения вопроса о судне и его экипаже может вызвать новую волну военной активности США. Корейский руководитель ни словом не обмолвился об опасности войны или о послании своего правительства. Беседа проходила в обстановке взаимопонимания и заметно отличалась по тону и содержанию от послания правительства²⁴.

В начале февраля в Пхеньян был направлен секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев, который на встрече с Ким Ир Сенем поднял вопрос о выдворении из КНДР команды американского судна. Корейский лидер не исключал возможности такого решения, но он намеревался предпринять некие дополнительные шаги в целях достижения более весомых политических результатов. Ким Ир Сен

сказал, что “задерживать американских моряков они особенно долго не будут”²⁵. В то время никто не предполагал, что это задержание продлится 236 дней.

Обращение правительства КНДР за помощью на случай войны стало второй загадкой для Москвы. Похоже, что Пхеньян предпочитал рисковать, оставаясь на грани войны и одновременно за столом переговоров. Тем не менее, беспокойство, содержащееся в обращении правительства КНДР, вынуждало советские власти уточнить намерения Вашингтона относительно кризисной ситуации в Корее. В конце концов, Вашингтон спровоцировал конфликт, следовательно, он обязан нести ответственность за содеянное. В послании советского премьер-министра А.Н. Косыгина президенту Л. Джонсону от 3 февраля обращалось внимание на концентрацию вооруженных сил США на Дальнем Востоке вблизи границ нашего государства и опасность использования методов военного нажима на КНДР. Американский президент в своем ответе 5 февраля в принципе с пониманием воспринял озабоченность советской стороны обстановкой на Дальнем Востоке и всю ответственность за это возлагал на Пхеньян.

Пхеньян, в свою очередь, обвинял США и предупреждал о неотвратимом возмездии. Выступая на приеме по случаю Дня армии, Ким Ир Сен заявил: “Если американские империалисты и дальше будут пытаться урегулировать этот вопрос путем угроз и шантажа, то этим они ничего не добьются, их ожидают трупы и гибель. Мы не хотим войны, но в то же время и не боимся ее. Наш народ и народная армия ответят возмездием на “возмездие” американских империалистов, на их “тотальную войну” — тотальной войной”²⁶.

Круг замкнулся. Никто не хотел идти на компромисс. По сообщениям советского посла, в Пхеньяне началась частичная эвакуация населения, неоднократно объявлялась воздушная тревога, наблюдались перебои в работе предприятий и учреждений столицы, ночью соблюдалась светомаскировка. МИД КНДР настойчиво предлагал советскому послу содействие в сооружении бомбоубежища на территории посольства. Посол отклонил такое предложение.

Неофициальные переговоры между представителями США и КНДР указывали на то, что ни одна из сторон не намерена отступить от ранее заявленных позиций. Корейцы настаивали на извинениях как непременном условии рассмотрения всех других проблем, а американцы не торопились такие извинения приносить. В ходе первых пяти раундов удалось лишь уточнить имена погибшего и трех раненых моряков. 10 февраля стороны договорились о переносе обсуждения вопросов, связанных с передачей трупа и раненых, на официальные переговоры в рамках Военной комиссии по перемирию в Корее. Такие переговоры состоялись 14 февраля, но закончились безрезультатно.

Здесь следует заметить, что всю эту и последующую информацию о ходе корейско-американских переговорах получали в Москве не из Пхеньяна. Она поступала регулярно из Вашингтона. Причем, из-за 6-часовой разницы во времени сведения о ходе встреч на территории Кореи получали в Москве в день их проведения.

В ходе шестого раунда переговоров 15 февраля американцы обещали подумать об извинениях, если возвращенные раненые моряки подтвердят факт задержания судна в территориальных водах. В свою очередь, КНДР отклонила ссылки США на положения Женевской конвенции 1958 г., согласно которой она не имела права интернировать военный корабль США.

Седьмой раунд 16 февраля фиксировал обещание США отдать приказ своим судам держаться за пределами 12-мильной зоны от побережья КНДР.

Восьмой раунд 20 февраля был примечателен тем, что корейская сторона сообщила о своем намерении судить американских моряков, но не стала этого делать, принимая во внимание их раскаяние.

Делались попытки выяснить мнение США относительно обмена команды "Пуэбло" на находящихся в тюремном заключении южнокорейских политических деятелей левого толка. Такой зондаж северные корейцы предприняли через представителей нейтральных стран в Комиссии по наблюдению за перемирием²⁷. В этом случае, как полагали в Пхеньяне, вопрос о принесении американцами извинений может отпасть. Американцы ответили, что это предложение их не устраивает, поскольку южнокорейские власти не удовлетворены позицией США в конфликте из-за "Пуэбло", и предложение об обмене может еще больше обострить их отношения с Сеулом.

Кстати, это едва ли не единственное упоминание об отношении Южной Кореи к сложившейся ситуации. Там до сих пор весьма неохотно комментируют события, связанные с "Пуэбло", поскольку Сеул оказался отстраненным от решения проблем, имеющих прямое отношение к его собственной безопасности. Президент Южной Кореи Пак Чжон Хи, переживший очередное покушение на свою жизнь накануне захвата "Пуэбло", не нашел ничего лучшего, как обратиться к странам-участникам минувшей корейской войны с призывом вновь направить свои войска в Корею. Сеул был явно разочарован тем, что американцы пошли на переговоры с Северной Кореей, не считаясь с интересами своего южнокорейского союзника.

Параллельно предпринимались шаги к урегулированию корейского кризиса в рамках ООН. США удалось провести обсуждение инцидента в Совете Безопасности, хотя оно и было малорезультативным. Более продуктивным выглядело предложение представителей ряда афро-азиатских стран — членов Совета Безопасности об использовании формы посредничества или добрых услуг со стороны Генерального секретаря ООН У Тана или пяти непостоянных членов Совета Безопасности для урегулирования инцидента с "Пуэбло"²⁸.

Северокорейская сторона отклонила указанные предложения, заявив, что она в принципе против какого-либо посредничества или добрых услуг. Министр иностранных дел Пак Сен Чер отметил, что у Севера есть возможность непосредственных контактов с американцами через военную комиссию в Пханмунчжоме²⁹.

Таким образом, постепенно стала проясняться позиция КНДР. Находясь под защитой ядерного зонтика СССР и будучи уверенным, что США не решатся нанести удар по КНДР, северокорейское руководство стремилось извлечь из конфликта максимальный политический эффект. Становилась очевидной и цель, которую поставили в Пхеньяне — выйти на прямые контакты с США, а затем повышать уровень переговоров и довести их до правительственного уровня, что фактически будет означать признание КНДР де-факто со стороны США.

Сигнал о том, что следовало бы делать американской стороне, прозвучал в коллективном заявлении членов экипажа "Пуэбло". Они писали, что хотя их "раскаяния правдивы и чистосердечны, они не могут быть достаточными, потому что любые наши извинения — это всего лишь извинения экипажа "Пуэбло". Они не могут заменить собой официальные извинения правительства США"³⁰.

В связи с усилением военной напряженности в районе Дальнего Востока Москва выступила с инициативой проведения с корейским руководством срочных консультаций. В середине февраля Ким Ир Сену было передано приглаше-

ние посетить Москву для консультаций. Ответ Пхеньяна сводился к тому, что Ким Ир Сену будет затруднительно покинуть страну в нынешней напряженной обстановке. Вскоре в Москву прибыл министр национальной обороны КНДР Ким Чан Бон, который был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС³¹.

Информация корейского гостя не содержала каких-либо новых для советской стороны сведений. Он говорил, что обстановка в Корее очень напряженная и что дальнейший ход событий целиком зависит от позиции США, т.е. если американцы развяжут войну из-за "Пуэбло", то в Корее будет война, если они ее не начнут, то войны не будет".

Таким образом, корейская сторона подтвердила, что она снимает с себя ответственность за возникновение кризиса и не намерена урегулировать его посредством компромиссов, даже если это и приведет к войне в Корее. Москва не могла согласиться с такими оценками событий и перспективами их развития. Советский Союз, по сути дела, подталкивали к участию в войне, не спрашивая его согласия на это. Отдавая отчет в том, что беседа с министром Национальной обороны КНДР может оказаться единственной возможностью довести до сведения Пхеньяна озабоченность Советского Союза в связи с обстановкой в Корее, было решено высказать советскую точку зрения на происходящее с предельной откровенностью.

Л.И. Брежнев обратил внимание корейских руководителей на то, что затягивание решения вопроса об освобождении экипажа "Пуэбло" может изменить развитие событий в нежелательном для КНДР направлении, последствия которых трудно предугадать. Советский Союз, сказал он, не является сторонником затягивания дела с американским судном и тем более доведения его до военного столкновения, в котором Корея и ее народ наверняка понесут непоправимые жертвы.

Советская сторона, продолжал Л.И. Брежнев, полагает необходимым учитывать мнение мировой общественности, которая не считает полезным искусственное затягивание решения вопроса с "Пуэбло", поскольку это не способствует снижению военной напряженности на Дальнем Востоке. Отмечалось, что в ряде стран "третьего мира", которые вначале поддержали позицию КНДР в связи с "Пуэбло", появились иные настроения, продиктованные интересами мирного решения международных конфликтов. По мнению советской стороны, для выдворения команды "Пуэбло" из пределов КНДР наступил подходящий момент.

Советский лидер привлек внимание Ким Чан Бона к тому обстоятельству, что политическая ситуация в самих США складывается неблагоприятно для КНДР. Американские военные круги и часть Конгресса полагают, что на переговорах в Пханмунчжоме КНДР ведет дело к их срыву, что Пхеньян заинтересован в сохранении напряженности на полуострове, а не в решении конфликта политическими средствами. Поэтому они настаивают на принятии в отношении КНДР "решительных мер". Америка приближается к очередным выборам президента, и в условиях эмоциональных предвыборных страстей сторонники жесткой линии в отношении КНДР могут взять верх, и Корея окажется в трудном положении.

Л.И. Брежнев еще раз обратил внимание корейского собеседника на то, что Москва не получает из Пхеньяна информацию о переговорах в Пханмунчжоме. До сих пор не известно, какие предложения выдвигают обе стороны, в чем заключаются стратегические цели и тактические задачи корейской стороны. Подчеркивалось, что такое положение затрудняет наши действия на международной арене, что Москва не может строить свою политику на основании сообщений зарубежной прессы и слухов, распространяемых вокруг кризиса в Корее.

Советский лидер не оставил без внимания обращение правительства КНДР от 30 января, в котором затрагивался вопрос о введении в действие военных статей основного договора. Фактически, эта тема стала главной частью беседы, так как имела для обеих сторон принципиальное значение. По этому поводу Л.И. Брежнев заявил следующее.

Выполнение военных обязательств по союзному договору в связи с обстановкой, сложившейся в Корее, представляется очень сложным в условиях, когда общемировой тенденцией является предотвращение войны. Руководство КНДР не раз уверяло Москву, что оно не имеет в виду развязывать войну с Южной Кореей и будет стремиться к объединению страны мирным путем. Советский Союз исходил из этих заявлений и продолжает на них ориентироваться в своей политике, поскольку никаких корректив своей позиции КНДР, насколько нам известно, не предпринимала.

Брежнев особо отметил роль советско-корейского договора 1961 г. в обеспечении безопасности на полуострове. Он подчеркнул, что договор носит оборонительный характер и по своему содержанию и смыслу призван служить инструментом мира на Дальнем Востоке. Поскольку корейская сторона в своем обращении не конкретизировала детали и обстоятельства ситуации, тем более вероятность каких-то военных действий, СССР считает необходимым провести серьезные консультации с КНДР, как это и предусмотрено союзным договором. Такие консультации, по мнению советской стороны, могли бы, например, состояться, когда Ким Ир Сен воспользуется переданным ему приглашением и приедет в СССР или когда будет направлена в Москву делегация КНДР специально для проведения консультаций.

Встреча в Москве с Ким Чан Боном 26 февраля 1968 г. имела важное значение для двусторонних отношений и стабилизации обстановки на Корейском полуострове. Впервые представителю КНДР было изложено наше толкование условий выполнения военных обязательств по союзному договору, что делало нашу политику в Корее более понятной и предсказуемой. Встреча также стала своеобразным рубежом в развитии кризиса вокруг "Пуэбло" от его опасной стадии к мирному урегулированию. Последующие события подтвердили, что серьезных военных действий в Корее удалось избежать. Интерес к конфликту заметно снизился. Исход его стал очевиден, дело было лишь во времени.

С начала марта участие советской стороны в урегулировании конфликта ограничивалось передачей информации между Вашингтоном и Пхеньяном и напоминанием обеим сторонам о нецелесообразности затягивания решений, касающихся судьбы экипажа "Пуэбло". В МИД и других внешнеполитических ведомствах страны были отменены ночные дежурства, их работа входила в привычную колею. Наш посол в Пхеньяне, в частности, информировал, что прибывшая в КНДР делегация советских специалистов в области электроники напрасно теряет время, и вместо ознакомления с разведывательным оборудованием американского судна ей предлагают посетить музеи и театры. Они уже решили вернуться домой, и только тогда корейская сторона организовала экскурсию в город Вонсан. Выяснилась и причина задержки: на судне поработали вначале специалисты из Кубы, а затем — из Китая. Они демонтировали все, что представляло интерес из того, что осталось после захвата судна. Значительную часть секретного оборудования американцы все же успели взорвать гранатами. В итоге наши специалисты довольствовались общими впечатлениями о характере и возможностях имевшегося на судне оборудования³².

1 марта Ким Ир Сен принял советского посла и сообщил ему, что он воспользуется приглашением и посетит Москву, но немного позже, когда обстановка в Корее будет более благоприятной. Никто тогда не мог предположить, что обещанный визит Ким Ир Сена в нашу страну состоится только 16 лет спустя, когда к власти в нашей стране придут другие люди, а инцидент с кораблем "Пуэбло" станет достоянием истории.

В тот же день МИД КНДР информировал нашего посла о содержании корейско-американских переговоров, начиная с их первого заседания 2 февраля. Там впервые намечался взаимоприемлемый выход из кризиса. На двенадцатой встрече 21 марта американская сторона внесла компромиссное предложение. Суть его состояла в том, что во время освобождения экипажа "Пуэбло" США признают, что корабль в момент его задержания выполнял операцию по сбору разведывательных данных. Они дают гарантию в том, что будет продолжать действовать приказ кораблям ВМФ США держаться далее 12 миль от берегов КНДР. Кроме того, США выразят сожаление за любое нарушение капитаном "Пуэбло" приказов, которое возможно привело к тому, что этот корабль подошел к берегам Северной Кореи ближе, чем на 12 миль³³.

Для согласования условий передачи экипажа и текста документа сторонам потребовалось почти десять месяцев. КНДР добивалась признания американцами своей вины за вторжение и извинений на уровне администрации США, американцы хотели получить экипаж, а затем решать вопрос об извинениях.

На шестнадцатой встрече 8 мая представитель КНДР предложил свой вариант заключительного документа, который гласил:

"Правительство Соединенных Штатов Америки, подтверждая обоснованность признаний экипажа американского корабля "Пуэбло" и документальных доказательств, предъявленных представителем правительства Корейской Народно-Демократической Республики в отношении того, что корабль, который был захвачен в порядке мер самообороны, предпринятых военными кораблями Корейской народной армии в территориальных водах Корейской Народно-Демократической Республики 23 января 1968 г., неоднократно вторгался незаконно в территориальные воды КНДР и занимался разведкой важных военных и государственных секретов КНДР, берет на себя полную ответственность и торжественно приносит извинения за то, что американский корабль вторгся в территориальные воды КНДР и совершил серьезную разведывательную деятельность в отношении КНДР, и дает твердую гарантию, что американские корабли впредь не будут больше вторгаться в территориальные воды КНДР.

Вместе с тем, правительство США, принимая во внимание тот факт, что члены бывшего экипажа американского корабля "Пуэбло", задержанного стороной КНДР, откровенно признались в своих преступлениях и обратились к правительству КНДР, обращается к правительству КНДР с настоятельной просьбой проявить снисходительность в отношении членов экипажа"³⁴. Американский представитель должен был подписать указанный документ от имени правительства США.

Переговоры в Пханмунчжоме медленно, но неуклонно шли к своему логическому завершению. Проходили они в закрытом режиме, итоги встреч корейских и американских представителей не разглашались. Общественность многих стран, в том числе и Северной Кореи, не имела представления, как решается конфликтная ситуация. В публичных выступлениях руководителей КНДР по-прежнему говорилось о возможной войне. На республиканском съезде молодежи ее лидер О Ги Чен говорил, что война в Корее "явится справедливой освободи-

тельной войной за полный разгром на нашей родной земле американских агрессоров, за спасение изнывающего в кромешном аду эксплуатации и гнета народа Южной Кореи, за осуществление объединения родины”³⁵. Министр иностранных дел Пак Сен Чер в речи на приеме в честь зарубежных делегаций заявил, что “если американские империалисты будут и дальше обострять обстановку и решаться на войну, то их ждет смерть”³⁶.

На двадцать шестой встрече 17 декабря американский представитель обратил внимание на то, что с 20 января 1969 г. в США вступает в должность новый президент Р. Никсон. Если к этому времени вопрос о “Пуэбло” не будет решен, то новая администрация поступит так, как сочтет для себя подходящим. В этой связи представитель США предложил два варианта подписания заключительного документа. Первый — с припиской, что представитель США получил экипаж. Второй — подпись будет стоять под документом без этой приписки, но представитель США сделает устное заявление о том, что не согласен с содержанием документа, но подписывает его только с целью освободить команду. Американская сторона предупредила, что указанное предложение будет отозвано обратно 23 декабря, и она настаивает на освобождение моряков к Рождеству.

На двадцать седьмой встрече стороны обсудили процедуру передачи экипажа и другие детали.

23 декабря, ровно через одиннадцать месяцев после интернирования на 28-й встрече представителей военного командования США и КНДР американский генерал подписал предложенный корейской стороной документ. Затем он сделал устное заявление о том, что США не признают этот документ. После формальной процедуры состоялась довольно продолжительная церемония передачи 82-х членов экипажа американского корабля “Пуэбло” и тела убитого матроса.

Некоторые итоги. Мы попытались показать, как воспринимался в Советском Союзе военный конфликт, создавший кризисную ситуацию в Корее. Конечно, это не полная картина происходившего и, возможно, не совсем беспристрастная, но при ее воссоздании приоритет отдавался фактам. В данном исследовании использованы как официальные документы, так и личные впечатления причастных к событию дипломатов, военных и политических деятелей, которые ранее не публиковались.

Если кратко подвести итог корейскому кризису 1968 г., то, очевидно, следует признать, что новую войну в Корее удалось предотвратить только благодаря существованию военного договора между СССР и КНДР и тем усилиям, которые предпринимало руководство нашей страны на международной арене. При ином раскладе сил и обстоятельств такой конфликт мог бы привести к тяжелым потерям для Кореи. Москва в данном случае предпочитала избегать импровизаций и действовала, прежде всего, с учетом интересов безопасности нашего государства. Внешнеполитические акции прорабатывались всесторонне, тогда считались с мнением ученых, экспертов, что обеспечивало высокий профессиональный уровень принимаемых решений. Руководители, которые “все сами знали” и не умели слушать других, появились позже.

Анализ уроков кризиса 1968 г. ценен для нас сегодня потому, что он убедительно показывает, насколько изменился мир вокруг нас, мы сами и наши представления о политических приоритетах и моральных ценностях. К сожалению, изменился не только в лучшую сторону. В наше время, когда захвату подвергаются не только военные корабли, но и целые государства, инцидент с судном “Пуэбло” никого бы не удивил. Подобные вооруженные инциденты в Корее

возможны и в наши дни. Поставят они мир на грань катастрофы или нет — никто не может предсказать, поскольку мир стал другим.

Возвращаясь к событиям 40-летней давности, мы с удивлением обнаруживаем, что уровень взаимопонимания между СССР и США был достаточно высок. Обмениваясь посланиями, довольно откровенными и, порою, острыми, стороны, тем не менее, умели вовремя придержать свои амбиции, когда дело касалось интересов безопасности друг друга. А ведь это был период “холодной войны”, обстоятельствами которой современники поспешили объяснить не только ошибки предыдущего поколения, но и позитивные сдвиги в международных отношениях того времени³⁷.

Последствия кризиса 1968 г., его уроки не прошли бесследно для основных участников конфликта — США и КНДР. Судить о том, кто выиграл в этом конфликте — дело непростое и трудно оказаться объективным. А вот о потерях говорить проще, поскольку они конкретны и продолжают до сих пор влиять на двусторонние отношения. В этом смысле можно считать, что проиграли обе стороны.

Проиграли потому, что не смогли реально оценить последствия своих действий. Мировая общественность лишний раз убедилась, насколько бесцеремонно и самоуверенно может действовать могущественная держава, попирая суверенитет более слабых государств и общепринятые правила поведения. С другой стороны, тактика затягивания кризиса выглядела как стремление добиться целей, не имеющих непосредственного отношения к интересам разрядки и безопасности в регионе³⁸.

В доступных для зарубежного читателя северокорейских публикациях о конфликте отмечаются два основных момента. Во-первых, КНДР удалось “второй раз поставить американцев на колени” благодаря принятому в 1966 г. курсу на “превращение страны в неприступную крепость”. А во-вторых, “решительная и бескомпромиссная” позиция Пхеньяна противопоставлялась “трусливой” позиции Москвы, которая не осмелилась задержать американское судно в территориальных водах СССР, а затем “капитулировала” перед США, “предав” интересы своего союзника — КНДР так же, как и интересы Кубы в 1962 году.

В ряде публикаций, появившихся в последние годы в Японии и России, рассматривается роль нынешнего руководителя КНДР в конфликте 1968 г. В них утверждается, что Ким Чен Ир “руководил захватом корабля и следил за ходом операции”³⁹. В других работах отмечается, что он разработал курс на урегулирование конфликта, получивший название “три А”: acknowledge — признайся в ошибках, apologize — принеси извинения, assure — гарантируй неповторение⁴⁰. В заслугу корейскому руководителю ставится то, что он, “невзирая ни на угрозы врагов, ни на неуместные “советы” союзников, неизменно придерживался позиции прямой конфронтации со Штатами”⁴¹.

В этих публикациях отсутствуют ссылки на документы или другие источники, что снижает их познавательное значение. Более логичными представляются сведения, содержащиеся в биографическом очерке Ким Чен Ира. Из него видно, что в 1964 г. он окончил университет и до 1974 г. работал в аппарате ЦК ТПК инструктором, заведующим сектором, заместителем заведующего, заведующим отделом ЦК ТПК. В тот период у него не было военной должности. Вместе с тем известно, что Ким Чен Ир сопровождал отца в его инспекционных поездках по военным объектам и обладал достаточной информацией о состоянии армии и существующих в ней проблемах. Как отмечают авторы биографического очерка, Ким Чен Ир посещал воинские части, в том числе и на восточном побере-

жье страны, принимал меры, позволяющие оборонять обширные районы небольшими силами. Это, подчеркивается в очерке, позволило корейскому народу твердо придерживаться решительной революционной позиции в январе 1968 г. во время инцидента с американским вооруженным шпионским кораблем "Пуэбло", а в апреле 1969 г. во время инцидента с крупным разведывательным самолетом США "ЕС — 121"⁴².

После того как кризис с судном "Пуэбло" миновал, число вооруженных конфликтов на полуострове не уменьшилось, но конфликты с участием американских военнослужащих разрешались довольно быстро, задержанные северокорейцами лица без особых проволочек возвращались американской стороне⁴³.

Кризис вокруг "Пуэбло" и та цена, которая была заплачена за освобождение его экипажа, укрепили психологический барьер, который до сих пор мешает американцам нормализовать свои отношения с КНДР. Здесь появились новые, раздражающие обе стороны моменты. Но если в целом сопоставить кризис 1968 г. с нынешним кризисом вокруг северокорейской ядерной деятельности, то можно обнаружить немало сходных политических мотивов и тактических приемов, которые КНДР и США опробовали в то время и прибегают к ним снова в наши дни.

Хотелось бы отметить те моменты, которые не нашли должного отражения в исследовании. Прежде всего осталась неясной роль Китая, в частности то, насколько он был причастен к описываемым событиям. Создается впечатление, что в Пекине предпочли позицию наблюдателя. Нельзя исключать, что какие-то действия с его стороны все же предпринимались, но публикации по этому поводу нам не известны⁴⁴.

Не совсем четко просматривается позиция Южной Кореи в этом конфликте. По-видимому, Сеул был озадачен тем, что США не устояли на жестких позициях и пошли на переговоры с Северной Кореей. Не ясна также роль южнокорейских ВМС в конфликте, которые, по признанию американской стороны, записывали на пленку сообщения о преследовании и захвате "Пуэбло" северокорейскими судами, но не пришли ему на выручку.

Американское судно "Пуэбло" можно увидеть сегодня, оно стоит на берегу реки в центре Пхеньяна. Теперь в нем открыт музей, посетители которого рассказывают, как маленькая Корея победила большого агрессора. Символично, что музей размещен там, где в прежние времена был речной порт и где в 1866 г. жители Пхеньяна сожгли американское судно "Шерман", незаконно проникшее во внутренние воды Кореи⁴⁵. Вот так повторилась история.

1. Нодон синмун. 1968. 25 янв.
2. Запись беседы В.В. Кузнецова 24.01.1968. Кузнецов Василий Васильевич в 1953 г. был послом СССР в Китае, в 1955—1957 гг. — первый заместитель министра иностранных дел СССР. Неоднократно посещал КНДР в составе правительственных делегаций, участник ряда советско-корейских встреч на высоком уровне. Известен как дипломат выдающихся способностей и огромного трудолюбия.
3. Пак Сен Чер — член Политкомитета ЦК ТПК, заместитель председателя Кабинета министров, министр иностранных дел КНДР. Родился в 1913 г. в крестьянской семье в уезде Кенчжу (Южная Корея). 1934—1945 гг. — участник антияпонского партизанского движения, член Компартии Китая. В 1942—1945 гг. — служил в Советской Армии, в 88-й Отдельной стрелковой бригаде 2-го Дальневосточного фронта. После освобождения Кореи находился на командных должностях в армии: начальник штаба пехотной дивизии, заместитель командующего ВМС, заместитель начальника разведыватель-

- ного управления при Верховном командовании, начальник политического управления КНА. В 1954—1956 гг. — посол КНДР в Болгарии, 1956—1958 гг. — заместитель министра иностранных дел, 1958—1959 гг. — заведующий международным отделом ЦК ТПК. 1959—1970 гг. — министр иностранных дел. В 1976—1977 гг. — премьер Административного совета КНДР. С 1977 г. — вице-президент КНДР.
4. Нодон синмун. 1968. 25 янв.
  5. В интервью журналистам из Перу 2 июня 1974 г. Ким Ир Сен высказался за расширение развивающимися странами своих территориальных вод до 200 миль. 1 июля 1977 г. КНДР установила 200-мильную морскую экономическую зону, а с 1 августа 1977 г. — зону береговой военной охраны.
  6. Нодон синмун. 1968. 26 янв.
  7. Военные катера КНДР обстреляли советское исследовательское судно “Унги”. Один матрос был убит, двое ранено. Заявление ТАСС обвинило Южную Корею в нападении на наше судно. Южнокорейские власти заявили о своей непричастности к инциденту и были готовы предоставить кинодокументы, зафиксировавшие нападение катеров Северной Кореи на советское судно. 7 июня 1990 г. военный корабль КНДР таранил советское исследовательское судно “Профессор Гагаринский”. Предполагалось интернирование судна, но в последний момент власти изменили свое решение. 2 сентября 1975 г. ВМС КНДР обстреляли японское рыболовное судно. Красный Крест КНДР принес извинения японской стороне и выплатил семьям погибших по 20 000 долл.
  8. Информационное сообщение о 261 заседании Военной комиссии по перемирию в Корее (Нодон синмун. 1968. 25 янв.).
  9. Информация Министерства обороны СССР, 26.01.1968.
  10. Сведения были получены через представителей нейтральных стран в Комиссии по наблюдению за перемирием в Корее.
  11. Северокорейская пресса публиковала практически все китайские полемические материалы с критикой советской внутренней и внешней политики. В мае 1960 г. пресса КНДР перепечатала китайскую статью “Да здравствует ленинизм!” содержащую критику КПСС за то, что она “искажила учение Ленина о неизбежности войн, пока существует капитализм”. 24 ноября 1962 г. “Нодон синмун” опубликовала статью “Выше знамя марксизма-ленинизма”, решение СССР вывезти свои ракеты с Кубы оценивались как предательство интересов Кубы. 28 октября 1963 г. “Нодон синмун” опубликовала статью “Защитим лагерь социализма”, где СССР обвинялся в заговоре с целью свержения руководства ТПК.
  12. *Ким Ир Сен*. Избранные произведения. Пхеньян, 1971. Т. 4. С. 656.
  13. Там же. С. 656.
  14. Там же. Т. 4. С. 451.
  15. Там же. С. 411—413.
  16. *Korea Observer*. Seoul, 1977. № 2. P. 170—171.
  17. *Orbis*. 1978. № 4. P. 907—908.
  18. За 8 лет войны во Вьетнаме (1964—1973 гг.) южнокорейские войска потеряли 3844 чел. убитыми и 8344 ранеными.
  19. *Myung Hyun Cho*. Korea and the major Powers // *Korean Unification Studies*. Series 7. Seoul, 1989. P. 75.
  20. Информация советского посольства в Пхеньяне, 28.01.1968.
  21. Информация советского посольства в Пхеньяне, 26.01.1968.
  22. Информация советского посольства в Пхеньяне, 02.02.1968. По свидетельству очевидцев, корейскую сторону больше всего тревожило присутствие американского авианосца у берегов КНДР. Барражирование американских кораблей в непосредственной близости от густо населенного района производило угнетающее воздействие на жителей побережья.
  23. Информация советского посольства в Пхеньяне, 31.01.1968.
  24. Информация советского посольства в Пхеньяне, 02.02.1968.
  25. Информация советского посольства в Пхеньяне, 10.02.1968.

26. Нодон синмун. 1968. 9 февр.
27. Комиссия в составе представителей Чехословакии, Польши, Швеции и Швейцарии была упразднена по требованию КНДР в начале 1990-х гг.
28. Посредниками готовы были стать Алжир, Индия, Пакистан, Эфиопия, Сенегал.
29. Информация советского посольства в Пхеньяне, 30.01.1968.
30. Нодон синмун. 1968. 17 февр.
31. Информация советского посольства в Пхеньяне, 16.02.1968.
32. В состав делегации входил известный японист, автор многих исследований военной политики Японии и системы безопасности в АТР, генерал-майор, доктор исторических наук Бунин В.Н., в 1980—2000 гг. — научный сотрудник ИДВ РАН. Здесь приводятся его личные впечатления от поездки в Корею.
33. Информация получена из Вашингтона 22.03.1968, в печати КНДР не публиковалась.
34. Текст получен из Вашингтона 13.05.1968, сопоставлен с вариантом перевода документа с корейского языка, опубликованного в книге “40 лет созидания” (Пхеньян, 1992. Т. 3. С. 42—43.).
35. Нодон синмун. 1968. 12 апр.
36. Нодон синмун. 1968. 9 мая.
37. Было бы интересно сопоставить нынешний уровень сотрудничества России и США с тем, о котором шла речь в этой статье.
38. Стало известно, что американская сторона заплатила корейцам крупную сумму за содержание экипажа в Северной Корее. Это было одним из условий его освобождения. Характер переговоров по этому вопросу, как и размер материального возмещения не раскрывался. Практика оплаты американцами особых услуг корейцев впоследствии стала обычным делом: 2—3 млн долл. ежегодно за поиск останков американских солдат, погибших в корейской войне 1950—53 гг., примерно столько же в мае 1999 г. за осмотр подземного сооружения вблизи деревни Кымчанри, на котором, как подозревалось, происходило обогащение урана.
39. *Гарифуллина Н.Х.* Выстоять и победить. М., 1999. С. 174—175.
40. *Ким Мен Чхор.* Ким Чен Ир: день объединения Кореи. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. С. 94—99.
41. *Лященко Н.* Великий полководец Ким Чен Ир. М.: Патриот. С. 76—84.
42. Ким Чен Ир: Биографический очерк. М.: Изд-во международ. клуба книголюбов, 2002. С. 51.
43. 3 декабря 1969 г. КНДР возвратила трех американских летчиков, захваченных на вертолете 17 августа 1969 г. 14 июля 1977 г. в воздушном пространстве КНДР был сбит американский вертолет, 3 человека погибли, пилот возвращен американской стороне 16 июля, т.е. через два дня. В августе 1976 г. КНДР выразила американской стороне устные “сожаления” от имени руководства КНДР за убийство двух американских офицеров в зоне совместной охраны 18 августа 1976 г.
44. Дело, видимо, в том, что отношения между Пекином и Пхеньяном в то время были довольно прохладными. Руководство КНДР критически воспринимало события в Китае, связанные с разгулом “хунвэйбинов”, видя в них угрозу для стабильности в регионе. Об этом Ким Ир Сен говорил во время встречи с Л.И. Брежневым в Москве в декабре 1966 г. Терпению корейцев пришел конец, когда в китайской печати появилось сообщение о “государственном перевороте” в КНДР, который, якобы, совершил ближайший соратник Ким Ир Сена генерал Ким Гван Хеб.
45. *Ли Чен Вон.* Очерки новой истории Кореи. М.: Иностр. лит., 1952. С. 35—41.

К завершению издания серии сборников документов "ВКП(б), Коминтерн и Китай" 1920—май 1943 гг.

© 2008

А. Картунова

Выходом в свет в августе 2007 г. V тома завершено издание серии сборников архивных документов под общим названием "ВКП(б), Коминтерн и Китай"¹. Это издание в восьми книгах (2-й, 3-й и 4-й тома в двух книгах каждый) является поистине уникальным в серии источниковедческих публикаций о политике ВКП(б) и Коминтерна в Китае. Этот пятитомник документов подготовлен и издан в 1994-2007 гг. историками Института Дальнего Востока РАН в сотрудничестве с Российским государственным архивом социальной и политической истории (РГАСПИ) и специалистами Института изучения Восточной Азии Свободного университета Берлина. Документы, вошедшие в эту серию, посвящены периоду с 1920 г. до роспуска Коминтерна 22 мая 1943 г. Всего в эту серию вошло 1380 документов.

Подготовка и издание этой серии томов документов стало возможным благодаря рассекреченным в начале 90-х гг. XX в., документам Коминтерна и ВКП(б) и их руководящих органов хранящимся в РГАСПИ (ранее РЦХИДНИ). Следует сказать, что расширение документальной базы для изучения китайской политики ВКП(б) и Коминтерна произошло еще в 80-е, но особенно в 90-е годы в результате выхода в свет ранее также недоступных для исследователей материалов и документов из архивов Китайской Народной Республики и Международного института социальной истории в Амстердаме. Обо всех впервые опубликованных в указанные годы и позже документах, как и давно известных историкам, подробно указывается в предисловиях ко всем томам "ВКП(б), Коминтерн и Китай" и в разделах "Документы" в библиографиях к томам.

Составители сборников при их подготовке руководствовались следующими принципами. Во-первых, включались лишь те документы, которые (за редким исключением) никогда прежде не публиковались. Во-вторых, документы, проливающие новый свет на известные события и процессы, или уточняющие прежние представления о них, а также документально подтверждающие то, что было ранее известно по косвенным данным, воспоминаниям и т.п. В-третьих, составители стремились в максимально возможной степени, определяемой объемом сборника и характером имеющихся документов, осветить основные направления советской политики в Китае, а также ключевые события политической жизни, прежде всего революционного движения в стране. При этом предпочтение отдавалось в первую очередь документам, исходившим как от руководства

Картунова Анастасия Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

ВКП(б) и Коминтерна, так и от руководства КПК и Гоминьдана (от последнего преимущественно в I и II томах)².

Составители отдавали приоритет документам, раскрывающим стратегические цели и тактические приемы китайской политики советского руководства, механизмы ее практического осуществления, идеологического, политического, материального, военного, кадрового обеспечения и тесного переплетения в ней общепринятой дипломатической практики с широкомасштабной помощью национально-революционному движению.

Наибольший интерес представляют впервые опубликованные протоколы и постановления Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросам Китая в том числе особо секретные его постановления (так называемые “особые папки”), резолюции Президиума ИККИ, ряда его пленумов, постановления Восточного отдела ИККИ, Восточного Секретариата, действовавшего в 1928-1935 гг., Секретариата ИККИ, возглавлявшегося Г. Димитровым, который с 1935 г. непосредственно курировал в Коминтерне работу по Китаю. В издание вошли также различные документы представителей ИККИ при ЦК КПК, протоколы заседаний и писем Дальбюро ИККИ, работавшего в Китае, доклады ЦК КПК и его представителей в Коминтерне. В тома этой серии включены также многочисленные шифротелеграммы от 1936 г. и особенно 1939—1943 гг., когда была восстановлена радиосвязь. Разумеется, в рамках одной статьи нет возможности охарактеризовать многие другие блоки документов, такие как письма, отчеты, информационные записки и т.д.

Из-за отсутствия необходимой документальной базы специалисты—сизологи разных стран и разных политических убеждений на протяжении многих лет не могли адекватно интерпретировать политику Москвы в Китае, причины и мотивы корректировок и поворотов в ее тактике, выявить действительные причины ее успехов, ошибок и провалов. Впервые публикуемый в пятитомнике огромный массив документов дает возможность ученым найти ответы на многие интересующие их вопросы, закрыть “белые пятна” в политике Москвы в Китае, а также в истории КПК тех лет.

Самостоятельную научную ценность представляют введения (предисловия) к соответствующим томам, а также “вводки” к конкретным разделам томов, аннотированные указатели имен. Благодаря данным этих именных указателей восстановлены преданные забвению имена десятков работников ВКП(б) и Коминтерна, безвинно пострадавших в годы сталинских репрессий и позже реабилитированных.

Выход в свет указанных томов документов вызвал широкий отклик историков-исследователей, занимающихся историей Коминтерна, взаимоотношений ВКП(б) и Коминтерна с Компартией Китая и Гоминьданом, взаимоотношений КПК и ГМД, а также взаимоотношений Москвы и других политических сил, деятельность которых определяла развитие Китая в 1920—1943 гг. Особый интерес и значение эти документы представляют для специалистов по истории КПК и советско-китайских отношений, а также специалистов, исследующих проблемы разработки стратегии и тактики ВКП(б) и Коминтерна на китайском направлении и практические результаты их осуществления в Китае на разных этапах. Свидетельством этого интереса является издание нескольких томов этой серии документов в переводах на китайский (в КНР и на Тайване) и на немецкий (в Берлине) языки, а также проведение на базе документов первых трех томов пяти международных научных конференций: в Пекине (1997 и 2004 гг.), в Берлине (1998 г.), на Тайване (1999 г.), в г. Маньчжоули (КНР) в 2006 г. Сборники материалов некоторых из этих конференций уже опубликованы³.

Документы и материалы этой серии по оценкам большинства рецензентов, в том числе китайских специалистов, открывают новый этап изучения как

китайской политики Москвы, так и истории КПК и китайской революции⁴, а монографии, статьи, диссертации, подготовленные на базе этих документов в литературе уже называют работами "нового поколения".

Опубликованные в этой серии многочисленные документы свидетельствуют, что в Москву поступала весьма противоречивая информация от представителей Коминтерна, Профинтерна, КИМа, различных советских работников в Китае, представителей Разведывательного управления Штаба РККА и других источников, которые далеко не всегда одинаково оценивали сложную и противоречивую обстановку в Китае. Это являлось одним из затруднений при принятии ИККИ соответствующих решений и разработке директив в адрес ЦК КПК и представителей Коминтерна в Китае.

Многие из вошедших в издание документов относятся к планам Коминтерна в отношении Гоминьдана. В этом направлении деятельности Коминтерна существовало много трудностей, в том числе из-за постоянных разногласий по этому вопросу в ИККИ, между представителями Коминтерна в Китае, между КПК и ИККИ. В частности, как это следует из документов апреля 1926— лета 1927 гг. споры шли между представителями Коминтерна в Китае М.М. Бородиным, Г.В. Войтинским и М.Н. Роем по вопросам тактики в отношении Гоминьдана, по аграрному вопросу, отношению к Чан Кайши и проч. Серьезные разногласия в это время имели место между М.М. Бородиным и В.К. Блюхером. Дальбюро ИККИ в Китае в 1926 г. также встретилось с трудностями, с оторванностью в работе ЦК КПК, находившегося в Шанхае, и Гуандунским областным комитетом КПК. У них были и серьезные разногласия, в частности, по вопросам взаимоотношений с Гоминьданом после бескровного военного переворота Чан Кайши в Гуанчжоу 20 марта 1926 г. и ряду других принципиальных вопросов. Следует также иметь в виду, что Москва в то время не располагала достаточным количеством специалистов по Китаю. Кроме того, опыт российских революций и Гражданской войны оказался неприемлемым для Китая, а другого опыта у ВКП(б) и Коминтерна не было.

Структура пятитомника по комплектованию документов построена по проблемно-хронологическому принципу и, на мой взгляд, удачно отражает все основные этапы разработки стратегии и тактики Москвы в национально-революционном движении в Китае и облегчает работу исследователя в поисках документов по интересующей его проблеме или периоду.

Поскольку документы первых четырех томов уже введены в научный оборот, остановлюсь на них коротко. Документы первых четырех томов разбиты на разделы, снабженные "вводками", которые ориентируют исследователей по содержанию включенных в том документов и материалов. Во всех "вводках" выделяется то новое, что дают историку документы соответствующего периода в контексте специфических для него процессов в Китае. Из документов следует, что смена тактики Москвы происходила или диктовалась конкретными причинами и обстоятельствами, а иногда субъективными представлениями о военно-политическом положении в Китае.

В первый том включено немало новых документов, отражающих как посланцы Москвы в поисках союзников вступали в контакты и с Чжан Цзолинем, и с У Пэйфу, и с Сунь Ятсеном. Интересно, что А.А. Иоффе в письме У Пэйфу от 11 августа 1922 г. назвал его "крупнейшим политическим и военным деятелем Китая"⁵. А в письме из Чанчуня (не позднее 18 сентября 1922 г.) фактически предложил ему заменить пекинское правительство новым, которое бы У Пэйфу создал вместе с Сунь Ятсеном⁶. Эта тема обсуждалась также А.И. Геккером с Сунь Ятсеном⁷. Но, как известно, ни У Пэйфу, ни Сунь Ятсен на такое предложение не согласились. Во время той же беседы Сунь Ятсен, не получивший от западных стран необходимой по-

мощи, поставил перед А.И. Геккером принципиальный вопрос: готова ли Россия поддержать его попытки осуществить объединение Китая и, во-вторых, каким образом Россия могла бы помочь ему? Все ответы на интересовавшие Сунь Ятсена вопросы он получил через направленную им миссию в Москву (сентябрь—конец ноября 1923 г.) во главе с Чан Кайши. В I том впервые полностью включены все документы многочисленных встреч и бесед делегации Чан Кайши с рядом советских руководящих политических и военных деятелей⁸. Как известно, пребывание этой миссии в Москве завершилось принятием Резолюции Президиума ИККИ по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и партии Гоминьдан (28 ноября 1923 г.) сыгравшей серьезную роль в подготовке I съезда Гоминьдана (январь 1924 г.), его решениях и создании первого сотрудничества КПК и ГМД.

В ноябре 1923 г. руководство СССР и Коминтерна внимательно следило за восстанием в Гамбурге, которое потерпело поражение. На этом завершился подъем революционной волны в Европе, начавшийся в 1919 г. Внимание Москвы переключается на работу на Востоке с целью подрыва “тылов империализма”. С 1924 г. усиливается работа по разносторонней помощи Сунь Ятсену в целях активизации национально-революционного движения в Китае.

В заключительный раздел I тома включены документы о новых акцентах в политике РКП(б) и Коминтерна в связи с переворотом Фэн Юйсяна в Пекине 23 октября 1924 г. Москва возлагала на него большие надежды.

В том второй включены документы, характеризующие изменение обстановки в Китае и разработку тактики ВКП(б) и Коминтерна с начала 1926 г. до середины июля 1927 г., т.е. до разрыва отношений между Москвой и КПК, с одной стороны, и Гоминьданом, с другой. Эти документы продолжают и завершают начатое в первом томе освещение единых по содержанию стратегических установок первого крупного периода политики ВКП(б) и Коминтерна в Китае, которую они проводили в 1922–1925 гг. в форме сотрудничества СССР, Коминтерна и КПК с различными силами национально-революционного движения в стране и прежде всего с Гоминьданом⁹. В нем рассматривается политика “передышки” в связи с поражением 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна под Тяньцзинем в марте 1926 г. и известных “событий 20 марта” 1926 г. в Кантоне. В связи с последним отмечу вошедшее в том письмо М.М. Бородина Л.М. Карахану от 30 мая 1926 г., в котором дана не соответствовавшая действительности оценка последствий “событий 20 марта” для коммунистов и правых в Гоминьдане. II пленум ЦИК Гоминьдана 2-го созыва (15–22 мая 1926 г.), закрепивший итоги “20 марта” в пользу Чан Кайши и его окружения, принял резолюции, направленные на ограничение роли коммунистов в Гоминьдане и в НРА. А по оценке Бородина, они “нанесли правым больший ущерб, чем коммунистам”¹⁰. В томе содержатся также ряд других разделов документов. “Поиск политической линии в начале Северного похода НРА”. В анализе и подготовке решений по этому и другим вопросам (особенно военной помощи Кантону и Фэн Юйсяну) играла большую роль обладавшая большими полномочиями Китайская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б)¹¹. Десятки новых документов включены в разделы: “Назревание кризиса в национально-революционном движении и радикализация политической линии Москвы” и “Кризис национально-революционного движения и разрыв отношений между Коминтерном и Гоминьданом”.

Как события в Китае, так и тактика Москвы в этот полный драматизма период (февраль—первая половина июля 1927 г.) широко известны из литературы. Однако документы второго тома вносят много нового в понимание узловых моментов конфликтов в этот период: “события 20 марта” 1926 г., созыва Объединенной конференции ЦИК, ЦКК и представителей местных организаций Гоминьдана в Кантоне в октябре 1926 г., споры о местонахождении Национального

правительства в конце 1926—начале 1927 гг., борьба за контроль над ЦИК Гоминьданом и НРА накануне и во время занятия Нанкина и Шанхая (апрель 1927 г.), завершившаяся расколом национально-революционного движения, и, наконец, конфликт с уханьским правительством, связанный с попытками Москвы и КПК превратить Гоминьдан в Ухани в партию "революционных якобинцев" и развязать при его поддержке аграрную революцию¹².

В томе в полном объеме опубликованы документы периода назревания кризиса в национально-революционном движении в Китае и его исхода. Это — решения, резолюции, директивы Москвы представителям Коминтерна в Китае, руководству КПК, отдельно — М.М. Бородину, В.К. Блюхеру и Чэнь Дусю, несколько телеграмм М.Н. Роя, представителя делегации ИККИ на V съезд КПК, на имя И.В. Сталина, ответная реакция на директивы Коминтерна в мае-июне 1927 г. М.М. Бородина, Г.Н. Войтинского, М.Н. Роя и других.

Переворот Чан Кайши в Шанхае 12 апреля 1927 г. явился причиной дальнейшей радикализации китайской политики ВКП(б) и Коминтерна, начавшейся после VII пленума ИККИ (22 ноября—16 декабря 1926 г.). В конце апреля—начале мая 1927 г. был взят курс на форсированную реорганизацию Гоминьдана в Ухани в рабоче-крестьянскую партию, а уханьское правительство — в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Компартии Китая рекомендовалось также начать аграрную революцию не только "сверху" — через гоминьдановские органы, но и "снизу", явочным путем.

Дальнейшая радикализация директив Москвы произошла во второй половине июня—первой половине июля 1927 г. После перехода Фэн Юйсяна на сторону Чан Кайши в результате их встречи в Сюйчжоу и совещания 19-21 июня 1927 г., военно-политическая обстановка в противостоянии Уханя Нанкину резко изменилось в пользу Нанкина. Размежевание происходило и внутри уханьского Гоминьдана, о чем Москва была информирована, в частности, М. Роем, который 27 июня 1927 г. телеграфировал И.В. Сталину и Н.И. Бухарину, что Ван Цзинвэй (которого в Москве считали левым) "ведет борьбу больше против коммунистов, чем против контрреволюционеров"¹³. Судя по письмам И.В. Сталина¹⁴ В.М. Молотову и Н.И. Бухарину из Сочи, где он отдыхал с 24 июня по 11 июля, руководство ВКП(б) и Коминтерна в Москве стало понимать, что выйти из кризиса революции едва ли удастся. Однако признания такого драматического положения в развитии революции не содержалось в официальных решениях и директивах Москвы своим представителям и руководству КПК в Ухани.

Для позиции Москвы в отношении китайской революции в это время характерна телеграмма, направленная Бородину, Блюхеру, Рою и Чэнь Дусю постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июня 1927 г.: 1) никакого нового курса у нас нет, но у вас не выполняются на деле решения КИ, в первую очередь решения об аграрной революции, вооружении рабочих и крестьян, демократизации состава Гоминьдана"¹⁵. Тезис в телеграмме "никакого нового курса у нас нет", на наш взгляд, свидетельствовал, что Москва оказалась заложницей радикальных решений VII пленума ИККИ, от которых она не могла отступить в условиях непредусмотренного развития событий в Китае.

Во II томе содержатся документы, характеризующие отношение к директивам Москвы этого периода со стороны М. Бородина, Г. Войтинского, М. Роя, Ван Цзинвэя и других. Все они в разных формулировках сходились в том, что выполнить директивы Москвы в сложившейся обстановке нереально, делались зыбкие предположения со стороны Роя, Ван Цзинвэя и отчасти Бородина¹⁶, что осуществить резолюции Москвы можно было бы, "отвоевав" Гуандун. Из их высказываний следовало, что, по их мнению, Ухань придется покинуть.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 июля содержало новые, еще более “левые” оценки ситуации в Китае и новые директивы ЦК КПК, изложенные в “Постановлении ИККИ о текущем моменте китайской революции” от 13 июля 1927 г.¹⁷ Эти документы снимали все варианты тактики, связанной с расчетами на реорганизацию и использование уханьского Гоминьдана и его правительства. В них говорилось, что Ухань становится контрреволюционной силой, что верхушка Гоминьдана “прикрывает контрреволюцию”. В целом эти решения означали уже официальное признание произошедшего на практике демонтажа политики единого национального фронта, осуществлявшейся с 1923 г. в форме сотрудничества СССР, Коминтерна и КПК с Гоминьданом, перехода к конфронтации с бывшими союзниками. 15 июля 1927 г. ЦИК ГМД в Ухани независимо от приведенного постановления принял решение о разрыве отношений с КПК. Единый фронт прекратил существование.

Из письма И.В. Сталина В.М. Молотову и Н.И. Бухарину от 9 июля 1927 г. следует, что он по существу признал поражение китайской революции. Это вытекает из его идеи о том, что “нельзя считать исключенной возможность интервала между буржуазной революцией и между *будущей* буржуазной революцией — по аналогии с тем интервалом, какой был у нас между 1905 г. и 1917 г. (февраль)”¹⁸. В этом письме Сталин подверг резкой несправедливой критике КПК, особенно за невыполнение директив ИККИ, за непонимание и неготовность к новой “аграрной фазе революции”, за “болтовню” о гегемонии пролетариата, в которой КПК “ни бельмеса” не понимает и т.п.

В обстановке фактического поражения китайской революции по схеме Москвы Сталин в письме Молотову от 11 июля 1927 г. утверждал, что “наша политика была и остается единственно правильной политикой”¹⁹.

Составители пятитомника включили в III и IV тома документы, освещающие политику Москвы в Китае за 10 лет, за период с июля 1927 г. со времени разрыва единого фронта между КПК и ГМД до начала японо-китайской войны в июле 1937 г. и до складывания второго в истории Китая единого национального фронта между этими партиями. Это десятилетие в истории КПК известно в литературе как советский период.

На протяжении большей части этого периода политика Коминтерна и КПК ставила целью свержение гоминьдановского режима и замену его властью советов на основе развертывания аграрной революции и создания собственных вооруженных сил КПК — Красной армии Китая²⁰.

В III том включены документы и материалы, относящиеся к первому периоду разработки и осуществления политики советов — с июля 1927 г. до конца осени 1931 г., а в IV том — ко второму — с конца 1931 г. до VII конгресса Коминтерна и третьему периоду — после VII конгресса Коминтерна до августа 1937 г.

Составители III тома отмечают, что при всех изменениях в обстановке, содержания и формах разработки и осуществления китайской политики ВКП(б) и Коминтерна в отдельные периоды на протяжении всего десятилетия 1927-1937 гг. на характер решений и механизм их принятия определяющее влияние оказывали внутренние процессы в СССР и в ВКП(б), утверждение в конце 20-х—начале 30-х годов XX в. единоличной власти И.В. Сталина.

В результате “чисток” и отстранения сначала (во второй половине 1927 г.) от руководства ВКП(б) и Коминтерна представителей “левой” оппозиции, возглавлявшейся Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым, а в 1928-1929 гг. — Н.И. Бухарина и его сторонников под лозунгом борьбы против “правых” и “примиренцам к правым” решение узловых вопросов деятельности Коминтерна и входивших в него партий сосредоточилось в руках И.В. Сталина и В.М. Молотова. С началом 1928 г. со-

кратилось число заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), на которых рассматривались вопросы китайской политики Коминтерна и деятельности КПК²¹.

Раздел первый III тома открывается весьма важным для понимания логики проводившейся в августе-октябре 1927 г. тактики в Китае письмом И.В. Сталина В.М. Молотову от 16 июля 1927 г. “Ты не понял моего письма”²², — пояснял Сталин. В письме говорится о том, что нельзя считать *исключенным* интервал, но это еще не значит, что *можно* считать *исключенным* новый подъем в *ближайший* период”. Это письмо можно понять таким образом, что в Москве появилась надежда на новый подъем революционного движения в Китае.

Коммунисты в Китае и Политбюро ЦК ВКП(б) в конце июля 1927 г. прорабатывали вопрос о проведении восстания в Наньчане и одновременно в Москве готовили директивы о пропаганде КПК советов²³, о революционизировании Гоминьдана, о блоке с Гоминьданом не извне, а изнутри. Советы, как указывалось в директиве, придется строить “только в том случае, если революционизирование Гоминьдана окажется на практике безнадежным делом и если эта неудача совпадет с новым серьезным подъемом революции”, “восстание в Гуандуне должно проходить под лозунгом образования действительно революционного гоминьдановского правительства, проводящего на деле аграрную революцию и теснейший союз с компартией”²⁴. То есть, Москва не извлекла уроки из событий весны 1927 г., продолжая надеяться на “преобразование” Гоминьдана.

Хочу обратить внимание на впервые публикуемый блок документов, касающихся принятия решения о восстании в Кантоне 11-12 декабря 1927 г. (известно как Кантонская коммуна), которые ставят все точки над “i”. В то время, как представитель ИККИ в Китае Г. Нойман в телеграмме Политбюро ЦК ВКП(б) из Кантона от 29 ноября 1927 г. сообщил о “боевом настроении среди рабочих”, благоприятной обстановке в городе и вокруг него и что “мы решили взять в Кантоне твердый курс на подготовку восстания и создания советов (док. № 30), Б.А. Похвалинский, в то время генконсул в Кантоне, в тот же день телеграфировал Л.М. Карахану, что “курс на немедленное восстание ошибочен, ибо на захват и организацию власти в Кантоне сил у партии нет” (док. № 31).

9 декабря 1927 г. М.А. Трилиссер (начальник ИНО ОГПУ) в сообщении о телеграммах Г. Ноймана из Кантона передавал просьбу последнего, запрашивавшего “немедленных указаний”. Он считал восстание вполне назревшим и полагал что “отсрочка изменит к худшему соотношение сил”, а линию кантонского генконсульства Нойман характеризовал как “гнилую и паническую” (док. № 36).

10 декабря 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило (опросом членов Политбюро), что не возражает против предложения Г. Ноймана и советовало “действовать уверенно и решительно” (док. № 38). Приведенные документы точно воспроизводят механизм принятия указанного решения. Исход восстания известен.

Документы, включенные в раздел третий III тома, озаглавленный “Китайская политика Москвы в 1930 г. и “линия Ли Лисаня”, которые освещают политику ВКП(б) и Коминтерна в Китае с начала 1930 до начала 1931 г., занимают большое место как по объему (более 50 документов, отражающих только деятельность Дальневосточного бюро ИККИ в Китае), так и научной значимости для исследователей.

1930 год явился в истории КПК периодом формирования и попыток осуществления на практике ультралевацкой платформы, известной как “линия Ли Лисаня”, вызвавшей острый кризис в Компартии Китая.

Обстановка крупномасштабных боев весной-осенью 1930 г. между нанкинской группировкой Гоминьдана и объединившимися с ней в борьбе за власть военно-политическими группировками Северного, Южного и Юго-Западного

Китай под лозунгами “реорганизационистов” была активно использована КПК для создания и расширения в ряде районов Центрального и Южного Китая вооруженных сил КПК и советских районов. Возможно, не без влияния этого фактора, в 1930 г. в китайской политике ВКП(б) и Коминтерна наметилась существенная эволюция: в ряде основных документов и директив ИККИ на первое место при определении задач КПК была выдвинута задача создания и укрепления Красной армии и территориальной базы советов в ряде сельских районов Центрального Китая.

Опубликованные новые документы дают более широкое представление о причинах отсутствия жесткой и четкой реакции Москвы (вплоть до второй половины июня 1930 г.) на формирование левацкой платформы руководства КПК в период от февраля до принятия 11 июня 1930 г. известной резолюции Политбюро ЦК КПК “Новый революционный подъем и победа первоначально в одной или нескольких провинциях”.

Продолжавшийся и обострившийся в первой половине 1930 г. конфликт между руководством КПК и Дальбюро ИККИ в июле-августе перерос в противостояние Политбюро ЦК КПК Исполкому Коминтерна. Отказ руководства КПК подчиняться дисциплине Коминтерна, тяжелые последствия всеобщих восстаний побудили Москву принять ряд мер политического и организационного характера. По настоянию ИККИ в сентябре 1930 г. был проведен III пленум, затем в январе 1931 г. — IV пленум ЦК КПК, были проведены значительные изменения в составе руководящих органов КПК²⁵.

Особое значение для раскрытия взаимоотношений между Москвой и тогдашним руководством КПК в этот критически важный период с конца июля до конца августа 1930 г. имеет публикация в томе телеграфной переписки между ИККИ, Политбюро ЦК КПК и Дальбюро, впервые включающие полные тексты всех обращений руководства КПК в руководящие органы Коминтерна и ВКП(б), лично к И.В. Сталину и ответов из Москвы (док. № № 262, 263, 270, 272-275, 277, 281-283, 290, 292).

Впервые публикуются в этом разделе также документы о деятельности находившейся в Шанхае с октября 1930 по апрель 1931 гг. группы военных советников во главе с сотрудником Разведуправления Штаба РККА А.Ю. Гайлисом (входил в состав Дальбюро, являлся советником ЦК КПК по военным вопросам), о ее роли в перестройке военной работы Компартии Китая; телеграфная переписка между Москвой, Политбюро ЦК КПК и Дальбюро ИККИ в 1930 г., которая включает полные тексты всех директив ИККИ этого периода, в том числе ранее неизвестные директивные документы ИККИ, особенно важное “Директивное письмо ИККИ ЦК КПК по вопросу о строительстве Красной армии и партизанском движении” (Т. III. Ч. 2. Док. № 259).

В течение второго периода советского движения, документы которого включены в IV том (с осени 1931 г. до VII конгресса Коминтерна) с конца 1932 г. началась полоса поражений советского движения, утраты основных советских районов сначала в Центральном Китае (конец 1932 г.—начало 1933 г.), а осенью 1934 г. — в Южном Китае. Части Красной армии под ударами войск нанкиннского правительства с тяжелыми потерями были вынуждены начать переход на юго-запад страны, где еще в 1933 г. был создан советский район в провинции Сычуань, а затем — на северо-запад.

Документы IV тома дают возможность проследить процесс постепенного осознания необходимости выхода КПК из изоляции. Характерным в связи с последним является известное заявление временного правительства Китайской советской республики и Реввоенсовета Рабоче-крестьянской Красной армии Китая от 10 января 1933 г. (док. № 100), подготовленного и опубликованного по ре-

комендации Коминтерна во время нового наступления Японии в Северном Китае. В этом документе содержалось предложение, обращенное ко всему китайскому народу, что "Красная армия Китая готова заключить боевое соглашение с любыми воинскими частями о совместной вооруженной борьбе против японской империалистической агрессии"²⁶ при трех известных условиях, одно из которых — немедленное прекращение наступления на советские районы.

Документы IV тома свидетельствуют, что практически за весь период с сентября 1931 г. до VII конгресса Коминтерна ИККИ не принял ни одной развернутой резолюции о задачах КПК и советского движения²⁷. Основным директивным документом Коминтерна по этим вопросам оставалась принятая Президиумом ИККИ 31 июля 1931 г. резолюция "О задачах Компартии Китая"²⁸.

Во время третьего периода содержанием китайской политики ВКП(б) и Коминтерна являлись поиски путей перехода от политики советизации страны к тактике единого национального антияпонского фронта.

Опубликованные документы²⁹ свидетельствуют, что разработка новой политической ориентации КПК развернулась уже после VII конгресса Коминтерна, а наиболее важные решения, определившие поворот к единому антияпонскому фронту в национальном масштабе, были приняты Секретариатом ИККИ по согласованному с И.В. Сталиным предложению Г. Димитрова в июле-августе 1936 г.

Вопрос о путях создания единого фронта в Китае на VII конгрессе Коминтерна ставился таким образом, что советы фактически должны были стать инициатором и центром объединения всего народа для ведения освободительной борьбы при укреплении мощи Красной армии³⁰.

Даже в телеграмме Секретариата ИККИ ЦК КПК от 15 августа 1936 г. говорилось, что "курс на создание единого антияпонского фронта вовсе не предполагает ослабления советов..."³¹. Только 20 января 1937 г. Секретариат ИККИ постановил запросить мнение ЦК КП Китая по поводу целесообразности изменения курса партии в советских районах в смысле перехода от системы советов к системе национально-революционного правительства на демократической основе к борьбе за создание Всекитайской демократической республики³².

Разработка тактики единого национального антияпонского фронта в 1936 г. — первой половине 1937 г. активно шла совместными усилиями Секретариата ИККИ и делегации КПК в ИККИ. Эта работа велась и ЦК КПК в Китае. И, как свидетельствуют документы, Секретариат ИККИ давал рекомендации и корректировки по ходу разработки нового курса как ЦК КПК, так и направлял работу по этой проблеме делегации КПК в ИККИ во главе с Ван Мином.

Как известно, за все десятилетие советского движения в Китае 1927-1937 гг. КПК не удалось закрепиться в городах и развить там массовое революционное движение, в то же время в деревне, на территориях между зонами контроля Нанкина и региональных группировок, КПК смогла создать и сохранять свои опорные базы — советские районы, свои вооруженные силы, подготовить когорту опытных военных и политических кадров, ставших основой роста сил КПК после вынужденного ухода ее основных соединений на северо-запад Китая²⁷.

В IV томе представлены многочисленные документы, которые дают возможность проследить все этапы длительного и трудного пути разработки новой тактики, которая обрела свой окончательный вид в выступлении Г. Димитрова на заседании Секретариата ИККИ по китайскому вопросу 10 августа 1937 г.³³

Этим выступлением открывается V, заключительный том серии документов "ВКП(б), Коминтерн и Китай". Поскольку научная общезначимость с этим томом еще не знакома, я остановлюсь на нем несколько подробнее.

V том включает документы, освещающие политику ВКП(б) и Коминтерна в отношении Компартии Китая за период с августа 1937 г. до роспуска Коминтерна в мае 1943 г.

По структуре V том отличается от I-IV томов. В нем одна сквозная проблема: единый национальный антияпонский фронт, тактика в нем КПК, взаимоотношения ее с Гоминьданом, взаимоотношения Коминтерна и ВКП(б) с Компартией Китая.

Основные документы Коминтерна этого периода показывают, что главным содержанием его деятельности в этот период была разработка вместе с представителями КПК (они работали в Коминтерне до весны 1940 г.) политики создания и функционирования единого национального антияпонского фронта на основе сотрудничества КПК и ГМД. Коминтерн и Советский Союз боролись также за недопущение разрушения этого сотрудничества даже при возникновении кризисных ситуаций в отношениях между Гоминьданом и КПК. Включенные в том новые архивные документы, особенно широко представленный обмен шифротелеграммами между Секретариатом ИККИ и ЦК КПК, а также между Г. Димитровым и Мао Цзэдуном (а таких телеграмм десятки), содержат много нового в этом отношении.

В Коминтерне в эти годы не было дискуссий как по теоретическим, так и по другим китайским вопросам, в том числе по главному вопросу политики Москвы и КПК — о едином национальном антияпонском фронте. Главным было практическое осуществление тактики единого фронта, уточнение ее на разных этапах с учетом менявшейся обстановки. Дискуссии по тактике КПК в едином фронте имели место на двух расширенных совещаниях Политбюро ЦК КПК — в Лочуани 22-25 августа 1937 г. и в Яньани 9-14 декабря 1937 г. после возвращения Ван Мина в Москву, а также на VI расширенном пленуме ЦК КПК, проходившем в Яньани с 29 сентября по 6 ноября 1938 г. Однако, материалами состоявшихся там дискуссий мы не располагаем, и о них известно нам лишь из китайской литературы, посвященной истории КПК. Опубликован только политический доклад Мао Цзэдуна на VI пленуме, его заключительное слово и решение по докладу Мао Цзэдуна. На решениях пленума явно сказались установки ИККИ о необходимости длительного сотрудничества КПК и Гоминьдана.

Отметим, что в V томе всего три постановления Политбюро ЦК ВКП(б). Это объясняется политикой ВКП(б), связанной с решением VII конгресса Коминтерна (1935 г.), официально предоставившим все полномочия на принятие ответственных решений коминтерновской политики Президиуму и Секретариату ИККИ, кроме вопросов, касавшихся финансирования деятельности Коминтерна, проведения международных антифашистских кампаний и некоторых других чрезвычайных событий. На практике каждое серьезное решение согласовывалось с Политбюро ЦК ВКП(б) или с И.В. Сталиным. По китайским вопросам Г. Димитров, как и раньше, обращался за советами к И.В. Сталину³⁴, что находит подтверждение в дневнике Г. Димитрова и его письмах И.В. Сталину³⁵. Исполком Коминтерна поддерживал все внутренние и внешнеполитические акции советского руководства, что нашло отражение в решениях Коминтерна и по китайскому вопросу.

Основные события японо-китайской войны подробно освещены в отечественной и зарубежной литературе. Напомним лишь, что, начав с провокации 7 июля у моста Лугоуцяо, 30 и 31 июля японские войска захватили Бэйпин (Пекин) и Тяньцзинь, и Япония предъявила требования о фактическом контроле над территориями всего Северного Китая, в ноябре — декабре японцы захватили Шанхай и Нанкин, в октябре 1938 г. — Гуанчжоу и Ухань. На этом завершился первый этап войны. Война вступила в затяжную стадию.

В документах части 2-й IV тома “ВКП(б), Коминтерн и Китай” отражена краткая история контактов представителей КПК и Гоминьдана в первой половине 1937 г. по вопросам сотрудничества двух партий и единого национального антияпонского фронта³⁶. Инициатором выступала КПК при консультациях по этим вопросам с Секретариатом ИККИ. Эти контакты продолжались и в последующие месяцы.

8 июля 1937 г., то есть на второй день после нападения Японии на Китай ЦК КПК уже выступил с обращением к нации, призвал весь народ, правительство, армию объединиться, создать крепкую стену единого национального фронта сопротивления японскому агрессору³⁷. 15 июля 1937 г. ЦК КПК передал Гоминьдану декларацию о сотрудничестве с Гоминьданом. В ней были сформулированы основные цели, прежде всего завоевание независимости и свободы китайской нации, мобилизация народа на национально-революционную войну сопротивления Японии, за восстановление суверенитета и территориальной целостности Китая.

В условиях, на которых шла теперь КПК на сотрудничество с ГМД в целях создания единого фронта, произошли большие сдвиги. В декларации излагалась позиция КПК: борьба за осуществление трех народных принципов Сунь Ятсена; отмена политики свержения Гоминьдана и приостановление конфискации помещичьих земель; реорганизация правительства в Особом районе и осуществление политики народного управления; преобразование Красной армии в часть Национально-революционной армии, принятие ею верховного руководства Военного совета Национального правительства и выступление по его приказу на фронт.

Однако Чан Кайши разрешил опубликовать эту декларацию лишь 22 сентября 1937 г. и выступил со своим заявлением 23 сентября 1937 г. Публикация декларации КПК 22 сентября и заявление Чан Кайши 23 сентября 1937 г. явились отправным моментом в установлении единого национального фронта. Фактически это была легализация КПК и ее армии. Отмечу две особенности единого фронта. Единый фронт в Китае с самого начала не имел какой-либо организационной формы (док. № 84). Другой особенностью сотрудничества Гоминьдана и КПК (в отличие от первого сотрудничества в 1924-1927 гг.) в Китае являлось то, что и у Гоминьдана, и у КПК были свои армии и своя территория — правда то и другое были слишком разновелики.

В известном выступлении Г. Димитрова на заседании Секретариата ИККИ 10 августа 1937 г. по вопросу новой тактики КПК, отметив, что “доклад Ван Мина был несколько агитационным и оптимистическим”, Г. Димитров указал на всю сложность для КПК “повернуть на 180° в политике партии, в тактике партии”, подчеркнул, что положение партии “исключительное”. Г. Димитров даже высказал мысль о том, “в состоянии ли будет ЦК партии, персональный состав его, его аппарат, и его окружение вести свою работу — это очень серьезный вопрос”.

В зарубежной историографии, особенно китайской, имеется немало работ о едином национальном антияпонском фронте в период войны сопротивления Японии 1937-1945 гг., втором сотрудничестве КПК и Гоминьдана в годы этой войны. При этом во всех работах в большей или меньшей степени уделяется внимание роли ВКП(б) и Коминтерна в создании единого фронта и их взаимоотношениях с КПК. С 80-90-х годов XX в. появились публикации с использованием некоторых новых документов. Однако документальной базы для выяснения действительного положения по этим двум вопросам было недостаточно.

В концептуальном плане в китайской и западной историографии авторы в основном придерживались прежних утверждений Мао Цзэдуна, что успешное развитие КПК в эти годы происходило без помощи Коминтерна и даже вопреки ему. А комплекс отношений между ВКП(б), Коминтерном и КПК сводится к от-

ношениям между И.В. Сталиным и Мао Цзэдуном, при этом акцент делается на помощи Советского Союза только Гоминьдану.

С удовлетворением отмечу, что в 2004 г. известный китайский историк Ян Куйсун опубликовал большое по объему исследование по доступным источникам о финансовой помощи Коминтерна Компартии Китая за 1920-1944 гг.³⁸

Документы, вошедшие в V том, дают возможность объективно оценить роль политики Советского Союза и Коминтерна в их взаимоотношениях с КПК и их роли в предотвращении раскола единого фронта во время антияпонской войны. В частности, документы свидетельствуют о существенной, я бы даже сказала, решающей помощи Советского Союза и Коминтерна в том, чтобы Чан Кайши не довел положение после событий в Южном Аньхое в январе 1941 г., когда фактически по его указу была уничтожена штабная колонна Новой 4-й армии численностью в 10 тыс. человек, до распада единого фронта и развязывания гражданской войны (док. № № 148, 153). По этому вопросу состоялась интенсивная телеграфная переписка между Мао Цзэдуном и Г. Димитровым, полностью представленная в томе.

Документы V тома дают возможность ответить и на вопрос о помощи Советского Союза Гоминьдану и Компартии Китая во время антияпонской войны. 21 августа 1937 г. в Нанкине был подписан Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой. 14 сентября 1937 г. в дополнение к этому договору была достигнута договоренность о предоставлении Китаю советской военной техники, боеприпасов и снаряжения в счет кредитов Китаю. При этом было особо оговорено, и я это подчеркиваю, что четвертая—пятая часть помощи оружием должна была выделяться нанкинским правительством армиям коммунистов. В 1938-1939 гг. Китай получил от Советского Союза 250 млн ам. долларов, а всего — 450 млн долл., вооружение (в первые годы войны на 24 дивизии). Кроме того, помощь китайской армии оказывали советские военные советники (к середине 1939 г. там работало 3665 человек и добровольцы — летчики). Советская историография расценивала всю эту помощь не Гоминьдану, а через официальное правительство китайскому народу в его борьбе против японских агрессоров. Думаю, что такой подход к оценке советской помощи правомерен и в наше время.

В томе имеется немало документов о помощи Советского Союза и Коминтерна Компартии Китая в период антияпонской войны. Всего финансовой помощи из Москвы Компартии Китая в 1937, 1938, 1940 и 1941 годах, согласно документам, поступило 3.852.394 ам. долл. (док. № № 65, 126, 140, 157, 180, 198, 202, 217). Отмечу, что несмотря на тяжелейшее для Советского Союза положение на советско-германском фронте, Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1941 г. приняло постановление отпустить ИККИ один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК КПК (док. № 180). Указанная помощь Советского Союза была оказана в ответ на просьбу ЦК КПК от 16 мая 1941 г. (док. № 172). Кроме финансовой помощи, оказанной Советским Союзом КПК, в томе имеются данные о получении партией различного имущества, технических, медицинских средств и др. (док. № № 28, 57, 69, 94, 116, 124, 157, 173, 202 и др.), о создании в 1937 г. военной школы в Урумчи для подготовки военно-технических кадров для 8-й армии. В ней функционировали артиллерийское, авиационное, бронетанковое отделения и отделение по подготовке шоферов и радистов (док. № 70). Школа работала на советские средства, готовили специалистов этих профилей советские инструкторы.

К этому же вопросу относится и впервые опубликованная в V томе переписка между руководством КПК и Г. Димитровым о возможных поставках Компартии Китая оружия и другой военной техники, в частности танков, для 8-й армии. СССР готов был направить их для войск КПК, если партия будет в состоя-

нии обеспечить нелегальную их доставку от границы МНР до территории, контролируемой Компартией Китая. Но это оказалось невозможным.

Я бы обратила внимание еще на один вопрос, вокруг которого было немало спекулятивных домыслов как в западной, так и в советской историографии из-за отсутствия документов. В июне и сентябре 1941 г. ИККИ и советское руководство по особым каналам обращались к ЦК КПК с просьбой послать части регулярной армии и партизанские отряды для проведения боевых операций в Южную Маньчжурию в случае нападения Японии на Советский Союз. ЦК КПК 18 июля 1941 г. телеграммой на имя Г. Димитрова дал ответ на просьбу советского руководства. Этот ответ известен (док. № 186). В существовавшей обстановке КПК не могла послать войска 8-й армии к южным границам Маньчжурии, сильно укрепленным японцами. “Если же мы будем действовать, несмотря ни на какие жертвы, тогда не исключена возможность, что мы будем разбиты и не в состоянии упорно отстаивать партизанские базы в тылу противника длительный период”. Некоторые китайские историки считают, что такой ответ бросил некоторую тень на отношения Москвы к КПК. Однако, в действительности, когда 20 июля 1941 г. Г. Димитров передал содержание этой телеграммы ЦК КПК В.М. Молотову, тот ответил: “С линией поведения ЦК Компартии Китая согласны. В отношении боеприпасов (ЦК КПК в той телеграмме просил подкрепления боеприпасами, пулеметами и т.п. — А.К.) — пока не давать обещания” (прим. 1 к док. № 186, док. № 188).

С началом гитлеровской агрессии против Советского Союза руководство ВКП(б) всю свою политику подчинило задаче разгрома Германии и ее сателлитов и на выполнение этой задачи мобилизовало все силы Коминтерна. Сталин и его окружение нацеливали Коминтерн на организацию европейского движения Сопротивления и национально-освободительной антифашистской войны³⁹. Таким образом лозунг сентября 1939 г. когда после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Сталин дал ошибочную характеристику начавшейся Второй мировой войны как империалистическую с обеих сторон был снят. Антифашистская стратегия отвечала не только интересам Советского Союза, но и совпадала с жизненными интересами всех народов. В V томе опубликован обмен телеграммами между Г. Димитровым и ЦК КПК о мероприятиях КПК по этому вопросу в соответствии с новыми рекомендациями Коминтерна.

В краткой статье нет возможности осветить все “противоречивое развитие” единого фронта в “сложном зигзагообразном и изменяющемся процессе”, как выразился Чжоу Эньлай в его докладе на заседании Президиума ИККИ в январе 1941 г., в частности, из-за стремления Гоминьдана “поглотить” Компартию Китая.

Так как с составом документов, вошедших в том, мало кто знаком, приведу здесь перечень хотя бы наиболее значимых и интересных из них для историков. Это упоминавшееся выступление Г. Димитрова на Секретариате ИККИ от 10 августа 1937 г.; беседа И.В. Сталина в Кремле 11 ноября 1937 г., на которой присутствовали Г. Димитров, Ван Мин, Кан Шэн и Ван Цзясян (док. № 7) перед отъездом последних в Китай; впервые публикуемые большие по объему и содержанию доклады Жэнь Биши (апрель 1938 г.) и Чжоу Эньлая (конец декабря 1939 г.) на соответствующих заседаниях Президиума ИККИ; протоколы заседаний специальной бригады, сформированной Секретариатом ИККИ (Мануильский) для обсуждения четырех главных вопросов: как укрепить единый национальный фронт, не допустить капитуляции; как нужно усилить антияпонскую войну; как нужно укрепить 8-ю армию и КПК; что мы должны будем сделать, если капитуляция и разрыв с Гоминьданом станут фактом (док. № 47). От КПК на заседаниях выступили Жэнь Биши, Линь Бяо и Мао Цзэминь (июль 1939 г.) (док. № № 47, 48, 53). В томе опубликовано более 20 документов, касающихся Синьц-

зьяна, поведения Шэн Шицзя в отношении к Советскому Союзу и китайских коммунистов в разные периоды; две телеграммы Мао Цзэдуна Г. Димитрову о политике, проводимой Ван Мином по возвращении в Китай и его деятельности с начала 30-х годов; сообщения работников Разведуправления Штаба РККА о болезни и положении Ван Мина в Яньани и о его просьбе эвакуировать его в Москву для лечения и многие другие новые, представляющие интерес для историков документы.

Здесь еще стоит напомнить, что после начала войны на Тихом океане укрепились международное и финансовое положение Китая. США стали больше уделять внимания Китаю. В марте 1942 г. было подписано соглашение о предоставлении Китаю 500 млн долл. В Юго-Западном Китае строились аэродромы для американской авиации. В Китай прибывали самолеты, летчики и техники США. Представители США были крайне недовольны пассивностью гоминьдановских войск на фронтах войны. Они считали, что столкновения Гоминьдана и КПК, не говоря уже о гражданской войне, ведут к ослаблению войск Гоминьдана и его способности вести антияпонскую войну. Чан Кайши не мог не учитывать это обстоятельство.

В то же время в новой международной обстановке по вине китайского правительства советско-китайские отношения стали ухудшаться. С конца 1942 г. гоминьдановские власти прекратили экономические связи с Советским Союзом через Синьцзян. В марте 1942 г., учитывая осложнение положения советских советников в Китае и создавшуюся в целом ситуацию, советское правительство стало отзываться своих советников из Китая.

Фактически прекратились связи Коминтерна с китайскими коммунистами через Синьцзян. Однако связи ВКП(б) и Коминтерна с КПК продолжались путем телеграфной переписки, приезда коммунистов в Москву другими путями, иных форм взаимной информации.

Во время антияпонской войны, как это следует из документов, Коминтерн и ВКП(б) не вмешивались во внутренние дела КПК. Единственная попытка со стороны Секретариата ИККИ весной 1940 г. высказать пожелание по некоторым кандидатам для включения в ЦК КПК была вежливо отклонена руководством КПК.

В том включены переписка Президиума и Секретариата ИККИ с ЦК КПК о роспуске Коминтерна (док. №№ 285, 287, 288-290) и текст решения ЦК КПК по поводу предложения ИККИ о роспуске Коминтерна (док. № 291).

В решении ЦК КПК от 26 мая 1943 г. выражено полное согласие с предложением Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна, отдавалось должное помощи Коминтерна Компартии Китая, в том числе в течение шести лет войны сопротивления Японии: "В целом во все периоды существования Коминтерна Коминтерн использовал все возможные силы для помощи китайскому народу, испытывающему бедствия и трудности", — говорилось в решении. Вместе с тем в решении ЦК КПК указывалось, что "уже давно китайские коммунисты могли полностью и самостоятельно на основе конкретных особенностей и особых условий [Китая] вырабатывать собственные политические установки, тактику и действия".

Оценивая в целом роль ВКП(б) и Коминтерна в Китае в отстаивании тактики единого национального антияпонского фронта, нельзя не характеризовать ее как плодотворную в деле сопротивления агрессору, эта тактика сыграла важную роль для развития КПК и ее вооруженных сил.

В заключение отмечу значительный вклад ученых КНР, в частности историков Кабинета ЦК КПК по изучению истории партии, в расширение источниковой базы для разработки рассматриваемой темы. В 80-е годы в КНР был выпущен ряд сборников под общим названием "Коминтерн и китайская революция"¹⁰, куда вошли ранее изданные в Китае переводы опубликованных за рубежом документов Коминтерна; "Избранные политические доклады ЦК КПК. 1927-1933"

в ИККИ¹¹. На рубеже 80-х-90-х годов были изданы “Избранные документы ЦК КПК”¹² в 19 томах, в приложениях к 1-14 томам помещены некоторые документы Коминтерна. В настоящее время в Пекине продолжается подготовка и издание серии сборников “ВКП(б), Коминтерн и китайская революция. Библиотека архивных документов”. В этом масштабном китайском издании каждый нечетный по порядку том представляет собой перевод соответствующих томов пятитомника, издававшегося на русском языке Институтом Дальнего Востока РАН. А каждый четный том включает переиздание документов, относящихся к соответствующему периоду, прежде опубликованных в разных изданиях, теперь уже с комментариями составителей. В 1997-2007 гг. вышло семнадцать томов этой библиотеки. В настоящее время ведется работа по переводу на китайский язык V тома “ВКП(б), Коминтерн и Китай” нашего издания.

1. ВКП(б) Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. 1920-1925. М., 1994. Ред. кол.: М.Л. Титаренко и Го Хэньюй (руководители работы) и др.; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II. 1926-1927. Ч. 1. Ч. 2. М., 1996. Ред. кол.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы) и др.; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. 1927-1931. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. Ч. 1. Ч. 2. М., 1999. Ред. кол.: М.Л. Титаренко и М. Лейтнер (руководители работы) и др.; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931-1937. Ч. 1. Ч. 2. М., 2003. ред. кол.: М.Л. Титаренко и М. Лейтнер (руководители работы) и др.; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Август 1937—май 1943. Ред. кол.: М.Л. Титаренко и М.Л. Лейтнер (руководители работы) и др. М., 2007.
2. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 8-9.
3. Эгун миндан юй чжунго гэмин яньцзю (Секретные архивы РКП(б) и исследование китайской революции). Харбин, 1998; *New Research and the New Perspectives of the Chinese Revolution (With special regard on the 1920-s)*. Berlin, 2000; *Moscow, Canton, Peking Early Diplomatic Relations between the Soviet Union and China*. Taipei, 2000; “Гунчань гоцзи, ляньюн (бу) юй чжунго гэмин” гоцзи сюэшу яньцзю таохуэй лунь вэньцзи (Материалы международной научной конференции “Коминтерн, ВКП(б) и китайская революция). Пекин, 2006.
4. См.: А.М. Григорьев. Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна 1920-1937 // *История Коммунистического Интернационала 1919-1943. Документальные очерки*. С. 294.
5. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. С. 94 (док. № 24).
6. Там же. Док. № 38.
7. Там же. Док. № 39 в записи Г. Маринга.
8. См. там же. Док. № № 82-85, 89-93, 95-99.
9. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. II. Ч. 1. С. 1.
10. Там же. С. 231 (док. № 55).
11. Первые 10 протоколов впервые были опубликованы в 1993 г. См.: *Протоколы заседаний Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) (апрель-сентябрь 1925 г.)*. Публикация и примечания д.и.н. А.И. Картуновой и к.и.н. К.В. Шевелева // *Военные архивы России*. 1 выпуск 1993. С. 309-323.
12. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. II. Ч. 1. Предисловие.
13. Там же. Т. II. ч. 2. С. 78 (док. № 229).
14. См. там же. Док. № № 205, 239, 251, 252.
15. Там же. С. 804-805.
16. Там же. С. 820 (док. № 240).
17. Там же. Док. № № 247, 253.
18. Там же. С. 849.

19. Там же. С. 852 (док. № 252).
20. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 1. С. 33.
21. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 1. С. 34, 35. (Введение).
22. : Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 110–116 (Письмо от 9 июля 1927 г.).
23. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 1. Док. № 2, 3.
24. Там же. Док. № 3.
25. Подробно об этом см.: А.М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М., 1980.
26. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. Ч. 1. С. 247. Док. № 100. Сокращенный русский перевод этого документа был опубликован в 1933 г. (см. прим. 1 к документу).
27. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. Ч. 1. С. 27.
28. Текст документа см.: Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. Ответств. редактор М.Л. Титаренко М., 1986. С. 236–257. В этом и прежних изданиях документ датирован 26 августа 1931 г.
29. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. Ч. 2 (док. № № 376, 379, 380).
30. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. Ч. 2. С. 1068. (Док. № 380).
31. Там же.
32. Там же. С. 1091–1092. (Док. № 391).
33. Текст см.: Коммунистический Интернационал и китайская революция... С. 274–277.
34. См.: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 15.
35. Там же. А также: Георги Димитров. Дневник (9 март 1933—6 февруари 1949). София, 1997.
36. См.: ВКП(б), Коминтерн и Китая. Т. IV. Ч. 2. С. 868–896.
37. См.: Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Пекин, 1991. Т. 11. С. 274–275.
38. См.: Ян Куйсун. Гунчань гоцзи вэй чжунгун тигун цайчжэн юаньчжу цинкуанчжи као-ча (Исследование положения с финансовой помощью Коминтерна Компартии Китая) // Чжунъэ гуансидэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). главн. редактор Луань Цзинхэ, Хэнань дасюэ чубаньшэ. 2004. С. 232–273.
39. См.: “Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)...”. Док. № № 205, 207, 211.
40. Гунчаньгоцзи хэ чжунго гэмин цзяосюэ цанькао цзыляо (Коминтерн и китайская революция: справочные материалы). Пекин, 1985. Т. 1–2.
41. Чжунгун чжунъян чжэнчжи баогао сюаньцзи 1927–1933 (Избранные политические доклады ЦК КПК. 1927–1933). Пекин, 1983.
42. Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Пекин, 1990, 1991. Т. 1–19.

Философия

Исследования современного конфуцианства в КНР

© 2008

Го Циюн

1. Ретроспектива

За последние двадцать лет ученые материкового Китая достигли заметных успехов в изучении современного нового конфуцианства¹ (кит. *дандай синь жуцзя*. — Пер.). Такие исследования начались вслед за провозглашением в КНР политики реформ и открытости, когда в материковый Китай стали приезжать с лекциями иностранные ученые, прежде всего китайского происхождения, а также сянганские и тайваньские исследователи, там стали публиковаться их статьи и монографии.

В 1983 г. профессор Тан Ицзе из Пекинского университета и профессор Сяо Шафу, мой учитель, составили проект редактирования и издания "Собрания сочинений Сюн Шили". В октябре 1984 г. за это дело взялись работавшие в Пекинском университете Фэн Юлань, Чжан Дайнянь, Чжу Бокунь и Тан Ицзе. Объединившись с несколькими десятками гонконгских и тайваньских профессоров, они основали негосударственное научное объединение — Академию китайской культуры (АКК). Ее возглавил Тан Ицзе. С 1985 по 1989 г. Академия проводила занятия по повышению квалификации, семинары и заочные курсы по китайской традиционной культуре и сравнительному изучению китайской и зарубежных культур. К преподаванию привлекались старейшие профессора, такие как Лян Шумин, Фэн Юлань, Чжан Дайнянь, а также зарубежные специалисты — Ду Вэймин и Чэн Чжунъин. Зимой 1985 г. Уханьский университет и Пекинский университет провели в г. Хуанган (пров. Хубэй) международную научную конференцию, посвященную наследию Сюн Шили. Там же Уханьский университет организовал чтение курса лекций по китайской культуре. Эти мероприятия ознаменовали начало освоения отечественными учеными проблем современного конфуцианства.

Осенью 1987 г. и в конце 1990 г. в Пекине АКК провела научные симпозиумы, первый из которых был посвящен философии Лян Шумина, а второй —

Го Циюн, доктор философских наук, профессор, директор Института философии Уханьского университета, председатель Международного общества изучения китайской философии (ISCP).

философии Фэн Юланя. В 1987 г. Ли Цзэхоу включил в свою книгу “О современной мысли Китая” специальный раздел под названием “Очерк современного нового конфуцианства”.

В ноябре 1986 г. “Исследования современного нового конфуцианства” были утверждены в качестве одного из пунктов 7-го пятилетнего плана работы Государственного фонда общественных наук. В начале 1992 г. данная тема стала одним из пунктов 8-го пятилетнего плана ГФОН. В 1990-1995 гг. исследовательская группа под руководством профессоров Фан Кэли и Ли Цзиньцюаня выпустила в издательстве АОН КНР “Сборник статей по современному новому конфуцианству” (два выпуска) и “Описание учений современных новых конфуцианцев” (три тома). В трехтомник вошли очерки учений 11 мыслителей — Лян Шумина, Чжан Цзюньмая, Сюн Шили, Ма Ифу, Фэн Юланя, Хэ Линя, Цянь Му, Тан Цзюньи, Моу Цзунсаня, Сюй Фугуаня и Фан Дунмэя. Эта же исследовательская группа в серии “Исследования современного нового конфуцианства” выпустила ряд книг, посвященных его отдельным представителям и проблемам. Основные члены группы (более 20 человек) работали в ведущих вузах и научно-исследовательских учреждениях в разных городах КНР. В течение 90-х годов помимо вышеупомянутых изданий они выпустили более десяти монографий и более трехсот статей. Фан Кэли также отредактировал 14 выпусков серии “Избранные произведения современных новых конфуцианцев” (издательство Чжунго гуанбо дяньши). В их числе были репрезентативные работы 14 представителей современного нового конфуцианства — Сюн Шили, Лян Шумина, Ма Ифу, Чжан Цзюньмая, Фан Дунмэя, Фэн Юланя, Хэ Линя, Тан Цзюньи, Моу Цзунсаня, Сюй Фугуаня, Ду Вэймина, Лю Шусяня, Юй Инши и Чэн Чжунъяна.²

Исследовательская группа совместно с рядом вузов и научных учреждений неоднократно организовывала научные конференции, посвященные различным проблемам современного нового конфуцианства и его представителям.

При этом выявились разногласия между зарубежными и отечественными учеными относительно того, можно ли считать современными новыми конфуцианцами Цянь Му, Фан Дунмэя и Юй Инши. Сам Юй Инши отказывается относить своего учителя Цянь Му, а тем более самого себя, к этому лагерю. По Юй Инши, современные новые конфуцианцы — это лишь Сюн Шили и его последователи, работающие в русле “учения о сердце/сознании” (*синь сюэ*). А вот Лю Шусянь солидаризуется с более широким определением нового конфуцианства, принятым на материке, и полагает, что, кроме Юй Инши, к современным новым конфуцианцам могут быть отнесены и два таких выдающихся мыслителя, как Цянь Му и Фан Дунмэй.³

Состоявшаяся в конце 1988 г. I Международная конференция по философии Тан Цзюньи, которую организовал Хо Таохуэй в гонконгском колледже Фачжу/Дхармастхити (Академии культуры Фачжу), способствовала установлению взаимодействия ученых КНР, Сянгана, Аомэня и Тайваня. Ученые из материкового Китая приняли участие во II и III Международных конференциях по современному новому конфуцианству, которые проводила тайваньская школа Гусиного озера⁴ в конце 1992 г. в Тайбэе, а в конце 1994 г. — в Сянгане.

До конца XX столетия прошел целый ряд международных симпозиумов по данной тематике на континенте, в том числе в Ханчжоу (по философии Ма Ифу, март 1993 г.), в Чэнду (по философии Тан Цзюньи, август 1995 г.), в Ухани (по философии Сюй Фугуаня, тогда же), в Цзинани (по философии Моу Цзунса-

ня, сентябрь 1998 г.); в Пекине (декабрь 1995 г. и 2000 г.), Чжэнчжоу и Кайфэне (октябрь 1997 г.) — по философии Фэн Юланя.

Помимо этого, специальные секции по современному конфуцианству были организованы на Международной конфуцианской конференции (октябрь 1989, 1994 и 1999 г.) и на продвинутой раз в два года конференции по китайской философии (летом 1993 г. в Пекине, 1995 г. в Бостоне, 1997 г. в Сеуле и 1999 г. в Тайбэе). За последние десять с лишним лет в материковом Китае в ходе работы многих научных конференций, посвященных китайской культуре и философии, затрагивались проблемы изучения современного нового конфуцианства. В научной периодике и сборниках статей с близкой тематикой со временем стали печатать все больше работ по этой тематике.

2. Результаты

Помимо упомянутых выше сборников, проблемам современного нового конфуцианства были посвящены восемь томов “Собрания сочинений восьми мастеров современного нового конфуцианства” (издательство Цюньян, под ред. Хуан Кэцзяна и др.), книги “Современное новое конфуцианство” (под ред. Фэн Цзюшэна и Цзин Хайфэна), “Критический очерк нового конфуцианства” (сост. Ло Ицзюнь), “Разум и жизнь” (под ред. Ло Ицзюня и Чэнь Кэцзяня). Только в 90-е годы XX в. и начале XXI выходили полные собрания сочинений Лян Шумина, Фэн Юланя, Моу Цзунсаня, Сюн Шили, собрания сочинений Ма Ифу, Сюн Шили, Тан цзюньи, Цянь Му, Сюй Фугуаня, Ду Вэймина.

Что касается обобщающих исследований современного нового конфуцианства, то следует отметить “Очерк современного нового конфуцианства” Чжэн Цзядуна (Наньнин, 1990), “Исследования современного нового конфуцианства” Сун Чжимина (Пекин, 1991), “Традиция и гуманизм: изучение гонконгского и тайваньского нового конфуцианства” Ху Вэйси (Пекин, 1992), “Безмолвное возрождение. О современном новом конфуцианстве” Хуан Кэцзяня и Чжоу Циньхэ (Наньчан, 1993), “Китайская современная философия культуры” (под ред. Люй Сичэня, Тяньцзинь, 1993). В 1994-1995 гг. в изд-ве “Чжунго гуанбо дяньши” вышли два выпуска “Обозрения нового конфуцианства” (под ред. Чжэн Цзядуна и Е Хайяня). Чэнь Лай напечатал на Тайване сборник статей “Философия и традиция — философия современного нового конфуцианства и современная китайская культура” (Тайбэй, 1994). В 1995 г. в изд-ве “Хайся вэньи чубаньшэ” вышла монография Хуан Кэцзяня “Борющееся из последних сил конфуцианство: о новой конфуцианской мысли на том берегу пролива”. В 1997 г. изд-во “Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ” напечатало сборник статей Фан Кэли “Современное новое конфуцианство и модернизация в Китае”.

В том же году в изд-ве Гуанси цзяюй чубаньшэ вышли книги Чжэн Цзядуна (“Об истории современного нового конфуцианства”) и Чэнь Лая (“Гуманистический подход”); в 1998 г. издательство Бэйцзин тушугуань опубликовало “Введение в современное новое конфуцианство” Янь Бингана. В перечисленных выше работах авторы осмысливают современное новое конфуцианство со стороны, не разделяя его концепций. В издательстве Гуансийского педагогического университета в марте 1999 г. вышел сборник “Избранные произведения Го Цюна”, куда вошли более десяти работ, посвященных современному конфуцианству.

Книги из серии “Исследования современного нового конфуцианства”, выходившей под редакцией Фан Кэли и Ли Цзиньцюаня, делятся на две категории:

работы, посвященные отдельным представителям данного течения (книги Го Циюна, Цао Яомина, Чжан Сянхао, Люй Сичэня и Чэнь Ина, Сун Чжимина; выходили в 1993-1997 гг. в издательстве Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ), и те, что посвящены конкретным философским проблемам (книги Чэнь Шаомина, Хань Цяна, У Дуншэна, Ли И, Чжао Дэшэна, Ши Чжунляна, Лу Шэнфа, 1992-1994 гг., издательство Ляонинского университета). В 1997 г. в Чанша вышла книга Ван Цзэина "Исследования этических концепций современного нового конфуцианства".

Кроме того, исследования творчества современных конфуцианцев были представлены также в книгах серий "Мастера науки о Китае" (издательство Байхуачжоу взньи чубаньшэ), "Биографии известных китайских ученых XX столетия" (Бэйцзин тушугуань чубаньшэ), "Биографии знаменитостей XX века" (Жэньминь чубаньшэ).

Что касается философии Сюн Шили, то помимо указанных выше книг ему посвящены также работы Цзин Хайфэна (Тайбэй, 1991), Го Циюна (Тайбэй и Шанхай, 1994), Сун Чжимина (Наньчан, 1994), Чжан Цинсюна (Шанхай, 1995) и Дин Вэйсяна (Пекин, 1999).

Биография и творчество Лян Шумина, помимо упомянутой выше книги Цао Яомина, рассматриваются в "Хронологии жизни Лян Шумина" Ли Юаньтина и Янь Бинхуа (Гуйлинь, 1991), двух книгах Ма Юна (Шанхай, 1991; Хэфэй, 1992), в трудах Ван Цзунъюя (Тайбэй, 1992), Чжэн Дахуа (Пекин, 1994), Цзин Хайфэна и Ли Емина (Наньчан, 1995), Го Циюна и Гун Цзяньпина (Ухань, 1996), Ли Шаньфэна (Цзинань, 1996), Ма Дунъюя и др.

Из работ по философии Ма Ифу следует отметить книги под редакцией Би Янся (Шанхай, 1992), Би Янся и Ма Цзинцюаня (Ханчжоу, 1995) и "Критическую биографию Ма Ифу" Ма Цзинцюаня и др. (Наньчан, 1993).

Что касается изучения жизни и деятельности Чжан Цзюньмая, кроме упомянутой выше Люй Сичэня и др., то только в 90-е годы вышли работы Лю Илия и Ло Цинфэна (Наньчан, 1996), Чжэн Дахуа (Пекин, 1997, 1999), Чэнь Сяньчу (2001). В 1995 г. Чэнь Сяолань защитила докторскую диссертацию по доктрине Чжан Цзюньмая.

Из исследований, посвященных Цянь Му, упомянем статьи Ло Ицзюня, книги Го Циюна и Ван Сюэцюня (Наньчан, 1995), Ван Сюэцюня (Пекин, 1998), Чэнь Юна (Пекин, 2001).

Фэн Юланю только в 90-е годы были посвящены 10 монографий: Ван Цзяньпина (Чэнду, 1988), Тянь Вэньцзюня (Тайбэй, 1990; Ухань, 1990), Инь Дина (Тайбэй, 1991), Цай Чжундэ (Чжэнчжоу, 1994), Чэн Вэйли (Шанхай, 1994), Ли Чжунхуа (Наньчан, 1996), Фань Пэна (Цзинань, 1998), Чэнь Чжаньго (Пекин, 1999), Сун Чжимина и Ян Лянъюна (Пекин, 1999).

Кроме того, в 90-е годы вышло несколько сборников тезисов к конференциям, посвященным Фэн Юланю. В 1999 г. вышли две книги под ред. Дань Чуня: "Интерпретируя Фэн Юланя" (т. 1-4; Шэньчжэнь), "Хозяин зала Трех сосен: Фэн Юлань глазами знаменитостей и знаменитости глазами Фэн Юланя" (Шанхай). В 1995 г. Чэнь Пэн, а в 1997 г. Дань Чунь защитили докторские диссертации о творчестве Фэн Юланя.

Хэ Линю, помимо упомянутой выше книги Сун Чжимина, были посвящены работы Чжан Сюэчжи (Тайбэй, 1992), Сун Цзуляна и Фань Цзиня (Пекин, 1993), Ван Сыцзюнь и Ли Судуна (Наньчан, 1995).

Изучением взглядов Моу Цзунсаня активно занимались Чжэн Цядун и Янь Бинган. В Тайбэе вышла коллективная монография "Моу Цзунсань" (2000).

В 2000 г. Ван Синго завершил работу над докторской диссертацией о философии Моу Цзунсяня.

Творчеству Сюй Фугуаня были посвящены сборник статей под редакцией Ли Вэйу “Сюй Фугуань и китайская культура” (Ухань, 1997), его монография “Критическое описание изучения Сюй Фугуаня” (Пекин, 2001), книга Сяо Биня о концепции свободы Сюй Фугуаня (Гуанчжоу, 1999), а также статьи проф. Ли Вэйу.

Что касается работ о других видных представителях современного нового конфуцианства, то в 1997 г. защищена докторская диссертация Дань Бо о воззрениях Тань Цзюньи, а в 1998 г. в Тайбэе опубликована книга Ли Сянхая об онто-герменевтике Чэн Чжуньина. Кроме того, в конце 1990-х — начале 2000-х годов вышли монографии Ло Ицзюня о Моу Цзунсяне, Цзян Гобэя о Фан Дунмэе, Тэн Фугуаня о Ма Ифу, Тянь Вэньцзюня о Фэн Юлане.

3. Центральные темы исследований

Исследования персоналий двух поколений современных новых конфуцианцев постоянно остаются в центре внимания ученых материкового Китая. В собственно философском отношении наибольший интерес вызывают Сюн Шили и Моу Цзунсянь.

Первому были посвящены магистерская и докторская диссертации автора настоящей статьи. Сюн Шили как представитель первого поколения современного нового конфуцианства, интересовавшийся метафизическими конструкциями, создал основу для всего этого течения. Сохранив традиционную конфуцианскую космологию, он вновь обратился к великой основе — источнику бытия, истолковав “изначальное сознание” (*бэнь синь*) как исток вселенной и истинную природу человека, активную творческую субстанцию. Его онтология — это онтология “человечности” — *жэнь* как ценностного центра и духа жизни, охватывающая имманентное и трансцендентное, целостность и развитие. Дух его философии открыл дорогу мысли Тан Цзюньи, Моу Цзунсяня и Сюй Фугуаня.

Ключевая задача философии Сюн Шили — реконструкция сущности мироздания. Его метафизические построения, особенно концепция предельной экзистенции и моральной метафизики, были продолжены и всестороннее развиты Моу Цзунсянем, тогда как рассуждения о “недвойственности сущности и применения” (*ти юн бу эр*)⁵, и особенно концепция построения культуры через самораскрытие нравственности, получили исчерпывающее развитие у Тан Цзюньи. Что касается представлений Сюн Шили об историко-культурном сознании, то их довел до логического завершения Сюй Фугуань. Хотя Сюн Шили и не создал собственного учения о познании, которое могло бы послужить ему методологической базой, но в его “концепции сфер” уже содержатся рассуждения о природном и рациональном знании, переживании и рассуждении, а также о положительной и отрицательной истине. Сфера “прозрачной ясности” у Сюн Шили — это постижение, прозрение небесного Дао-Пути в конкретном проявлении врожденного “благого знания”⁶, что совершенно не похоже ни на неореалистические размышления Фэн Юланя, ни на его же “негативный метод”⁷. Сюн Шили на новом уровне возвращается к восточной мистической онтологии именно в экзистенциальном мышлении “прозрачной ясности” (*дэн мин*, атрибут врожденного знания. — Пер.). Следует упомянуть и о том, что эта концепция предвосхитила “интуицию мудрости” Моу Цзунсяня и “переживаемое знание” Ду Вэймина. В

своих исследованиях я также обращался к философии Сюн Шили с точки зрения расхождения концепций сознания и природы в конфуцианстве и в буддизме.

Научный сотрудник АОН Китая Чжэн Цзядун полагает, что Моу Цзунсань интерпретирует и преобразует кантианскую свободную волю на основе разработанных в конфуцианстве (особенно — в сунском и минском *ли сюэ*) концепций “коренного сознания” (*бэнь синь*), “сущности природы” (*син чжи*) и врожденного “благотного знания” (*лян чжи*). По мнению Чжэн Цзядуна, Моу Цзунсань онтологизирует и превращает в субстанцию свободную волю, которая у Канта была идеалом, или постулатом; он делает ее универсальной, абсолютной, всепроницающей нравственной и бытийной сферой, определяющей все метафизические субстанции и создающей их. Так он выходит за пределы границы, которую строго соблюдал Кант, — границы между миром природы и миром должного, подменяя и нейтрализуя понятия кантовской философии “вещь в себе” и “Бог”, и преобразует “моральную теологию” Канта в “моральную метафизику” конфуцианского типа.

Профессор Шаньдунского университета Янь Бинган считает, что Моу Цзунсань от логических штудий раннего периода своего творчества перешел к философской теории познания, а затем к концепции культурного сознания, после чего начал реконструкцию “моральной метафизики”. “Двухуровневое” учение Моу Цзунсаня о бытии с его делением на онтологию “привязанную” и “непривязанную” (учения соответственно о сфере феноменов и сфере ноуменов) — это результат восприятия Китаем западной мысли и Западом — китайской мысли, итог взаимодействия и синтеза. Три важнейших основания этой всеобъемлющей моральной метафизики — “первичность нравственного действия по отношению к знанию”, “неограниченные возможности ограниченного бытия человека” и “способность обрести интеллектуальную интуицию”. “Моральная метафизика” Моу Цзунсаня продолжает традиционную китайскую философию и логично приходит к концепции “совершенного блага” и “совершенного учения”.

Понятие “совершенного учения” (*юань цзяо*) идет от китайской буддийской школы Тяньтай; понятие “совершенного блага” взято из философии Канта. “Совершенное благо” представляет собой реализацию верного сочетания нравственности со счастьем. Моу Цзунсань, не соглашаясь с Кантом, считает, что осуществление “совершенного блага” не может быть гарантировано Богом. Путь к достижению единства нравственности и счастья — это само неограниченное сознание конфуцианства, а подлинное “совершенное учение” — собственно конфуцианство.

Согласно трактовке Чжэн Цзядуном эволюции метода от Лян Шумина к Сюн Шили, Фэн Юланю и Моу Цзунсаню, на этом пути реконструкция конфуцианской философии прошла стадии от конкретного (интуиции и непосредственного постижения) к абстрактному (рациональному мышлению), а затем к рациональной конкретике (диалектическая концепция “существования как действия”). Здесь возникает проблема применения категориального аппарата и способов анализа, присущих западной философии, для истолкования философии китайской. Западное знание по сути своей рационально и опирается на анализ, а дух китайского знания — это практика и непосредственное постижение, поэтому между ними с необходимостью существует некоторое напряжение. Как слить два этих аспекта воедино? Можно ли осуществить настоящую “аналитическую” реконструкцию китайской философии, относящейся к практическому типу? Усилиями современного нового конфуцианства в этом направлении пренебрегать нельзя.

Чжэн Цзядун полагает также, что напряженность между теорией и практикой становилась все более заметной по мере проникновения в Китай основ-

ных принципов и арсенала знаний западной науки. Конфуцианство отдалялось от процессов реальной жизни, теряло установку на “единство знания и действия” — и в конечном счете стало всего лишь объектом специальных исследований, некоей системой знаний и профессиональной сферой деятельности. Истинный кризис конфуцианства начался не из-за ударов извне. Его причиной был внутренний раскол “знания” и “действия”, инициированный превращением конфуцианства в некую специальность. Что касается связи конфуцианства с миром реальной жизни, то это, вероятно, проблема еще более важная и сложная.

Постоянно растет интерес ученых материкового Китая к современным новым конфуцианцам второго и третьего поколений. Становится все больше работ, посвященных Тан Цзюньи, Моу Цзунсаню, Сюй Фугуаню, а также Ду Вэймину, Лю Шусяню и Чэн Чжунъину.

Среди ученых материкового Китая развернулась дискуссия о так называемой “пост-новоконфуцианской эпохе”. Обычно считается, что ее начало ознаменовала кончина Моу Цзунсяня в 1995 г. Некоторые полагают также, что наступление этой эпохи знаменует выход в 1991 г. работы Юй Инши “Цянь Му и новое конфуцианство”. По сути наступление этой эпохи означает развитие от единого к множественности, отдаление “нового конфуцианства” как “школы” (цзя) от “нового конфуцианства” как “учения” (сюэ). Юй Инши критиковал “высокомерие врожденного знания” (конфуцианской концепции врожденной нравственности. — Пер.) и указывал на то, что линия Сюн Шили — Моу Цзунсяня напоминает скорее “религию” (цзяо), чем “учение” (сюэ). Себя и своего учителя Цянь Му, как уже отмечалось, не причислял к “школе” (цзя) нового конфуцианства.

Работы Лю Шусяня⁴ делают акцент на постепенном смещении центра тяжести современного конфуцианства от ответственности за передачу Пути к обеспечению передачи учения и к заботе о передаче политической концепции. Чэн Чжунъин четко различает в новом конфуцианстве соответственно “учение” (сюэ) — и “школу” (цзя), ориентацию на “ценность” — и на “знание”. Он подчеркивает, что в методологическом отношении необходимо пользоваться критическим разумом, не прибегая к “внутреннему постижению”, дабы определять, что именно является истинным и реальным. Он призывает строить знание на объективной основе (а не подтверждать ценности на основе субъективных переживаний) и сделать стремление к знанию основой суждений о ценностях, выбора ценностей и их реконструкции (в противоположность такому подходу, когда сначала устанавливают ценности, а потом ищут способы осуществить ценностный идеал с помощью познания)⁵.

Так называемое третье поколение современных конфуцианцев уже не скрывало необходимость “передачи Пути” (трансляции ортодоксальной истины конфуцианства. — Пер.). Оно обрело более широкий и открытый культурный горизонт. Пусть даже Ду Вэймин, который способствовал развитию и реорганизации конфуцианства третьего поколения, а также положил начало диалогу цивилизаций (в особенности — диалогу с христианством и с исламом), неустанно повторяет, что живая вода из родников конфуцианства должна напоить весь мир, и настаивает на ключевой ценности конфуцианства. На деле его заботит в основном возможное влияние конфуцианства как части духовных ресурсов мировой культуры на жизнь современных людей и на глобальную этику. Его трактовка “Китая как культурного понятия” (букв. “культурного Китая” — *вэньхуа Чжунго*. — Пер.) показывает, что теперь уже не идет речь о возникновении новой кон-

цепции “внешней царственности” на основе “внутренней мудрости”¹⁰. Конфуцианцы больше не стремятся строить новую линию преемственности политических и философских концепций на основе “передачи Пути”. Пересматривает свои принципы и тайваньская школа Гусиного озера.

Дискуссии среди современных конфуцианцев стали объектом всестороннего изучения со стороны ученых материкового Китая¹¹. По моему мнению, нам не следует торопиться с попытками “превзойти Моу Цзунсяня” или с обсуждением вопроса о “пост-новоконфуцианстве”. Нам еще нужно осмыслить и усвоить опыт современного нового конфуцианства. К тому же следует учесть, что в материковом Китае среди специалистов в области нового конфуцианства существует немало разногласий. Так, профессор Фан Кэли критиковал Ло Ицзюня и Цзян Цина, полагая, что они чрезмерно отождествляют себя с новым конфуцианством¹². Некоторые авторы все еще слабо знакомы с данным течением, а их критика чрезмерна и не вполне соответствует научным стандартам¹³.

4. Осознание проблемы

Исследование проблем и персоналий современного нового конфуцианства привело к оживлению культурного, идеологического и научного мышления. Постепенно пришло новое осознание проблемы.

Отход от модели противопоставления двух начал: традиционной культуры, с одной стороны, и модернизации — с другой. Идет переосмысление модернизации как таковой, складывается новый подход к проблеме отношений между духовной цивилизацией Восточной Азии и восточно-азиатской же модернизацией. Модернизация стран Восточной Азии обладает собственными внутренними причинами, собственным духом, собственной институциональной спецификой; это процесс саморегулирования и саморазвития в контексте взаимовлияния всего мира и Восточной Азии, мира и Китая. Современные новые конфуцианцы разработали проблематику соответствия современности в опоре на собственные национальные ресурсы. Ду Вэймин пишет: “Нельзя считать модернизацию процессом глобализации; точно так же нельзя считать ее процессом гомогенизации. Тем более нельзя приравнивать глобализацию к процессу вестернизации. Именно глобальное сознание все больше способствует укреплению сознания локального. И именно по этой причине мы... особенно внимательны к традиции внутри современности”¹⁴.

Современные новые конфуцианцы настойчиво делают акцент на согласовании мировых идеологических тенденций с национальным духом, на интеграции глобального и локального, современности и национального характера. До начала в нашей стране широкомасштабного обсуждения проблем глобализации современное новое конфуцианство уже разработало несколько подходов к этому явлению, не сводящих его значению к просветительству. Именно новое конфуцианство первым осознало, что модернизация не равняется вестернизации, а цивилизации разных регионов равно обладают современными и универсальными ценностями, на основе которых можно осуществлять творческий переход к новому состоянию. Глобализация ни в коем случае не означает дальнейшего расширения господства какого-либо языка. В процессе модернизации в странах и регионах Восточной Азии большие и малые традиции разных местностей и народов обретают многочисленные новые функции. На определенном уровне, в некоторой степени они создают и обогащают новые модели модернизации и современности.

“Диалог цивилизаций” и “Китай как культурное понятие”. В свое время Лян Шумин уже начал работу над сравнением разных культурных традиций и их диалогом. Хотя его построения не избежали некоторой поверхностности, в них все же была намечена определенная линия мысли. “Манифест китайской культуры людям мира”¹⁵ 1958 г., подготовленный Тан Цзюньи и подписанный им, Моу Цзунсанем, Сюй Фугуанем и Чжан Цзюньмаем, хотя и подвергся немалой критике за акцент на “однокоренном характере” культуры, если говорить беспристрастно, проникнут глубоким смыслом. Современные конфуцианцы проделали большую работу в области сравнения культур, их диалога и синтеза. Каким образом могут осуществляться диалог и взаимопроникновение? Прежде всего необходимы самосознание и самопознание национального культурного духа. Если же некая не-западная цивилизация теряет свою индивидуальность, превращаясь в сателлита более сильной цивилизации, то это как раз и делает невозможным их диалог.

Представители третьего поколения нового конфуцианства делают еще больший акцент на открытости. Ду Вэймин пишет: “Связь цивилизаций — это не игра с нулевой суммой, в ней нет необходимости соперничать; по мере общения ресурсы обеих сторон увеличиваются. Чтобы на основе развития утонченной традиционной культуры воспринимать глубинные ценности Запада, нам следует быть открытыми в обоих аспектах: мы должны быть готовы полностью раскрыть себя современному Западу, но не прагматическому рационализму в узком смысле слова и не тому Западу, что ценит лишь богатство и силу, а духовным истокам, благодаря которым современный Запад и стал самим собой. Надо понять положительную роль христианства, иудаизма и ислама в западном Ренессансе, понять мудрость древней Эллады и значение Средних веков для западной культуры”¹⁶.

Хотя вопрос о “Китае как культурном понятии” поставили и не современные конфуцианцы (о нем писали китайские и зарубежные ученые самых разных направлений), в последние годы его чаще всего понимают именно в духе Ду Вэймина. И правда: помимо Китая в географическом, политическом, экономическом и военном смыслах действительно существует регион или общность людей, в той или иной степени проникшиеся китайской культурой либо подвергшиеся ее влиянию; это вполне можно назвать “Китаем в культурном смысле”. Современный образ жизни этой региональной общности, ее ценностное сознание, способы мышления и психологические структуры связаны с многосоставной китайской культурой тысячью нитей. Они сыграют свою роль в грядущем плюралистичном развитии мира ко всеобщему благу.

Конфуцианские ценности и глобальная этика, экологическая этика, живая этика. Начиная с 90-х годов XX столетия религиоведы и культурологи всего мира стали уделять большое внимание проблемам мировой этики. Очевидно, что для ее формирования необходимо мобилизовать ресурсы всех религий, культур и этик мира. Ввиду многочисленных раздоров, существующих в современном мире, надо найти путь сосуществования, основанный на общем понимании этических постулатов и универсальной гармонии. В 1993 г. 120 представителей разных конфессий подписали “Декларацию о глобальной этике”, проект которой составил католик, профессор Ганс Кюнг. Декларация отводит важное место принципу “Чего себе не желаешь, не делай другим”, который выдвигали творческие мыслители всех цивилизаций и всех религий, в том числе Конфуций. Эта концепция способствует взаимному уважению, взаимопониманию и общению стран, религий, национальностей, социальных групп и индивидов. Может ли “Декларация о глобальной этике” быть

принята ООН, — уже другой вопрос, но оживленные дискуссии вокруг этой проблемы объективно необходимы, они находятся в русле основных мировых тенденций и вполне соответствуют нынешнему порядку вещей.

Современные конфуцианцы активно участвуют в конструировании глобальной этики. На этом фоне Лю Шусянь истолковывает и пропагандирует современное значение таких ключевых конфуцианских ценностей, как “учение ради себя” (*вэй цзи чжи сюэ*) (т.е. ради собственного интеллектуально-нравственного роста. — *Пер.*) и “человечность, долг, ритуал, мудрость и доверие” (*жэнь, и, ли, чжи, синь*) (категории конфуцианской этики. — *Пер.*). Особенно значимо его толкование сунской неоконфуцианской концепции “деления единого принципа на множество” (*ли и фэнь шу*)¹⁷, на основе которого он решает проблему толерантности и равноправных отношений, сочетая традицию с современностью и монизм с плюрализмом¹⁸.

Насущной необходимостью стала мобилизация конфуцианских ресурсов для участия в строительстве новой экологической этики и этики жизни. На протяжении всей истории своего развития конфуцианство обращалось к выраженному в “Чжун юне”¹⁹ принципу полной реализации природы Неба, Земли, человека и вещей. Этот принцип — фактически серьезная точка роста для экологической этики и этики жизни. “Исчерпывающее познание собственной природы, природы людей и природы вещей — это и есть позволение каждой из десяти тысяч вещей Неба и Земли следовать своей природе, соответствовать своей среде; это и есть соединение с небесным Путем. И наоборот, единение с небесным Путем именно и состоит в способности дать себе, другим и десяти тысячам вещей Неба и Земли полностью вырасти и развиваться, или полностью исчерпать свою природу”²⁰.

Значительной ценностью и общечеловеческим смыслом обладают конфуцианская концепция “единотелесности человеколюбивого с десятью тысячами вещей Неба и Земли”, а также конфуцианские принципы самодисциплины (*цзылюй*), человеколюбия (*жэньай*), стремления не навредить другим (*бу шанхай*) и общей справедливости (*гунжи*).

Отношения конфуцианства с современной демократией и либерализмом. Представители всех трех поколений современного нового конфуцианства уделяли большое внимание возникшим на Западе в Новое время идеям свободы, демократии, управления на основе закона и прав человека. Их политические требования ни в коей мере не консервативны. Что касается системного конструирования²¹ и институтов демократической политики (например, конституционного правления), мужества противостоять вышестоящим на основе собственных принципов, а также критики авторитетов, то в этом они не уступают либералам (таким, как Ху Ши²²). В данном отношении наиболее выделяются Лян Шумин, Чжан Цзюньмай и Сюй Фугуань; в теоретическом плане соответствующую проблематику разрабатывали также Сюн Шили, Тан Цзюньи и Моу Цзунсань²³.

Начиная с Конфуция и Мэн-цзы конфуцианская политическая концепция была объединена с этикой. Среди конфуцианских этических постулатов немало таких, что могут быть востребованы современной демократией. Нельзя бездумно отвергать и “политизированное” конфуцианство, необходим его конкретный исторический анализ. Это касается и конфуцианских принципов управления, участия конфуцианцев в общественной и политической жизни и ее критики, конфуцианской концепции приоритета народа перед государем, соответству-

ющих исторических структур и институтов. Современным конфуцианцам принадлежит немало теоретических разработок в области гражданского общества и пространства речи, соотношения “передачи Пути” с передачей учения, передачей политической концепции и преемственностью управления страной. Они обсуждали многие аспекты разработки национальных политических и юридических ресурсов, а также концепцию “конфуцианского либерализма”.

Я полагаю, что дух свободной критики, нравственная смелость и чувство ответственности, такие основные ценности либерализма как свобода, разум, справедливость, дружба, великодушие и личная независимость, концепция общественного пространства и моральной общности, необходимые для демократического управления; разделение властей, система сдержек и противовесов, механизмов контроля на уровне негативной свободы и моральная субъективность на уровне свободы позитивной — это те ресурсы конфуцианского общества и конфуцианства как учения, которые в преображенном виде могут быть восприняты во всем мире.

Религиозность и трансцендентность конфуцианства. Теоретическое осмысление этого вопроса начали представители второго и третьего поколения современных новых конфуцианцев. Они утверждают, что религиозность в конфуцианстве наличествует не на уровне институтов и церемониала, а на уровне духовного кредо и экзистенциального опыта. Концепции индивидуальной природы и небесного Пути, собственно, и представляют религиозную философию конфуцианства. Этико-религиозным смыслом обладает концепция “учения ради себя”, основанная на “личной безмятежности и утверждении предопределения”²⁴. Конфуцианское Небо и “небесный Путь” трансцендентны и одновременно функционируют в мире: между трансцендентным и имманентным нет разрыва²⁵.

Учение о “трансцендентности-имманентности” в современном конфуцианстве немало критиковали китайские и зарубежные ученые, полагая, что трансцендентное не может одновременно быть имманентным. Но современные новые конфуцианцы по сути своей едины с традиционными конфуцианцами: их гораздо более заботит не гносеология, а проблемы аксиологии и онтологии. Слово “трансцендентный” тоже имеет отношение не к гносеологии, а к сфере онтологии. Так называемая трансцендентность для них означает божественное, религиозное; кроме того, это слово может означать напряжение между реальным и идеальным, ограниченным и неограниченным²⁶.

Согласно концепции “совпадающего единства Неба и человека” (*Тянь жэнь хэ и*) вышний “Путь Неба” и “благое знание” (*лянь чжи*), или “изначальное сердце/сознание” (*бэнь синь*) человека, едины, между ними нет преград. Если “Путь Неба” и Небо обладают сакральной природой, то правомерно сказать, что из-за этого сакральный характер обретают и “благое знание”, или “изначальное сердце/сознание” человека. Почему, с точки зрения конфуцианцев, “мировую душу” и “индивидуальную душу” можно слить воедино? Дело в том, что так называемое “Небо” конфуцианства — это божественное и этическое Небо, а не внешняя по отношению к человеку “вещь в себе”. Кроме того, Небо — это также некоторое онто-аксиологическое понятие со смазанным гносеологическим значением. Если рассмотреть высказывание “исчерпать сердце, познать природу, познать Небо”²⁷ с гносеологической точки зрения, одновременно предположив, что Небо — это некая объективная внешняя реальность, данная фраза станет непонятной, а тезис “вне сердца нет вещей” окажется просто бредом. Хотя трансцендентное и религиозное — это не впол-

не идентичные понятия, в глазах современных конфуцианцев они тесно связаны, поскольку трансцендентное “Небо” совершенно лишено гносеологического смысла и лишь является источником ценностей.

Если же интерпретировать трансцендентное как божественное, или сакральное, и учесть, что общению Неба и человека нет преград, то мысль традиционного конфуцианства об “имманентной трансценденции” станет вполне прозрачной. Другими словами, это значит, что поиск трансцендентного ценностного идеала может быть осуществлен через личное совершенствование и накопление добродетели в суетном людском мире. Такая трансцендентность действительно не вполне тождественна трансцендентности в западном понимании. Она не нуждается в гносеологическом, позитивистском “подтверждении”, да и вряд ли может его получить. В чем она нуждается — так это в личной практике конфуцианца, в самоподтверждении и в вере.

Есть еще немало проблем, заботящих современных конфуцианцев, например укорененность конфуцианства в культуре, его связи с миром, отношения с феминизмом и т.д., затронуть которые не позволяет ограниченный объем статьи.

5. Перспективы

Современное новое конфуцианство — это течение, естественно зародившееся в эпоху культурной аномии²⁸ и кризиса смысла. В разные периоды оно было нацелено на неодинаковые проблемы китайской и зарубежной мысли и культуры, непрерывно менялся и его дискурс. В целом это направление унаследовало дух китайской гуманистической культуры. В его русле осуществляется критика недостатков современного мира и рефлексия над ними.

В настоящее время среди западных интеллектуалов популярна идейная тенденция, направленная не против “сакрального”, а против “материального”, т.е. связанная с критикой “вещности” и “отчуждения человека”. Тан Цзюньи писал, что современный человек сталкивается с абсурдной ситуацией, когда “он ни наверху на небе, ни внизу на земле, ни среди людей, ни наедине с собой”. Дух китайской гуманистической культуры, и особенно конфуцианский гуманизм, способен выручить людей из нынешнего кризиса.

Конфуцианский гуманизм подчеркивает, что вещи следует использовать “для удобства жизни”, но результатом такого использования не должно становиться господство и контроль над природой, тем более — ее разрушение. Он конструктивен, подвергает критике суеверия, но ни в коем случае не отказывается от благоговения перед Небом и религиозного духа, от предельных убеждений и верований. Конфуцианцы полагают даже, что в природе человека и вещей заложено божественное начало; человек должен уважать и людей, и вещи и “полностью реализовывать собственное сердце/сознание, познавая свою природу и Небо”; “хранить сердце/сознание, пестуя природу и служа Небу”. “Предельная искренность подобна духу”, и постигнув, что наше сердце тождественно “сердцу Неба”, можно достичь сферы духа, сферы божественного. Конфуцианцы никогда не отрываются от жизни и не забывают о повседневных моральных нормах. Напротив, они ищут духовного взлета как раз в мире обыденности. “Внешняя царственность” и обретение заслуг, общественно-политическая деятельность, развитие науки и техники — все это проявления раскрывающейся духовной жизни человека. Распространение современного конфуцианства способно привести к полной гармонии духа китайского гуманизма с западной мыслью и современной

цивилизацией. Новое конфуцианство добивается здорового развития гуманистической культуры в гармонии с религией, наукой, техникой и природой.

Сейчас в лагере современных новых конфуцианцев идет процесс расчленения. За последние несколько лет появилось упоминавшееся выше различие нового конфуцианства как “школы” (цзя) и как “учения” (сюэ), направлений “знания” и “ценностей”. Возникло “пост-моуцзунсаневское” течение и “пост-новое конфуцианство” (Линь Анью). Нередко случается так, что позиции ученых-конфуцианцев по обеим сторонам пролива в процессе взаимообобщения сближаются. Так, Линь Анью, в известной степени под влиянием ученых материкового Китая, выдвинул понятие “конфуцианской революции”²⁹, сделав упор на концепции “пневмы” (ци), придав большое значение объективизму и тем самым возвратившись к школе Ван Чуаньшаня³⁰. Среди работающих в материковом Китае исследователей тоже происходит разделение. Бывает, что они от “сочувственного понимания” ценностей нового конфуцианства переходят к их полному признанию.

Есть отличия и в ключевой проблематике современных конфуцианцев. Ду Вэймина и Лю Шусяня заботит диалог конфуцианства с христианством и исламом. Ду Вэймин обращает особое внимание на влияние конфуцианства как духовного ресурса мировой культуры на жизнь современных людей и потенциальное возможности его воздействия на страны Запада и на весь мир. Лю Шусянь полагает, что современное новое конфуцианство, сняв с себя бремя “передачи Дао”, теперь радуется о передаче “учения” (сюэ) и о преемственности политической концепции.

За прошедшие двадцать с лишним лет исследования ученых материкового Китая в области современного нового конфуцианства продвинулись далеко вперед. Это касается и упорядочения материалов, и интерпретации его основных принципов. В будущем неизбежно усилится внутренняя рефлексия современного конфуцианства, окрепнут междисциплинарные связи исследований, исследования станут более тщательными и подробными, будут в большей мере соответствовать научным стандартам. Несомненно, главная опора для исследователя — это первые издания работ современных конфуцианцев, их подлинные книги или статьи в периодических изданиях, полные собрания сочинений, хронологии жизни, хронологические таблицы, дневники и письма. К сожалению, весьма распространенной проблемой оказывается нежелание изыскателей сверяться с первыми изданиями. Более того, некоторые авторы совершенно игнорируют уже имеющиеся результаты исследований, а другие цитируют оригинальные тексты по чужим работам, черпая информацию из вторых и третьих рук, иногда даже не давая себе труда ее проверить, уточнить исторические факты и сделать собственные выводы. Эта проблема еще серьезнее.

Теперь уже нельзя написать статью, содержащую лишь общие рассуждения и основывающуюся на сборниках типа “Избранное”. Необходимо пользоваться подробной и достоверной источниковедческой и документальной базой. В тех случаях, когда речь идет обо всем данном направлении, об отношениях выдающихся его представителей, об их общении с учениками и друзьями, о взаимодействии поколений, необходимо составлять тщательные, а не примерные, сводные описания, отчеты, таблицы с периодизациями и сборники жизнеописаний. Необходимо работать также с подробными и надежными материалами обо всех событиях истории нового конфуцианства, об имеющих к нему отношении журналах и периодических изданиях, о дискуссиях, как внутренних, так и внешних. Следует учитывать материалы о взаимоотношениях новых конфуци-

анцев с друзьями и учениками; информацию обо всех имеющих отношение к современному конфуцианству персоналиях; записи об этом течении, сделанные учителями, учениками и друзьями тех мыслителей, чье творчество является объектом исследования. Рассуждения, которым не предшествовала такая работа, поверхностны и не имеют под собой достаточной источниковедческой базы.

Исследования нового конфуцианства весьма способствуют здоровому развитию философии и идеологии, а также диалогу и общению с разными направлениями мировой мысли. Я верю, что в конечном счете эти исследования помогут оживить духовное наследие китайской традиции, усилить взаимодействие глобализации и локализации, воспитать новые поколения оригинальных мыслителей.

© 2008

Перевод с китайского
А. Калкаевой

1. Кит. *дандай синь жуцзя* — обозначение идейного течения, взявшего на себя продолжение традиций конфуцианства в новейшее время. — *Пер.*
2. См. об этом: *Фан Кэли*. Сяньдай синь жусюэ юй Чжунго сяньдайхуа (Современное новое конфуцианство и модернизация в Китае). Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1997. С. 608-609.
3. См.: *Юй Инши*. Ю цзи фэн чуй шуй шан линь (Все вспоминаю под дуновением ветра чешую над поверхностью вод). Тайбэй: Саньминь шуцзюй, 1991; *Лю Шусянь*. Дуйюй дандай синь жуцзя дэ чаоюэ нэйсин (О внутреннем прозрении трансценденции в современном новом конфуцианстве) // Чжунго вэньхуа. Пекин, 1995 (12).
4. Школа Гусиного озера (*Эху сюэпай*) — объединение тайваньских ученых, названное в честь одноименной неоконфуцианской школы XII в. — *Пер.*
5. *Ти юн* (“сущность и применение”, “тело/ субстанция — функция/ акциденция”) — формула соотношения главного (субстанциального) и второстепенного (функционального) в классической китайской философии. — *Пер.*
6. “Благое знание” (*лян чжи*) — термин из классического конфуцианского трактата “Мэн-цзы”, означающий врожденное знание блага. — *Пер.*
7. “Негативный метод” Фэн Юланя (1895-1990) — метод постижения трансцендентного за счет лишения объекта каких бы то ни было характеристик. — *Пер.*
8. См. напр.: *Лю Шусянь*. Жухэ чжэнцюэ лицзе Сюн Шили (Как правильно интерпретировать Сюн Шили) // Дандай. Тайбэй, 1993 (81).
9. *Чэн Чжунгун*. Дандай синь жусюэ юй синь жуцзя дэ цзыво чаоюэ: игэ чжи гуанда юй цзинь цзиньвэй да чжунцю (Самопреодоление современного нового конфуцианства как учения и как школы: величайший и искуснейший поиск) // Синь жуцзя пинлунь. Пекин, 1995 (2).
10. “Внешняя царственность и внутренняя мудрость” (*нэй шэн вай ван*) — формула, выражающая конфуцианский идеал совершенства; была популярной у первого поколения “новых конфуцианцев”. — *Пер.*
11. См. напр.: *Хун Сяонань*. Е тань хоу синь жуцзя шидай (О пост-”новоконфуцианской” эпохе) // Чжэсюэ дунтай. Пекин, 1997 (7).
12. *Фан Кэли*. Сяньдай синь жусюэ яньцюэ ши нянь хуэйгу (Ретроспективный взгляд на 10 лет исследований в области современного нового конфуцианства) // Шэжуэй кэсюэ чжаньсянь. Цзилинь, 1997 (2); *Он же*. Пин далу синь жуцзя туйчу дэ лян бэнь шу: “Лисин юй шэнмин” [1,2] (О двух книгах материкового нового конфуцианства: “Разум и жизнь” [1, 2]) // Цзиньян сюэкань. Тайюань, 1996 (3).
13. См. напр.: *Лю Цилян*. Синь жусюэ ши пин (Десять критических высказываний в адрес нового конфуцианства) // Сянтань дасюэ сюэбао. 1995, № 1.

14. *Ду Вэймин. Жэньвэнь цзиншэнь юй цюаньцю луньли* (Дух гуманитарной культуры и глобальная этика) // *Жэньвэнь луньцун. Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ*, 1999 (29).
15. См.: *Тан Цзюньи. Чжунхуа жэньвэнь юй данцинь шицзе* (Китайская гуманитарная культура и современный мир). Тайбэй: Сюэшэн шуцзюй, 1975.
16. *Ду Вэймин, Юань Вэйши. Гуаньюй вэнхуа Чжунго жогань вэнйти дэ дуйхуа* (Диалог, посвященный некоторым вопросам "Китая как культурного понятия") // *Сяньдай юй чуаньтун*. 1995 (4).
17. "Деление единого принципа на множество" (*ли и фэнь шу*) — неоконфуцианская формула, постулирующая индивидуализирующую функцию всеобщего структурирующего начала мироздания — "принципа"-*ли*. — *Пер.*
18. *Лю Шусянь. Жуцзя сысян ихань чжи сяньдай чаньши луньци* (Сборник статей по современной интерпретации содержания конфуцианской мысли). Тайбэй: Чжу янь юань вэнь чжэ со. 2000. С. 225-249.
19. "Чжун юн" ("Срединность и постоянство" — один из памятников конфуцианского "Четверокнижия". — *Пер.*
20. *Ли Жуйцюань. Жуцзя шэнмин луньлисюэ* (Живая этика конфуцианства). Тайбэй: Эху чубаньшэ, 1999 (65).
21. Системное конструирование — постмодернистский термин, подразумевающий сознательное строительство систем отношений в обществе. — *Пер.*
22. Ху Ши (1891-1962) — философ и ученый, сторонник американского прагматизма и один из первых в Китае проповедников либеральных ценностей. — *Пер.*
23. См.: *Хэ Синьцюань. Жусюэ юй сяньдай миньцзу* — дандай синь жуцзя чжэнчжи чжэсюэ яньцзю (Конфуцианство и современная демократия: исследование политической философии современного нового конфуцианства). Тайбэй: Чжун янь юань вэнь чжэ со, 1996.
24. "Утверждение предопределения" (*ли мин*) — выражение из классического конфуцианского трактата "Мэн-цзы", подразумевающее "правильный", основанный на моральном выборе способ реализации своей индивидуальной судьбы. — *Пер.*
25. См.: *Го Циюн. Дандай синь жуцзя дуй жусюэ цзунцзяосин вэнйти дэ фаньсы* (Рефлексия современного нового конфуцианства над проблемой религиозности конфуцианства) // *Чжунго чжэсюэ ши*. 1999 (1).
26. *Ли Минхуэй. Дандай жусюэ чжи цзыво чжуаньхуа* (Самотрансформация современного конфуцианства). Тайбэй: Чжун янь юань вэнь чжэ со, 1994. С. 146.
27. Кит. *цзинь синь, чжи син, чжи Тянь* — выражения из трактата "Мэн-цзы", посредством которых там описывается тождественность познания себя познанию мира. — *Пер.*
28. Аномия (от франц. *anomie* — отсутствие закона, организации) — понятие, введенное Э. Дюркгеймом и разработанное Р.К. Мертоном; означает состояние индивидуального и общественного сознания в периоды разложения прежней системы ценностей и невозможности реализации обусловленных этими ценностями целей для большинства населения. — *Пер.*
29. См.: *Линь Анью. Жусюэ гэминлунь* — хоу синь жуцзя чжэсюэ дэ вэнйти сяндун (Конфуцианская революция: проблемные тенденции постнеоконфуцианской философии). Тайбэй: Сюэшэн шуцзюй, 1998.
30. Ван Чуаньшань (Ван Фучжи, 1619-1692) — философ-конфуцианец, развивавший учение о "Великой пустоте" (*тай сюй*) как безграничном и безначальном вместилище вселенской субстанции — "пневмы"-*ци*. — *Пер.*

Формирование культуры гармоничного социалистического общества

© 2008

Линь Яньмэй

На 6-ом пленуме ЦК КПК шестнадцатого созыва (октябрь 2006 г.) была выдвинута и на XVII съезде партии (октябрь 2007 г.) подтверждена историческая задача формирования культуры гармоничного социалистического общества. Выдвижение этой задачи, несомненно, окажет позитивное и глубокое влияние на будущее развитие китайской культуры, формирование ценностных представлений социализма с китайской спецификой, духовного мира современных китайцев.

I. Содержание понятия культуры гармоничного социалистического общества

Если судить по названию, то культура гармоничного социалистического общества рассматривает гармонию как нечто ценностное, имея в виду привнесение гармонии в сердце, мышление, душу. Это понятие относится как к культуре представлений, так и к культуре самого общества. Культура гармоничного социалистического общества обладает только ей присущими особенностями, является результатом успешного творческого соединения китайскими коммунистами марксизма с китайской традиционной культурой. В настоящее время происходит формирование всеобщих ценностных идеалов, характерных для социализма с китайской спецификой, новой китайской культуры, которая должна соответствовать внутреннему духу современного китайца. Одновременно и само выдвижение понятия "культура гармоничного социалистического общества" отвечает характеру эпохи, требованиям ее развития. Для того, чтобы решить основные проблемы современного китайского общества, необходимо сформировать культуру, характерными чертами которой является инициирование гармонии, противодействие конфликтам, упор на взаимоуважение, нетерпимость к дискриминации, требование равноправия, отказ от применения грубой силы, пропаганда мира, неприятие насилия. В основе этой культуры лежат ценностные идеалы гармоничных отношений людей друг с другом, с природой, человека с самим собой,

Китая с остальным миром. Для формирования культуры гармоничного социалистического общества необходимо выполнить ряд условий.

Во-первых, культура гармоничного социалистического общества должна быть целостной. Гармония является состоянием, когда все находящиеся внутри вещей и явлений элементы находятся в состоянии подлинного взаимодействия и взаимосочетания. В результате вещи и явления приобретают устойчивый, упорядоченный вид, "гармония" имеет характер "целостности", "комплексности"; тем самым подчеркивается "единство" и "общность" вещей и явлений при признании их различий и многообразия. О подобном состоянии в "Дао дэ цзине" говорится: "Из тысячи тысяч в каждом борются *инь* и *ян*, пульсирует ци. Так возникает равновесие" (§ 42).

Однако необходимо указать, что "гармония", о которой идет речь, предполагает социальную целостность и всеобщие интересы на основе реализации прав и интересов индивидов. Социалистическая гуманистическая культура, которую мы хотим сформировать, не является той "целостной" культурой, которая существовала в прошлом, в подобной культуре в силу чрезмерного акцента на целое исчезал индивид, практически в ней отсутствовала личность как таковая, но это и не современная западная культура, проповедующая атомарность личности. Для последней характерен чрезмерный упор на требования отдельного человека, поэтому в ней отсутствует социальная целостность. Культура гармоничного социалистического общества требует оптимального равновесия между индивидом и обществом, человеком и природой, материальным и духовным, Китаем и остальным миром. Только по-настоящему уяснив смысл "целостного" и "целого", мы сможем глубоко разобраться в таких ценностях, как "терпимость", "взаимопомощь", "единство", "любовь".

Во-вторых, культура гармоничного социалистического общества должна быть культурой определенных правил.

Как утверждает древнекитайская поговорка, без правил нет квадрата и круга. Точно также обстоит дело с содержанием гармоничной культуры. Гармония, о которой идет речь, указывает на состояние радости, отношения дружбы, мира и любви. Однако для того чтобы достичь этого, необходимо соблюдение людьми всеобщих правил. Английский мыслитель Гоббс указывал: если нельзя соглашением или правовыми нормами ограничить волю отдельного индивида, если каждый человек будет изо всех сил преследовать свои собственные интересы, то общество неизбежно окажется в "состоянии войны", когда "человек человеку волк". Поэтому должны существовать ценности универсального порядка, когда люди добиваются всеобщего согласия, действуют во имя общих интересов и сознательно различают, "что можно делать" и "чего делать нельзя". В этом смысле наличие культуры правил, культуры порядка, культуры правовой системы не только формирует важные отличительные особенности, по которым судят о цивилизованности, рациональности и современности культуры, но и создает основные предпосылки и внутренний смысл культуры гармоничного социалистического общества. Культура правил — это одновременно и культура равноправия, что означает единство прав и обязанностей людей. В рамках согласия с определенными правилами люди равно пользуются их результатами, если же в один прекрасный день своими действиями они нарушат требования правил, то согласно тем же правилам будут безоговорочно наказаны.

Поэтому, если говорить о сущности культуры правил, то ее ценностями являются справедливость, транспарентность, демократия и равенство; эта куль-

тура предполагает соблюдение единства и гармонии в обществе, направлена против преимущественных прав и действий, превышающих установленные полномочия в любых формах, против всех тайных правил и непрозрачных действий. Кроме того, культура правил — это культура, которая только зарождается и которой еще нет. Она может быть реализована только при условии непрерывного совершенствования системы рыночной экономики, претворения на практике идей реформирования политической системы, а также воспитания уважения к закону, повышения морального и культурного уровня.

В-третьих, культура гармоничного социалистического общества должна быть творческой, инновационной. Естественно, что она содержит ценности, направленные на соблюдение общественного порядка. Однако настоящая гармония отнюдь не отрицает свободу индивида. Социалистическое гармоничное общество является таким, где все относятся друг к другу с уважением, и где существует стабильность. Одновременно оно должно быть обществом, в котором уважают личность, поощряют творчество, инновации, в целом ищут стабильность, а в различиях — гармонию. В китайском обществе в течение нескольких тысячелетий господствовал феодальный абсолютизм и соответственно, наряду с экономическими отношениями феодализма, политическим строем, характерным для сословной системы, в культуре сложились довольно глубокие традиции уважения к целому и пренебрежения к отдельному человеку, почитания черт, которые считались обязательными для всех людей, и пренебрежения чертами, характерными для индивидов, подчеркивание важности родственных связей и пренебрежение способностями человека. Данные факторы препятствовали развитию человеческой личности, рождению творческого сознания. Даже в жизни сегодняшнего общества на различных уровнях общественного сознания существует множество отрицательных явлений; в области социальных идей и теорий еще не произошло полного освобождения от догматизма и шаблонов, а также от унаследованных от прошлого привычек. Сегодня, сталкиваясь с постоянно обостряющейся на международной арене конкуренцией в сфере экономики, техники, культуры, человеческих талантов, с отчетливо увеличивающимся разрывом с развитыми странами, со сложным переплетением разнообразных противоречий, возникающих в процессе развития экономики и общества, Компартия Китая выдвинула лозунг: “творчество — это душа нации”. Он означает необходимость посредством творчества, инноваций в различных областях науки, техники и культуры справляться с встречающимися в процессе развития рисками и проблемами, использовать творческие методы для устойчивого, быстрого и упорядоченного развития общества. Творчество есть краеугольный камень социального развития, источник и движущая сила социального прогресса. Общество, которое обладает подлинной творческой жизненной силой, непременно должно быть таким, где уважаются знания, таланты, труд, где действительно существует гармония; непременно должно быть таким, где почитают личность, различия, добиваются единства при сохранении различий. Подлинная гармония не означает одинаковых голосов, цветов, людей; она является воплощением свободы личности, реализации творческой сущности человека.

В-четвертых, культура гармоничного социалистического общества должна быть национальной культурой.

Китайская культура по своей сути является естественной наследницей восточной культуры, она известна в мире как культура “золотой середины”, “гармонии”, “целостности”, “естественности”. Если говорить, например, о конфу-

цианской культуре, то чрезвычайно важными являются провозглашаемые ею человеческие качества “совершенномудрого” и “благородного мужа”, следование нравственному императиву “не делай другим того, чего не желаешь себе”; идеал “великого единения” — это состояние, когда люди считают близкими не только своих родителей и по-отечески относятся не только к своим детям. Хотя даосская культура прокламирует принцип свободного существования каждого, ей, однако, присуща классическая особенность “отрицания своей самости”, которая достигается “отказом от мудрствования”; ее внутреннему духу всегда было присуще стремление к гармонии и единству с природой, обществом, самим собой. Если же говорить о буддийской культуре, то предписанные ею религиозные чувства предполагают “проявление сочувствия ко всему живому”, “заботу об всех вещах на земле”, в ней содержится отчетливый призыв к миру и гармонии. Мы не можем не сказать, что присущая китайской культуре “гармония целостности” в определенном смысле являлась продуктом феодального строя, ей были свойственны классические особенности крестьянской культуры. Однако будучи основой китайской цивилизации, эта “культура гармонии” глубоко запала в душу китайцев. В условиях современного мира, вслед за появлением целого ряда общих проблем глобального характера, таких, как региональные конфликты, расовая нетерпимость, терроризм, отношения с окружающей средой и т.д., культура гармоничного социалистического общества может стать проектом, способным разрешить все эти вопросы. Возникнув как национальная культура, она сможет приобрести общемировую значимость, проявив тем самым свою жизненную силу.

II. Стимулирующие и формообразующие факторы культуры гармоничного социалистического общества

Формирование и рождение любой культуры не может быть результатом своевольного выбора. Это происходит под влиянием разнообразных факторов и условий. В основе этого процесса лежат глубокие экономические, политические, социальные или культурные причины.

Во-первых, выдвигение идеи “культуры гармоничного социалистического общества” полностью соответствует условиям и особенностям развития китайского общества.

После 1978 г. происходит отказ от представлений о традиционном социализме, начинаются социальные реформы в направлении рынка, идет поиск китайской модели развития. В процессе реализации этой цели в обществе много раз обсуждались такие альтернативы, как “план или рынок”, “общественное или частное”, “социализм или капитализм”, “эффективность или справедливость”, однако в целом в вопросе общего направления и различных его особенностей мы всегда придерживались курса на развитие социализма с китайской спецификой, стремились достичь внутреннего равновесия между экономическим и социальным развитием, экономической свободой индивидуальной экономики и социальной справедливостью. После вступления нашей страны в этот новый исторический этап возник целый ряд глубоких социальных противоречий и проблем, включая непрерывное увеличение разрыва между городом и деревней, региональных различий, разницы в доходах людей, налицо также усиление противоречий между человеком и природой, внутренним развитием страны и политикой открытости. В результате важное историческое значение приобрели вопросы социального управления, урегулирования социальных противоречий и достиже-

ния социальной справедливости, обеспечения устойчивого развития страны, использования факторов активного и эффективного развития. В подобной обстановке выдвижение стратегического курса на формирование культуры гармоничного социалистического общества полностью соответствует условиям и особенностям развития современного Китая, это — программный социальный проект, который, несомненно, окажет очень глубокое влияние на успешное развитие нашего общества в чреватый опасностями переходный период, на успешную реализацию исторического опыта создания китайской модели социализма.

Во-вторых, выдвижение идеи культуры гармоничного социалистического общества отвечает тенденциям и направлению развития мировой культуры.

После появления капитализма и превращения его в основную модель и образец для развития мировой цивилизации, внутри этого типа культуры постоянно возникают внутренние конфликты, которые проявляются главным образом в противостоянии и столкновении двух традиций — либерализма и демократизма. В 70-е годы XX в., когда развитие капитализма вступило в новый этап, начинается переход от государственно-монополистического капитализма к международному монополистическому капитализму, при этом наблюдается взаимодействие двух указанных традиций. К примеру, в США взамен кейнсианства возникает учение нового экономического либерализма; хотя вновь возрождаются характерные для классического либерализма традиции свободы и невмешательства, и оно делает упор на “правилах конкуренции” и “активной свободы”, внутри него, однако, по-прежнему сохраняется принцип “вмешательства государства”. Если же говорить о европейском континенте, то вслед за непрерывным усилением в различных странах роли социал-демократических партий, выдвижением идей “государства всеобщего благоденствия” и “третьего пути”, центральной идеей развития европейского капитализма становятся ценностные представления о “социальной справедливости”. Однако практически во всех европейских странах постоянно идут поиски эффективного равновесия между “свободой и демократией”, “рынком и порядком”, “попустительством и контролем”. Если исходить из особенностей развития мировой культуры в различных странах, то приходится признать, что главным ценностным ориентиром при выдвижении задачи формирования культуры гармоничного социалистического общества является достижение взаимного равновесия и единства между “эффективностью” и “справедливостью”, “свободой” и “порядком”. Этот культурный конструкт является инновационным проектом, приемлемым фактически для государств, позднее вступивших на путь развития — государств догоняющего развития, в особенности для тех из них, где имеются глубокие социалистические традиции. Цель этого проекта — помочь различным государствам мира в решении трудных проблем их развития.

В-третьих, выдвижение идеи культуры гармоничного социалистического общества есть свидетельство громадной жизненной силы китайской традиционной культуры.

Развитие и эволюция культуры любого общества происходит по универсальным, общим и одновременно специфическим, индивидуальным законам. Реальный выбор китайской культуры всегда опирался главным образом на глубокие размышления о национальных особенностях Китая, противоречиях его развития. И цель этого выбора состояла в том, чтобы эффективно двигать вперед общественный прогресс. В своем развитии и эволюции любая культура не может не испытывать глубокого влияния и ограничения со стороны ресурсов традици-

онной культуры, они связаны с ней нерасторжимыми узами. Если говорить о существенных свойствах китайской традиционной культуры, то она относится к “культуре гармонии”, “культуре целостности”, “культуре покоя, спокойствия”; в ней подчеркивается единство природы и человека, уважаются принципы простых человеческих взаимоотношений, говорится о внутреннем самосовершенствовании человека и закалке человеческих качеств, в ней ясно подчеркивается необходимость “золотой середины” и “умиротворения”, ненужности крайностей и насилия. Слова Конфуция “разве не доставляет радость прибытие гостей издалика?” — суть естественное проявление морали и стиля поведения большого государства. Конечно, китайским культурным традициям были присущи очевидные недостатки, в частности, не существовало индивидуального субъекта и автономной личности, в значительной степени эти традиции оправдывали господствующий порядок, содержали отчетливый оттенок традиционной крестьянской культуры. Однако необходимо видеть, что в современном мире, в условиях развития мировой культуры, когда имеет место взаимодействие и взаимопереплетение различных культур, реалии китайской культуры способны помочь в разрешении противоречий, существующих в китайском обществе, с тем чтобы избежать имущественного расслоения, опасности неустойчивого развития. Поэтому необходимо всесторонне развивать активные и эффективные стороны китайской традиционной культуры, содержащиеся в ней жизненные силы.

В-четвертых, выдвигание идеи культуры гармоничного социалистического общества есть рациональное обобщение опыта и уроков развития китайского общества.

В течение сравнительно длительного периода после образования Китайской Народной Республики в силу влияния догматических идей и представлений “левого” толка в сфере общественного сознания господствовали идеи “антагонизма”, “борьбы” и “противопоставления”. Люди сознательно отмежевывались от капитализма, торгово-денежных отношений, так называемых классовых врагов. Они опасались, что, делая акцент на материальном, своих индивидуальных потребностях, можно стать “чужеродным” и “отсталым элементом”, в ценностных представлениях общества господствовала культура “идеализма пустых фраз”, которая стала государственной философией. Были выдвинуты лозунги о необходимости ежегодно, ежемесячно, ежедневно говорить о классовой борьбе, о необходимости призвать к порядку тех, “кто стоит у власти и идет по капиталистическому пути”, уничтожить “классовых врагов” внутри партии. Следует отметить, что в условиях преобладания “настроения на борьбу”, в течение очень длительного периода главное внимание в нашей работе уделялось не развитию и управлению экономикой, не росту производительности труда и удовлетворению основных потребностей людей, а упорядочению производственных отношений и “ускоренному преобразованию идей и представлений”. Главная и второстепенная стороны противоречия поменялись местами, что в конце концов привело к застою в развитии. Энгельс говорил, что если бы не было крупных исторических потрясений, то не было бы и компенсации в виде исторического прогресса. Можно сказать, что именно благодаря серьезному ущербу, ставшему следствием “настроения на борьбу”, именно в силу того, что он потребовал уплатить громадную цену, появились ростки “настроения на гармонию”, а в обществе возникло глубокое понимание важности формирования культуры гармоничного социалистического общества.

В-пятых, выдвигание идеи культуры гармоничного социалистического общества является одним из важных результатов теоретической инновационной деятельности Компартии Китая.

В течение почти тридцати лет, прошедших с начала политики реформ и открытости, произошло всеобщее повышение качества жизни китайского народа, явно повысилась роль Китая на международной арене. Неоспоримые факты подтвердили возможности Коммунистической партии Китая как руководящей силы общества и правящей партии, незыблемость ее центрального места в процессе развития китайского общества. Это обстоятельство не может быть поставлено под сомнение. Однако необходимо видеть, что весь этот успешный опыт, в особенности руководящие идеи, благодаря которым он достигнут, объясняется тем, что мы не следовали догматически — как это было в прошлом — конкретным фразам классиков марксизма, а напротив, наша партия постоянно учитывала национальные особенности Китая, специфику практических условий страны, непрерывно выдвигала теоретические инновации, постоянно руководствуясь принципом “идти в ногу со временем”. В современных условиях наиболее очевидные противоречия и главные проблемы нашего общества состоят уже не в том, “как осуществлять развитие”, а в том, как “осуществлять научное развитие”; не в том, как обеспечивать экономический рост, а в том, как осуществлять всестороннее упорядоченное развитие, затрагивающее всех членов общества; не в том, чтобы сделать вначале зажиточными лишь часть людей, а в том, чтобы весь народ пользовался результатами реформ. Поэтому наша партия, исходя из изменения условий и целей развития, выдвинула историческую задачу строительства “социалистического гармоничного общества” и его культуры. Необходимо видеть, что выдвигание этой задачи является новым существенным обобщением исторического опыта “социализма с китайской спецификой” в современных условиях, это великий вклад нашей партии в теорию, который окажет большое влияние на процесс будущего развития Китая.

III. Проблемы и вызовы

Необходимо подчеркнуть, что формирование культуры гармоничного социалистического общества соответствует общей тенденции развития современной мировой культуры и одновременно воплощает характер и особенности китайской культуры, а также является обобщением исторических уроков и сознательным отражением современных китайских реалий. Однако следует учитывать, что на этом пути существует множество препятствий и неблагоприятных факторов, к которым необходимо относиться внимательно. Это означает, что формирование культуры гармоничного социалистического общества требует длительного времени, мы не можем надеяться на ее быстрое появление, поэтому необходимо придерживаться трезвого подхода, холодного расчета, следует отказаться от авантюристических, чересчур оптимистических мыслей и представлений, не впадать в ошибочный мир субъективных утопий.

В настоящее время существуют следующие неблагоприятные факторы для формирования культуры гармоничного социалистического общества.

Во-первых, недостаточно внутренних условий для того, чтобы индивид выступал в качестве субъекта культуры гармоничного социалистического общества.

В противоположность “пассивной гармонии”, характерной для китайской традиционной культуры, культура гармоничного социалистического общества содержит идеи “активной гармонии”. Ей присущи единство, взаимная уступчивость и взаимное согласование интересов общества, коллектива и личности, что достигается на основе сохранения индивидуальности человека и реализации его основных свобод. Когда речь идет о “гармонии”, “цельном” и “общественном”, это не означает, что отбрасываются их основания — “индивид”, “различия”, “личность” и “свобода”. В этом смысле формирование культуры гармоничного социалистического общества прежде всего требует создать условия для появления личности в качестве субъекта. Если говорить о реалиях нашего современного общества, то общее направление политики реформ и открытости уже не может быть изменено, рыночные реформы в экономике постоянно углубляются, происходит политическая демократизация, культурная жизнь становится многообразнее. В обществе непрерывно появляются самостоятельные, свободно действующие экономические силы, независимые индивиды и личности, современные субъекты, обладающие возможностями для самостоятельного выбора и принятия решений.

Однако, хотя валовой национальный продукт на душу населения в нашей стране вот-вот достигнет 1000 американских долларов, индивидуальные творческие возможности людей практически еще очень ограничены, большинство крестьян не освободились от бедности и отсталости. Цель нашего развития состоит всего лишь в построении общества среднего достатка (“сяокан”)¹, демократическое и правовое сознание у людей относительно слабо, их стремление к независимости личности также ограничено. Поэтому формирование в нашей стране культуры гармоничного социалистического общества, строго говоря, страдает отсутствием предпосылок и логических оснований. Можно сказать, что в определенном смысле существует опасность возвращения к “пассивной гармонии” в традиционном смысле этого термина, т.е. социальной гармонии, где неограниченное целое заменяется ограниченным в своих возможностях индивидом. Построение культуры гармоничного социалистического общества, углубление социальных реформ в экономике, политике, культуре требует активного формирования современного индивида, личности как субъекта.

Во-вторых, формирование культуры гармоничного социалистического общества практически не включает в себя принципы современной политической культуры.

Вопрос о том, как относиться к западной культуре, в особенности к западной политической культуре, всегда был чувствительным для нашего общественного сознания. Согласно базовым принципам марксизма, социализм, или коммунизм, в строгом смысле этого слова возникает после капитализма и может быть реализован лишь на основе усвоения всех активных и полезных достижений человеческой цивилизации. Что касается нынешней ситуации, то Китай представляет собой развивающееся большое государство, не соответствующее полностью критериям социализма, государство находящееся на начальной стадии. Поэтому для строительства “социалистического гармоничного общества” и его культуры необходимо усвоение всех прошедших проверку временем позитивных достижений капитализма, в особенности — в области политической культуры, развитие политических институтов. Естественно, мы должны придерживаться взвешенного подхода и точного анализа по отношению к некоторым внутренним негативным факторам западной культуры, таким как крайний индивидуализм, социальная ато-

марность, безразличие в отношениях между людьми и т.п. Нельзя определять пути развития национальной культуры и создавать ее модели, прибегая к методам полной вестернизации. Однако необходимо видеть и то, что с момента образования Китайской Народной Республики в течение длительного исторического периода мы придерживались в отношении западной культуры курса строгого ограничения, замкнутости и резкой критики. Мы отбрасывали западную культуру, что привело к отрыву от нее. В результате в нашу культуру и жизнь не вошел целый ряд ее современных элементов, таких как конституционное правление, демократия, свобода, приоритет законов, права человека и т.д. А эти элементы, если смотреть на них с сегодняшней точки зрения, играют важную роль в формировании культуры гармоничного социалистического общества, политических институтов. Они позволяют предотвращать превышение власти, злоупотребления ею, обеспечивать социальную справедливость.

В-третьих, формирование культуры гармоничного социалистического общества сталкивается с разрушением ресурсов традиционной культуры.

Выдвижение цели формирования культуры гармоничного социалистического общества является важным результатом “китаизации марксизма”, продуктом органичного сочетания реалистического подхода, являющегося идейным принципом марксизма, с китайской традиционной культурой. Необходимо подчеркнуть, что выдвижение подобной цели в современных условиях играет позитивную и стимулирующую роль в выявлении богатых ресурсов китайской традиционной культуры, всестороннем развитии ее активных и полезных элементов, дальнейшем уяснении картины нашей культуры и осознании нашего национального облика. Однако необходимо также видеть, что в процессе столетней модернизации китайского общества мы избрали по отношению к китайской традиционной культуре путь ее постепенной ликвидации, рассматривая ее как нечто противоположное модернизации, как препятствие на ее пути. Мы подвергали национальные культурные традиции медленному уничтожению, нападкам, осмеянию, развертывали против них широкомасштабные кампании, такие как “прикрыть лавку Конфуция”, “критика Линь Бяо и Конфуция”², тем самым был нанесен громадный ущерб ресурсам китайской традиционной культуры. Необходимо отметить, что использование подобных радикальных методов привело к тому, что в сфере общественного сознания и культурном строительстве в различной степени были разрушены многие духовные ценности, имеющие общечеловеческий характер, важные для формирования культуры гармоничного социалистического общества, — “гуманность как любовь к людям”: моральные принципы честности, искренности и правдивости; мудрость “золотой середины”, когда все хорошо в меру, “единство природы (неба) и человека”. Практически мы уже утратили многие драгоценные и важные вещи, их необходимо заново искать, восстанавливать и внедрять в сознание.

В-четвертых, формирование культуры гармоничного социалистического общества сталкивается с вызовом различных культур и ценностных представлений.

Необходимо видеть, что формирование культуры гармоничного социалистического общества не может быть гладкой дорогой. С началом политики реформ и открытости, реализации модели рыночной экономики, использования в качестве механизма развития общества материальных стимулов, наша общественная жизнь приобрела более многообразный характер, стала подвергаться быстрым преобразованиям. Это проявилось в том, что социально-экономические

отношения, организационные формы общественной жизни, а также способы получения доходов и сами стандарты жизни стали более сложными и многообразными. Естественно, что в области идей, в представлениях людей, в их сознании также произошли серьезные изменения. Эти изменения не только соответствовали духу времени, они были привнесены идеями социализма с китайской спецификой, осуществляемыми под руководством Коммунистической партии Китая. Люди поняли их необходимость, согласились с ними. Однако одновременно появились разнообразные ценностные представления отрицательного характера, возникшие в результате развития экономики, основанной на частной собственности, появились и стали быстро распространяться крайний индивидуализм, материальный и культурный нигилизм и т.п. Одновременно в силу различных исторических и современных причин на нашей культурной почве существуют также идеи и представления утопического или мелкокрестьянского, феодального характера, которые проявляются в стремлении к абсолютной социальной справедливости или, наоборот, к особым привилегиям, делению на выше- и нижестоящих и т.п. Необходимо отметить, что эти представления и существование их реальных оснований в общественной жизни создают значительные ограничения для культуры гармоничного социалистического общества, оказывают отрицательное влияние на ее формирование и развитие.

В-пятых, формирование культуры гармоничного социалистического общества сталкивается с беспокойством в обществе, связанным с сомнениями в созидательных возможностях господствующей идеологии.

С момента образования Китайской Народной Республики марксизм стал господствующей идеологией в китайском обществе, духовным источником и ценностным основанием для его членов, он предоставляет идейные принципы и духовные программы для их воли и действий. Однако в процессе развития этой господствующей идеологии ей пришлось столкнуться с двумя крупными принципиальными вызовами. Первый связан с ортодоксальным марксизмом, которому были присущи левый авантюризм и механистический догматизм. В силу отрыва от национальных особенностей и практики китайского общества в его развитии произошел длительный застой, поэтому распространились сомнения в научности марксизма. Второй вызов связан с современным китайским марксизмом, выражением которого являются "теория Дэн Сяопина", идея тройного представительства, "научный взгляд на развитие" и теория гармоничного общества. Необходимо подчеркнуть, что эти теоретические концепции являются трезвыми суждениями о китайской действительности, благодаря своей инновационной теоретической смелости они способствовали быстрому развитию и прогрессу китайского общества, получили полное одобрение и признание со стороны китайского народа. Однако эти теоретические концепции непосредственно сталкиваются с многообразием идейных представлений, обусловленных наличием в общественной жизни разнообразных экономических отношений, поэтому марксизм постоянно подвергается ударам и вызовам со стороны других идеологий. Кроме того, произошла эрозия социалистических идеалов в сознании некоторых руководящих кадров: увлекшись материальными благами, они отбросили марксистские идеалы и стали в конечном счете проводниками всякого рода отрицательных ценностных представлений. Необходимо отметить, что до определенной степени это уменьшает убедительность марксизма, снижает его образ в сердцах и глазах людей. Формирование "социалистической гармоничной культуры" не только требует от нас поисков и открытий в области теории, действительно от-

ражающих нынешнюю историческую реальность, но и единства слова и дела в нашей практической деятельности, дабы наши руководящие кадры различных уровней смогли стать активными проводниками социальной гармонии и справедливости, а не наоборот — носителями ограниченной власти, борющимися с народом за свои собственные интересы.

IV. Наш стратегический курс

В новых исторических условиях наша партия осуществила крупный теоретический прорыв и выдвинула задачу формирования культуры гармоничного социалистического общества. Это отвечает тенденциям и особенностям развития китайского общества, соответствует направлению развития мировой культуры. С одной стороны, подобная теоретическая инновация выдвинута в понятной и приемлемой для китайцев форме, с другой стороны, она предложена миру в “китайской языковой форме выражения”. Необходимо подчеркнуть, что выдвижение этой культурной модели, несомненно, будет стимулировать устойчивое, здоровое развитие китайского общества, окажет значительное активное влияние на формирование духовного облика китайцев, более того, на гармонию и прогресс во всем мире. Однако, как уже отмечалось выше, процесс формирования культуры гармоничного социалистического общества на практике встречает многочисленные препятствия, обусловленные различными условиями и факторами. Речь идет о слабом развитии рационального мышления индивида, ограниченности культурных принципов и институтов, разрушении традиционной культуры, быстром росте отрицательных ценностных представлений и склонности к материальному, неуверенности в созидательных силах господствующей идеологии. В целом формирование культуры гармоничного социалистического общества в нашей стране началось в довольно сложной исторической и культурной обстановке, характерной для стран, недостаточно развитых, вступивших на путь развития позднее, в отсутствие зрелой рыночной экономики, когда социальная демократия и правовое строительство находятся в застое. Процесс формирования подобной культуры не может быть легким, неизбежно появляется конкуренция и проблема выбора среди множества культурных явлений, утверждения ее в обществе в качестве господствующей, развития ее собственных внутренних рациональных и активных ценностных представлений. Очевидно, что это длительный процесс.

Необходимо видеть, что выдвижение в качестве цели формирования культуры гармоничного социалистического общества непосредственно связано с формой и элементами китайской традиционной культуры.

Китайская традиционная культура в самой своей основе формировалась в условиях феодального общества, целый ряд ее основополагающих ценностных принципов, таких как почитание высокородных, сословная система, принцип “повиновения и послушания”, не отвечают духу и требованиям современности, не соответствуют нынешней модели “социалистического гармоничного общества”, от этих пережитков необходимо решительно избавиться.

Однако в то же время необходимо указать, что содержащиеся в традиционной культуре некоторые общие принципы, имеющие общечеловеческий характер, например, принцип “в главном — единство, во второстепенном — различие”, дух “неустанного стремления вперед”, “чувство глубокого сострадания”, а также традиции “единства природы и человека”, “сочувствия ко всем живым

существам” в условиях современной глобализации отброшены быть не могут. Необходимо всесторонне культивировать их рациональное зерно. Точно также следует поступать по отношению к западной культуре. С одной стороны, необходимо видеть ее негативные элементы и решительно отказаться от установок, не соответствующих национальным особенностям и условиям Китая, таких как индивидуализм, чрезмерный прагматизм, материальное эпикурейство. Одновременно необходимо с уважением относиться к позитивным результатам культуры Запада, в особенности достижениям его политической культуры — конституционному правлению, демократии, правовой системе, правам человека, справедливости, свободе и т.п. В условиях углубления реформы политической системы и политических институтов неизбежно широкое, активное использование позитивных идей западной политической культуры. Это выбор, от которого нельзя отказаться.

Как уже было отмечено, в прошлом мы зачастую ошибочно придерживались принципов догматизма, в результате чего были совершены серьезные ошибки. Поэтому необходимо одновременно и обобщать и усваивать подобные исторические уроки, избегая при формировании основополагающих ценностных представлений воспроизведения ошибочных идеалов и дискредитировавших себя бессодержательных методов, не следует впадать в беспринципные, субъективистские преувеличения. Поскольку культура гармоничного социалистического общества связана с “начальным этапом социализма”, та “гармония”, к которой мы стремимся и о которой мечтаем, на самом деле является “ограниченной гармонией”; это всего лишь цель, которую необходимо осуществить. Кроме того, как уже отмечалось, носители господствующей идеологии и культуры выступают примером для подчиненных, показывают умение вести людей за собой и быть их опорой. Поэтому каждый партийный работник, особенно партийный руководитель, должен следить за своими мыслями и поступками, стремиться быть пропагандистом и проводником культуры гармоничного социалистического общества, прилагать сознательные усилия к внедрению в общественную жизнь свободы, демократии, справедливости, гармонии, а не для насаждения ранговой системы, практики репрессий, провоцирования конфликтов, беспорядков, злоупотребления служебным положением.

© 2008

Перевод с китайского
В. Бурова

1. *Сяокан* — понятие традиционной конфуцианской культуры, в XX в. вошедшее в арсенал китайской политической мысли и идеологии как обозначение умеренного общественного благосостояния, опирающегося на прочный, этически детерминированный социальный порядок. — *Пер.*
2. “Критика Линь Бяо и Конфуция” — идеологическая кампания в КНР в первой половине 70-х годов XX в. Ассоциативно связывала «подрывную» деятельность “реакционеров” в КПК, вождем которых был объявлен бывший министр обороны и официальный преемник Мао Цзэдуна Линь Бяо, с “консервативной” исторической ролью древнего конфуцианства, якобы препятствовавшего общественному прогрессу, носителем которого объявлялся объединитель Китая Цинь Ши-хуанди, выступавший историческим алтер-эго Мао Цзэдуна. — *Пер.*

“Записки без названия” (XIII в.): особенности литературного дискурса в Японии

© 2008

Ю. Гвоздикова

В средневековой Японии не было руководств по написанию литературных прозаических произведений, не было в собственном смысле этих слов литературной критики и литературной науки. Едва ли мы найдем сочинение, автор которого заложил основы исследования национальной литературы в современном понимании, например, представил историю развития какого-либо ее литературного жанра. Подобные исследования появились в Японии гораздо позже — в XIX в., после знакомства японских ученых с европейским литературоведением. Средневековые же знатоки словесности выработали собственные подходы к исследованию отдельных произведений.

Не исключением стали сочинения жанра *цукури-моногатари* (“сделанные”, “сочиненные повествования”) — прозаические произведения большого объема, представляющие собой выдуманные истории из жизни аристократического общества. Классические сочинения этого жанра были созданы во второй половине эпохи Хэйан (IX—XII вв.), во времена расцвета блестящей аристократической культуры Японии. Самым знаменитым среди них, несомненно, является “Повесть о Гэндзи” (“Гэндзи моногатари”, XI в.) придворной дамы Мурасаки Сикибу (978 (?) — 1014 (?)). Этим произведениям “уже современниками был выдан кредит художественного вымысла — именно этот жанр давал максимальную свободу для творческой фантазии автора”¹. До наших дней сохранилось лишь несколько *цукури-моногатари*, однако, исходя из косвенных данных, можно утверждать, что в X—XIII вв. было создано довольно много “сочиненных повествований”². В отношении исследований средневековых школ словесности по жанру *цукури-моногатари* говорят, как правило, о существовании только одного направления работ — трактатов (в виде комментариев), посвященных вершине жанра — “Повести о Гэндзи”. Иными словами, до сих пор считалось, что осмысление сюжетной прозы сводилось лишь к комментированию “Повести о Гэндзи”.

Между тем, содержание дошедшего до наших дней сочинения начала XIII в. “Записки без названия” (“Мумё: дзо:си”) позволяет предположить, что имелся альтернативный подход в изучении произведений *цукури-моногатари* — рассмотрение большого числа сюжетных повестей с применением адаптированной для анализа прозы методологии и терминологии стиховедения. Памятник, до сих пор не ставший предметом исследования российских японоведов, представляет большой интерес, так как является первой и единственной сохранившейся обобщающей работой по жанру “сочиненных повествова-

ний” вплоть до XIX в. “Записки без названия” содержат бесценный материал, позволяющий представить основные этапы развития жанра, количество созданных и масштабы утраченных произведений, определить их статус в жанровой иерархии эпохи⁴ и, следовательно, рассмотреть сохранившиеся сюжетные повести в более широком историко-литературном контексте.

Появление в начале XIII в. “Записок без названия” указывает на тот факт, что была сформирована потребность в теоретическом осмыслении сюжетных повестей. Содержание памятника позволяет оценить уровень осмысления сочинений *цукури-моногатари* в соответствующий период, сделать выводы относительно понятийного аппарата, который использовал его автор при обсуждении повестей. При этом “Записки” представляют собой только подступы к литературно-критическим работам в современном смысле этого слова. Мы можем говорить лишь о некоторых элементах зарождавшейся литературной критики. Кроме того, автор “Записок” не придал своим рассуждениям о произведениях *цукури-моногатари* форму, свойственную литературоведческим сочинениям, а представил их в виде диалога между придворными дамами — вымышленными персонажами. Таким образом, “Мумё: дзо:си” правильнее было бы назвать квазикритическим сочинением (квазитрактатом). С другой стороны, имеющаяся в “Записках” фабульная часть⁵ — придворные дамы собираются и рассказывают друг другу о разных *цукури-моногатари*, спорят, оценивают, то есть намеренное воссоздание автором атмосферы классических повестей и использование их лексикона, позволяет определить данное сочинение и как *квазичукури-моногатари*. К такому неоднозначному жанровому определению “Записок без названия” склоняется большинство его исследователей.

К изучению “Записок без названия” японские исследователи обратились достаточно давно. На значимость памятника для японской литературы было указано еще в 1893 г., когда текст наиболее распространенного списка (*руфубон*) был издан в серии “Гунсё руйдзю:” (“Классифицированная коллекция японской классики”)⁶. Данное собрание включало основные классические сочинения. Текст этого списка памятника был опубликован также в 1903 и 1928 г.⁷ Издание текста списка другой книги (*сё:ко:кан бунко дзо:хон*) было осуществлено в 1973 и 1992 г.⁸ Число комментированных изданий памятника приблизилось к двадцати⁹. “Запискам” посвящено более двухсот исследовательских статей, не считая кратких описаний этого сочинения в различных справочных изданиях по японской литературе.

Об изначальном названии памятника нет сведений. Появление заглавия “Мумё: дзо:си” исследователи объясняют тем, что, за неимением первоначального названия, такое наименование безымянному сочинению присвоили позднее его переписчики.

Рассуждая о предполагаемом создателе памятника, не оставившем своего автографа, большинство ученых сходятся во мнении, что “Записки без названия” — творение женщины¹⁰. Наиболее вероятным автором произведения признается Сюдзэйкё:-но Мусумэ (Дочь Сюдзэй)¹¹. Ее авторство подтверждается тремя признаками, сформулированным японскими исследователями: Сюдзэйкё:-но Мусумэ — высокообразованная женщина, сведущая в вопросах поэзии и прозы; она принадлежит или тесно связана с домом Микохидари; зрелые годы ее жизни должны захватывать период между 1199 и 1203 г.¹² Эти данные подтверждаются биографическими сведениями о возможной создательнице “Записок без названия”¹³.

Дочь Сюдзэй в действительности приходилась Фудзивара-но Сюдзэй не дочерью, а внучкой. Она родилась предположительно в 1171 г. в семье Фудзивара-но Мориёри и Хатидзэ:ин Сандзэ: (дочь Фудзивара-но Сюдзэй и сестра Фудзивара-но Тэйка, 1162—1241). Воспитывалась родственниками по материн-

ской линии, очевидно, проводила время с дядей Тэйка и дедом Сюдзэй (упоминание их имен имеется в “Записках без названия”¹⁴), была начитанна и образованна. В 1192 г. она связала себя узами брака с поэтом Минамото-но Мититомо (1171—1227), который способствовал ее участию в известных поэтических турнирах. На одном из них (“Эйгу утаавасэ”, 1201 г.) поэтесса произвела впечатление на императора-инока Готоба (1180—1239, правил с 1183 по 1198 г.), принявшего ее к себе на службу в 1202 г.

Вместе с дядей Тэйка она представляла поэтическую школу Микохидари. Экс-император Готоба высоко ценил ее талант, что повлияло на включение 29 ее *танка* в официальную поэтическую антологию “Синкокин вакасю:” (“Новое собрание старых и новых песен Японии”, 1203 г.). Пятистишия Дочери Сюдзэй выделяются исследователями “Синкокинсю:” как наиболее талантливые стихотворения, принадлежащие женщинам-поэтессам этого собрания. Главные их мотивы — грезы и воспоминания об ушедшей любви. В императорских антологиях в общей сложности содержится 116 ее стихотворений. Также осталось личное собрание поэтессы — “Сюдзэйкэ:-но Мусумэ сю:” (“Собрание дочери вельможи Сюдзэй”).

В возрасте 43-х лет Дочь Сюдзэй приняла постриг. После смерти Тэйка она унаследовала его поместье в Косибэ (нынешняя префектура Хёго), в котором прожила до конца своих дней, скончавшись, вероятно, в 1252 г. О ее критических взглядах на поэзию может свидетельствовать последний из дошедших до нас документов, принадлежащих ее кисти, — письмо от 1252 г., известное как “Письмо Монахини из Косибэ” (“Косибэ-но Дзэнни сё:соку”). Адресованное сыну Тэйка, Тамэиэ (1198—1275), оно содержит рассуждения о десятой императорской антологии “Сёкугосэн вакасю:” (1251 г.), собранной Тамэиэ.

Время создания “Записок без названия” устанавливается также лишь предположительно, так как иных, кроме содержащихся в самом тексте памятника, данных на этот счет не имеется. Известный филолог Ямагиси Токухэй, положивший начало изучению этого сочинения, ограничил возможный период создания памятника шестью годами — с 1196 по 1202¹⁵. Верхнюю границу указанного периода уточнил затем Исида Ёсисада, сократив вероятный период написания “Записок без названия” до четырех лет (1198—1202). Последние исследования японских филологов сужают указанный временной промежуток до шестнадцати месяцев (август 1200 г. — ноябрь 1201 г.)¹⁶.

“Записки без названия” представляют собой по преимуществу длинный диалог между тремя-четырьмя дамами. Разговор, которому молодые особы посвятили ночь, вложен в уста старой монахини, играющей роль слушательницы по отношению к участницам беседы и рассказчицы по отношению к читателям памятника. Диалогическая форма изложения роднит “Записки без названия” к более ранним сочинениям Китая и Японии — как историческими, так и религиозно-философскими. Ярким образцом второго вида диалогического изложения является трактат Ку:кай (774—835) “Три учения указывают и направляют” (“Санго: сиики”, 797 г.), записанный в виде беседы между представителями трех религиозных учений¹⁷. Примером автору “Записок” мог также послужить известный отрывок из “Повести о Гэндзи” (гл. “Дерево-метла”), посвященный ночной беседе приятелей принца Гэндзи о дамах. Их трое (То:-но Тю:дзё:, Хидари-но Ума-но Ками и То: Сикибу-но Дзё:), как и дам в “Записках без названия”; Гэндзи выполняет ту же роль, что и монахиня, — слушает дискуссию своих друзей и, как самый опытный в обсуждаемых делах участник разговора делает ее значимой для читателя.

Темы, избранные дамами для диалога, позволяют произвести наиболее общее деление памятника на четыре раздела: 1) введение; 2) обсуждение повестей; 3) поэтические антологии; 4) знаменитые женщины эпохи Хэйан. Некоторые

образы, мотивы и композиционные приемы, использованные во введении (образ монахини, мотив странствия, посещения храма, дискуссия о “вещах, с которыми трудно расстаться”, и др.) в последующих разделах памятника, заимствованы, возможно, из более ранних сочинений жанра *рэкиси-моногатари* (“исторические повествования”) — “О:кагами” (“Великое зеркало”, XI в.), “Имакагами” (“Нынешнее зеркало”, 1170 г.), “Мидзукагами” (“Водяное зеркало”, 90-е гг. XII в.) и сборника *сэцува* “Хо:буцусю:” (1178 г.)¹⁸. Однако автор “Мумё: дзо:си” использует эти образцы по-новому, подчиняя их целям своего сочинения.

Второй раздел памятника посвящен обсуждению 26 произведений жанра *цукури-моногатари*. Из них до наших дней полностью или частично дошли лишь семь сочинений (“Гэндзи моногатари”, “Сагоромо моногатари”, “Нэдзамэ моногатари”, “Хамамацу Тю:нагон моногатари”, “Има Торикаэбая моногатари”, “Мацура-но Мия”, “Ариакаэ-но вакарэ”). Погружение в мир повестей начинается с разговора о “Повести о Гэндзи”, которой отдана одна треть всего сочинения. Последующие произведения разбираются в порядке убывания их “гениальности”, известности и важности, по мнению автора “Записок”, для развития жанра *цукури-моногатари*.

Поэтическим антологиям, которые не являются главной темой “Записок”, посвящено несколько страниц сочинения. По общему признанию исследователей¹⁹, обсуждение собраний поэзии, составление которых монополизировали мужчины, необходимо дамам для того, чтобы обратить внимание на бедственное положение женщин на этом поприще, с одной стороны, и на успехи, достигнутые ими в создании образцов повествовательной литературы, с другой. Дамы перечисляют семь императорских антологий, упоминают восемь домашних сборников поэзии и три собрания ста стихотворений на заданные темы.

В заключительном разделе “Записок” речь идет о судьбах и литературных достижениях 15-ти выдающихся женщин эпохи Хэйан. Эта часть памятника глубоко изучалась японскими исследователями на предмет заимствований из других сочинений²⁰. Несмотря на широкое привлечение литературы эпохи Хэйан для написания собственного текста, создатель “Записок” всегда смотрит на нее с иного, нового ракурса и, используя для своих целей, создает принципиально другой текст.

Второй раздел памятника — самая объемная и основная часть сочинения. Обсуждение (литературный дискурс) созданных придворными дамами эпохи Хэйан сочинений *цукури-моногатари*, преследует, на наш взгляд, несколько целей.

1. Автор “Записок” определяет место придворных дам на литературном поприще, оценивает их творческий потенциал в области создания сюжетных повестей. По его мнению, женщина обязана стать участницей литературного процесса, ее цель в данной сфере — написать талантливое сочинение, которое не постигнет забвение: “...следует оставить после себя такое сочинение — даже если это будет всего одно слово, существование которого не ограничится веком “конца Закона”. Женской областью самовыражения в литературе является в первую очередь не поэзия, а художественная, дневниково-мемуарная и эссеистическая литература. Автор “Записок” выделяет ряд функций женской литературы художественного вымысла (повести выполняют коммуникативную, развлекательную функции, избавляют от тоски и обеспечивают славу их авторам).

2. Автор предлагает свою концепцию возможного развития жанра *цукури-моногатари*. Он считает, что логика его развития состоит в том, чтобы было создано произведение, превосходящее все написанные повести, в том числе “Повесть о Гэндзи”. В связи с этим он берет на себя миссию промежуточного подведения итогов развития жанра — анализирует сильные и слабые стороны ряда повестей, которые должны быть учтены создателем будущего сочинения. В качестве одного из способов достижения поставленной цели автор “Записок” пред-

лагает метод “доработки” “классических” повестей (сочинения XI, XII вв.) — восполняя их пробелы, корректируя несогласованности содержательного плана, писательницы могут создать новые улучшенные версии этих повестей²¹. Как показывает история японской литературы, они действительно пошли по пути, предложенному автором “Мумё: дзо:си”: на заключительном этапе существования жанра (XIII в., “подражательные повести” *гико-моногатари*) одним из ведущих направлений литературы жанра *цукури-моногатари* стало создание “новых” версий “старых” повестей.

Характер литературного дискурса в “Записках без названия” имеет свою особенность. Его пространство не ограничено мнением одного человека — автора, в него активно вовлечен читатель, который может представить себя на месте одной из участниц диалога. “Записки без названия” представляют собой открытую систему дискурса: читателю как бы предлагается присоединиться к обсуждению темы и высказать свою точку зрения или согласиться с мнениями современников о ряде сюжетных повестей, которые приводит автор. Дело в том, что монахиня, главный персонаж введения “Записок”, неожиданно перестает им быть — собрав вокруг себя молодых дам, она замолкает и становится слушательницей их беседы о повестях. Получается, что обсуждение *цукури-моногатари* ведут дамы, о которых нам ничего неизвестно. Мы не можем указать на принадлежность произносимых реплик конкретным героиням, то есть по существу имеем набор анонимных высказываний, что создает особый облик памятника и наделяет его указанной функцией по отношению к читателю.

О системе рассмотрения повестей можно сказать следующее. Автор работы намечает периодизацию истории жанра. Он делит все сочинения *цукури-моногатари* на пять групп по времени их создания: 1) “повести, созданные до “Повести о Гэндзи” (X в.); 2) “Повесть о Гэндзи” (начало XI в.); 3) “повести, которые представляются уже старыми” (XI в.); 4) новые, или “современные повести” (первая половина XII в.); 5) новейшие, или “повести нынешнего века” (вторая половина XII в.). При этом автор не распределяет по выделенным им группам те повести, которые он выбрал для анализа в “Записках”. Последовательность рассмотрения сочинений не связана с очередностью появления этих произведений на свет, то есть основой системы разбора сюжетных повестей не является хронология их создания. Этот порядок автор отчасти выдерживает лишь при обращении в конце памятника к новым (“Микава ни сакэру”²², “Удзи-но каванами”, “Кома мукаэ”, “Одаэ-но нума”) и новейшим (“Укинами”, “Мацура-но Мия”, “Ариакэ-но вакарэ”, “Юмэгатари”, “Намидзи-но Химэгими”, “Асадзигавара-но Найсино Ками”) повестям. Что касается остальных *цукури-моногатари*, то последовательность рассмотрения, в частности, сочинений “Сагоромо” (“Повесть о Сагоромо”), “Нэдзамэ” (Повесть о Нэдзамэ), “Мицу-но Хомамацу” (“Повесть о советнике Хомамацу”), “Тамамо” обусловлена степенью их популярности у аудитории. Сходство сюжетного плана явилось основанием разбора ряда повестей по группам в следующем порядке: 1) “Торикаэбая”, “Какурэмино”, “Има Торикаэбая”; 2) “Кокоро такаки”, “Асакура”, “Кавагири”, “Ива уцу нами”; 3) “Ама-но карумо”, “Суэба-но цую”, “Цую-но ядори”. Автор не делает упоминаемые им “повести, созданные до “Повести о Гэндзи” (“Уцухо” (“Повесть о дупле”), “Такэтори” (“Повесть о старике Такэтори”), “Сумиёси”), по ряду причин (написаны мужчинами, имеют неправдоподобный сюжет) предметом детального рассмотрения.

Анализ ряда теоретических работ по поэзии (“Предисловие” Ки-но Цураюки к антологии “Кокинсю:” (“Собрание старых и новых песен Японии”, 905 г.), трактаты “Синсэн дзуйно:” (“Существо поэзии”) и “Вака кухон” (“Девять стилей вака”, 1004—1012 гг.) Фудзивара-но Кинто:, “Корай фу:тайсё:” (“Выбор-

ки о поэтических стилях, пришедших от древности”, 1197 г.) Фудзивара-но Сюдзэй, Предисловие Фудзивара-но Ёсицунэ в антологии “Синкокинсю:”, трактат “Майгэцусё:” (“Ежемесячные заметки”, 1219 г.) Фудзивара-но Тэйка) и “Записок без названия” показал, что автор последних рассматривает *цукуруи-моногатари*, опираясь на терминологию и методологические приемы стиховедческой науки (разбор песни, исходя из трех аспектов — содержание *кокоро* (“душа” песни), форма *котоба* (“слова” песни), облик *сугата* (“образ” песни); использование определенных описательных оценочных терминов, например, *аварэ* (“печальный”) и др.), которые он адаптировал для осмысления прозаических сочинений. Приверженность теоретическим взглядам поэтической школы Микохидари, представители которой разработали указанный метод анализа японской поэзии, обнаруживается в его оценках поэтических антологий в третьем разделе “Записок”.

Три категории стиховедческого анализа автор “Записок” связывает со следующими аспектами сюжетных повестей:

1) Форма, или слова, *котоба* (*котобадзукаи*, *котобацудзуки*) — язык повести (“обращение со словами”);

2) Содержание *кокоро* (*арисама*, *сама*, *омомуки*) — сюжет (сюжетные линии), стихотворения, действующие лица;

3) Облик *сугата* — образ повести, обусловленный характером связи в произведении его формы и содержания.

Автор выдерживает определенный порядок разбора произведения — анализ языка *котобадзукаи* (“обращение со словами”), затем содержания *кокоро* (сюжет, стихи, герои), использует традиционные для стиховедения описательные оценочные термины, значительно расширив их ряд. Из теории поэзии заимствуется также основной критерий оценки стиха — рождает ли он у читателя отклик, то есть, исполнен ли чувства *аварэ* (“очарование вещей”) ²³. Данный критерий используется для оценки повести: положительно оценивается сочинение, проникнутое чувством *аварэ* (на уровне формы, содержания или облика).

Исследование предпочтений автора “Записок” в отношении сюжетных повестей, связанных с указанным критерием, дали нам возможность сформулировать принятые создателями *цукуруи-моногатари* каноны написания подобных произведений (в частности, выделить некоторые типичные мотивы, образы действующих лиц).

Проанализировав оценку, которую дает автор повестям с точки зрения их формы (языка), мы пришли к выводу, что отклик находят, а значит, исполнены *аварэ*, десять произведений (“Сагоромо”, “Мицу-но Хамамацу”, “Има Торикаэбая”, “Ама-но карумо”, “Цую-но ядори”, “Кома мукаэ”, “Ариакэ-но вакарэ”, “Юмэгатари”, “Намидзи-но Химэгими”, “Асадзигавара-но Найси-но Ками”). Используемые автором оценочные термины (*эн* (“изящный”), *имидзи* (“восхитительный”), *мэдзураси* (“необычный”), *асику мо наси* (“неплохой”), *ситатака на-ру* (“выделяющийся”), *надарака* (“складный”), *мимидатасикарадзу* (“приятный на слух”) помогают нам конкретизировать те моменты, которые обеспечивают положительную оценку языка повести. Исходя из некоторых негативных терминов критики, можно заключить, что использование создателем повести “устаревших” *фурумэкаси* (фурумэкаси) или “слишком современных” *амари ни имамэкаси* (амари ни имамэкаси) слов не найдет отклик у читателя. Отрицательную оценку получил язык повестей “Торикаэбая”, “Какурэмино”, “Кокоро такаки”, “Ива уцу нами”, “Суэба-но цую” и “Укинами”.

Обсуждение содержания *кокоро* повести — обязательная составляющая дискурса “Записок”. Изучив принципы анализа сюжета на примере двенадцати сочинений, мы выяснили, что достоинство повести составляют конкретные части

(*фусибуси*), и основным критерием ее положительной или отрицательной оценки становится наличие/отсутствие *мидокоро* (“интересных мест”). Автор занят подробным разбором *мидокоро* глав “Повести о Гэндзи”. Все эпизоды, которые рассматривает автор “Записок”, делятся на несколько групп — в зависимости от того, какой эмоцией выражен отклик: *аварэ нару кото* (“то, что исполнено печали”), *имидзи кото* (“то, что вызывает восхищение”), *ито:сики кото* (“то, что рождает жалость”). Повесть каждый раз рассматривается от начала до конца на предмет сцен, вызывающих указанные чувства.

Разбор сюжета всех других повестей в “Записках” менее детален. Сочинения обсуждаются с точки зрения умения их авторов воспроизвести связанные с сюжетикой каноны, которые во многом были заданы создательницей “Повести о Гэндзи” Мурасаки Сикибу. Именно такие произведения, а точнее отрывки из них, как правило, находят отклик и признаются *мидокоро* повести. В противном случае повесть критикуется с точки зрения сюжета и ей отказывается в наличие *мидокоро*. В отношении одних произведений автор “Записок” ограничивается общей оценкой их сюжета, не разбирая ее *мидокоро*, но подробно останавливаясь на характеристике действующих лиц, в отношении других — имеется разбор сцен, но отсутствует анализ персонажей.

Критерий оценки поэзии повестей, неотъемлемого элемента *кокоро* повести — удалось ли писательнице с помощью той или иной *танка* передать настроение и суть конкретного эпизода, с которым связывается определенная эмоция. В разделе, посвященном обсуждению повестей, автор памятника цитирует 76 стихотворений. При разборе отрывков из *цуктури-моногатари* приводятся, как правило, эпизоды, включающие *танка* действующих лиц, по которым в целом оценивается поэзия всего сочинения. Из 76 стихотворений больше половины (40 *танка*) взяты из творения Мурасаки Сикибу. Они приводятся главным образом при обсуждении “лучших сцен” *мидокоро* повести. Почти все эпизоды, разбираемые автором “Записок”, содержат стихи. Есть отрывки, качество написания которых оценивается исключительно по входящим в них *танка*²⁴.

В отношении ряда повестей автор ограничивается лишь общей оценкой поэтической составляющей произведения, используя всего два оценочных термина — “хороший” *ёси* и “плохой” *вароси*. Вот лишь несколько примеров. “Торикаэбая”: “стихи весьма хороши”; “Какурэмино”: “...может, оттого, что стихи плохи, ставят ее в один ряд с “Торикаэбая”, сочинением, явно превосходящим эту повесть”; “Има Торикаэбая”: “неплохи язык и поэзия”; “Кокоро такаки”: “... поэзия дурна”; “Цую-но ядори”: “не так уж плоха поэзия...”; “Микава ни сакэру”: “... хороши стихи”. Поскольку большинство из перечисленных повестей утеряно, и автор “Записок” либо не цитирует вовсе (“Торикаэбая”, “Какурэмино”; “Кокоро такаки”), либо приводит лишь одно-два стихотворения из повести (“Има Торикаэбая”; “Цую-но ядори”; “Микава ни сакэру”), трудно сказать, какие моменты в оценке поэтического текста данных сочинений больше всего влияют на формирование общего мнения о них.

Разбор действующих лиц (последний аспект *кокоро* повести) далек от современного литературоведческого анализа, подразумевающего, в частности, оценку авторского мастерства построения тех или иных литературных образов в соответствии с канонами определенного жанра. Особенность рассуждений о героях повестей заключается в том, что автор “Записок” воспринимает их не как литературных персонажей, а как реально существующих людей, и оценивает их по таким аспектам, как поступки, душевные качества, характер, внешние данные. Он ставит себя на место персонажей и судит о них, исходя из своих представлений о нормах поведения. Ключевым становится момент сопереживания действующим лицам — автор сравнивает обстоятельства собственной жизни с историей героев повестей. Нами

подробно исследованы его оценки в отношении действующих лиц пяти повестей (“Гэндзи”, “Сагоромо”, “Еру-но Нэдзамэ”, “Мицу-но Хамамацу”, “Тамамо”), на основании которых названы типичные персонажи (с точки зрения автора “Записок”) сочинений жанра *цукури-моногатари*. Наиболее подробным является обсуждение действующих лиц “Повести о Гэндзи”. Автор выделяет, например, четыре группы женских персонажей, поступки и характер которых вызывают у него соответствующие эмоции: *мэдэтаки онна* (“изысканно-утонченные женщины”), *имидзики онна* (“обаятельные женщины”), *кономосики онна* (“приятные женщины”), *ито:сики онна* (“женщины, достойные сожаления”).

То, как автор оценивает облик *сугата* (“облик”) повестей, мы увидели на примере двенадцати сочинений. Термин *сугата* отсутствует в составе его оценочек. Однако автор “Записок”, не используя сам термин, почти всегда оценивает произведение с точки зрения его облика. Как правило, это общее впечатление от повести, приведенное в начале ее рассмотрения. Критерием оценки облика повести служит способность/неспособность ее автора придать определенному содержанию соответствующую форму, то есть создать гармоничное единство языка и содержания *цукури-моногатари*. Например, рассуждая об утраченной ныне повести “Укинами”, создание которой приписывают Фудзивара-но Таканобу, автор признает, что это — “очень проникновенная повесть, которая непременно находит отклик в душе”, но облик ее “не приносит ожидаемого удовлетворения”. Очевидно, он намекает на несоответствие формы содержанию: содержание прекрасное, но язык “далек от искусного”.

Обсуждение каждого сочинения обязательно включает часть (от целого раздела до нескольких предложений), в которой перечислены его недостатки — то, что автор считает нарушением законов жанра. Иными словами, содержание каждой повести оценивается по такому критерию, как степень оправдания ожиданий читателя при чтении произведения в жанре *цукури-моногатари*. Указанные автором “Записок” слабые места повестей можно разделить на четыре группы: 1) неправдоподобные сцены; 2) неудачный поворот сюжетной линии; 3) копирование сцен из других повестей; 4) дурной поступок героя. Самый большой недостаток любого “сочиненного повествования” — нереалистичность вымысла, лежащего в основе сочинения, какого-либо его фрагмента, сцены (*макото сикарану кото* (“то, что лишено правдоподобия”). Таким образом, один из канонических сочинений, в основе которых лежит художественный вымысел, состоит в следующем: вымышленная история из жизни придворного аристократического общества должна быть правдоподобной, должна иметь пересечения с личным опытом читателя (знания о мире, религиозные убеждения и др.). Создатели повестей не должны искажать факты знакомой читателю действительности.

На предмет наличия перечисленных недостатков мы проанализировали предпринятый автором “Записок” разбор девяти повестей. Например, о повести “Сагоромо”²⁵ он говорит: “Среди повестей, считающихся сплошным вымыслом, эта занимает исключительное место...”. К неправдоподобным моментам повести относятся: сказочный мотив о Небожителе, спустившемся к главному герою Сагоромо, чтобы забрать его с собой; чудесное явление герою Бодхисаттвы Фугэн во время чтения Сагоромо “Лotosовой сутры”; сверхъестественная переписка между героиней Гэндзи-но Мия и божеством святилища Камо. Помимо использования этих сказочных, сверхъестественных мотивов, автор “Сагоромо” искажает реальные факты — сажает на престол главного героя, не являющегося прямым потомком императора.

Подробно изучив памятник “Записки без названия”, мы пришли к выводу, что он занимает особое место как в истории японской прозы в целом, так и в

истории литературной критики сочинений жанра *цукури-моногатари*. Особое положение памятника связано со следующими его уникальными чертами:

1. “Записки без названия” — первое и единственное сохранившееся обобщающее сочинение по жанру *цукури-моногатари* вплоть до XIX в. В нем содержится разбор большого числа произведений, созданных после “Повести о Гэндзи” до начала XIII в. По содержанию памятника можно судить об уровне осмысления сочинений *цукури-моногатари* в соответствующий период.

2. “Записки без названия” — памятник исключительного значения для восстановления утерянных частей дошедших повестей и ценный источник информации о целом ряде утраченных *цукури-моногатари*. От недошедших повестей, упоминаемых в “Записках”, в разном количестве сохранились стихотворения, помещенные в сборники “Сю:и хякубан утаавасэ” (ок. 1219 г.) и “Фуе вакасю:” (1271 г.). Пятистишия в отдельных случаях могут пролить свет на содержание утерянного сочинения, но дополненные бесценной информацией о некоторых сценах и героях, содержащейся в “Муме: дзо:си”, могут помочь представить образ той или иной повести, уловить ее основную сюжетную линию.

3. “Записки без названия” — особенное сочинение с точки зрения жанрового определения. Мы не согласны с тем, что “Записки” сами являются одним из сочинений *цукури-моногатари*, то есть относятся к литературе фабульного типа²⁶. Не относясь к жанру “сочиненных повествований”, памятник имеет некоторые их формальные признаки, представляя собой *квазичукури-моногатари*. Мы также нашли неоправданным их причисление некоторыми исследователями к работам *цукури-моногатари хэ:рон* (критические заметки о произведениях *цукури-моногатари*)²⁷, имея в виду время создания памятника (появился на шесть веков раньше оформления научного литературоведения), его методологию (стиховедческие приемы) и критерии оценки повестей. “Записки” можно назвать лишь подступом к современным литературно-критическим исследованиям по средневековым женским повестям. Едва ли можно рассматривать “Записки” и как литературно-историческую работу по жанру *цукури-моногатари*, ибо в них представлена неполная, частичная реконструкция истории сюжетных повестей без рассмотрения узловых проблем происхождения и характера развития этой литературной формы.

Таким образом, с одной стороны, содержащиеся в “Записках” критические и исторические обобщения по повестям отделяют их от написанных ранее сочинений разных прозаических жанров (“Кагэро: никки” (“Дневник эфемерной жизни”), “Сарасина никки” (“Одинокая луна в Сарасина”), “Мурасаки Сикибу никки” (“Дневник Мурасаки Сикибу”), “Макура-но со:си” (“Записки у изголовья”), “Повесть о Гэндзи”, “Имакагами” (“Нынешнее зеркало”), “Хо:буцусю:”), в которых имеются несистематические рассуждения о нескольких повестях (т.н. “литературные споры”). С другой стороны, “Записки” еще далеко не литературоведческая работа в современном понимании. Литературно-критические и исторические исследования по жанру *цукури-моногатари* появились в Японии спустя шесть столетий. Отвечающим специфике традиционной японской филологии можно назвать непрерывное развитие комментаторского направления, связанного с “Повестью о Гэндзи”.

Появление “Записок без названия”, на наш взгляд, не знаменует собой рождение работ *цукури-моногатари хэ:рон*, они близки к эссеистическим сочинениям X—XIV вв. Из всего разнообразия средневековых эссеистических сочинений “Записки” по диалоговой форме изложения тяготеют к стиховедческим работам, в частности, к “Мумё:сё:” (“Заметки без заглавия”, 1210 г.) Камо-но Тё:мэй. Не являющиеся в чистом виде ни *цукури-моногатари*, ни стиховедчес-

ким эссе (трактатом) “Записки” правильнее было бы назвать “квазикритическим квазитрактатом по сюжетным повестям”.

4. В “Записках без названия” дано первое деление “сочиненных повествований” на группы по времени их создания. Периодизация *цукури-моногатари* в “Записках” еще довольно условна, однако она не может не заслуживать внимания как первое сохранившееся описание исторических этапов исследуемого жанра. Это новый шаг по сравнению с классификацией повестей Мурасаки Сикибу (“Повесть о Гэндзи”, гл. “Светлячки”), которая делит их по времени создания — на старые и новые, а по качеству содержания — на глубокие и неглубокие.

5. Создатель “Записок без названия” вводит новые критерии оценки повестей. Авторы первых работ, связанных с *цукури-моногатари* (сочинения по “Повести о Гэндзи”, сборники стихотворений из повестей), ставили целью не обсуждение особенностей повестей как самостоятельных прозаических сочинений, а критический разбор включенных в них стихотворений. В “Записках” дополнительными критериями оценки прозаического текста, помимо поэзии, стали качество языка повестей, сюжета, отдельных сцен, поступки и характер героев и др. Иной подход у автора “Записок” и к поэтической составляющей повестей. В отличие от антологий стихов из *цукури-моногатари*, в “Записках” стихотворения не вырываются из контекста повести, а рассматриваются как неотъемлемая часть той или иной сцены.

6. В “Записках без названия” предпринята попытка осуществить разбор ряда сочинений *цукури-моногатари* с использованием стиховедческой методологии и терминологии. Вместе с тем, такой критерий, как степень реалистичности вымысла, лежащего в основе повести, применялся исключительно при оценке “сочиненных повествований”, то есть был новым и очень важным приемом в методологическом арсенале автора “Записках”.

7. “Записки без названия” не отражают ведущих тенденций средневековых японских школ словесности. Новаторские подходы автора памятника (уровень охвата предмета рассмотрения, попытка предпринять его системный анализ, выработка новых критериев оценки повестей, успешное применение (адаптация) методологии и терминологии стиховедения в области прозы) выбиваются из общей тенденции средневековой филологии. До “Записок” подобные сочинения не появлялись (или они не сохранились), после “Записок” такое направление в эссеистической литературе не находило развития в Японии вплоть до XIX в., когда появились современные литературоведческие работы с иной концепцией истории художественной литературы и методами ее критического разбора. “Записки”, безусловно, выпадают из общего течения средневековой филологии, но спустя века, пусть даже под влиянием другого источника — западного литературоведения, была востребована идея — рассмотреть большое число произведений одного жанра, реализованная когда-то в самой Японии (автором “Записок”).

1. Торопыгина М. Роман “Путаница” в контексте японской истории и культуры // Торикабая моногатари, или Путаница / Пер. с яп., вступ. ст. М. Торопыгиной. СПб.: Гиперион, 2003. С. 5.
2. Ориентиром может служить поэтическое собрание “Фуёвакасю:” (“Собрание японских песен ветра и листвы”), составленное в 1271 году. Этот сборник стихотворений из сохранившихся к тому времени повестей можно считать неким итогом существования жанра *цукури-моногатари*. В сохранившихся 18 свитках антологии содержится 1418 стихотворений из 198 повестей.

3. Русский перевод: Записки без названия [Мумё: дзо:си] / Пер. со старояп., предисл. и коммент. Ю. Гвоздиковой. Сер. "Orientalia et Classica: Тр. Инс-та восточных культур и античности". М.: РГГУ (в печати).
4. Ведущие позиции в иерархии жанров в эпоху Хэйан (IX—XII вв.), когда были созданы наиболее известные повести, занимала поэзия, принципы стихосложения осмысливались в трактатах карон. Одно из самых ранних комментаторских сочинений по "Повести о Гэндзи" ("Гэндзи сяку" Фудзивара-но Корэюки, XII в.) было написано на четыре века позже, чем первый трактат по поэзии ("Какё: хё:сики" Фудзивара-но Хаманари, VIII в.). Статус *цукури-моногатари* среди современников был невысок. Повести постепенно завоевывали аудиторию в процессе признания японоязычной прозы в целом.
5. Главный персонаж введения "Записок" — 83-летняя монахиня, от лица которой ведется повествование. Автор описывает посещение ею храма, покинув который, монахиня в поисках места для ночлега случайно находит старую и, на первый взгляд, покинутую усадьбу. Однако дом не заброшен — героиню встречают несколько молодых девушек, приглашают подняться на веранду и рассказать о себе. Попадая в старую усадьбу прежней эпохи, населенную живущими вне времени молодыми особами, монахиня обнаруживает себя среди персонажей хэйанских повестей — придворных дам свиты знатной особы. Автор воссоздает атмосферу произведений *цукури-моногатари*, неотъемлемым элементом которых является жилище хэйанского аристократа, его усадьба. Оказавшись в XI веке, монахиня и читатель становятся свидетелями беседы придворных дам в повестях этого столетия.
6. Мумё: дзо:си — Гунсё руйдзю. Токио: Кэйдай дзасси ся, 1893. Т.11.
7. Мумё: дзо:си — Кокубун тайкан [Дневники и записки] / Под ред. Маруока Кацура и Мацусита Дайдзабуро. Токио: Итакурая сёбо: 1903. Мумё: дзо:си — Синко: гунсё руйдзю: / Под ред. Кавамата Сэйити, Уэда Кадзутоси. Токио: Найгай сёсэки, 1928. Т. 14 (Повести, дневники, путевые записки).
8. Кэнкю: моногатари ["Повесть годов Кэнкю:"] / Под ред. Хисамацу Сэнъити. Токио: Касама сёин, 1973; Мумё: дзо:си — Камакура дзидай моногатари сю:сэй [Собрание повестей эпохи Камакура] / Под ред. Итико Тэйдзи и Мисуми Ё:ити, Токио: Касама сёин, 1992. Т. 5.
9. Последнее появилось в 2004 г. в издательстве "Идзуми сёин" — Мумё: дзо:си: тю:сяку то сире: ["Записки без названия": комментарии и материалы]. Осака: Идзуми сёин, 2004. Публикацию памятника, в которой учтены результаты всех предыдущих его исследований, подготовили члены "Общества по изучению "Записок без названия" ["Мумё: дзо:си риндокай"], объединяющего 19 ведущих специалистов по данному сочинению.
10. Некоторые исследователи приписывают авторство памятника мужчине из дома Микохидари или Кудзё: (части ветви Сэкканкэ (Регентский дом) рода Фудзивара), написавшему их от лица дамы. Ямагиси Токухэй называет автором крупного поэта, филолога и судью поэтических турниров Фудзивара-но Сюдзэй (1114—1204) — См.: Ямагиси Токухэй. Гэндзи моногатари кэнкю: но сёки [Первые сочинения по изучению "Повести о Гэндзи"] // Кокуго то кокубунгаку. Токио: Сибундо: 1925, 2:10. С. 304—305. Гоми Фумихико — поэт и художника Фудзивара-но Таканобу (1142—1205) — См.: Гоми Фумихико. Фудзивара Тэйка но дзидай: тю:сэй бунка но ку:кан [Эпоха Фудзивара Тэйка: Пространство средневековой культуры]. Токио: Иванами сётэн, 1991. Фукадзава То:ру — мыслителя и поэта, главу буддийской школы Тэндай, — монаха Дзизэн (1155—1225) — См.: Фукадзава То:ру. Мумё: дзо:си но топородзи: [Топология "Записок без названия"] // Ко:дза хэйан бунгаку ронкю:. Токио: Кадзама сёбо:, 1998, № 13. С. 309—310.
11. Впервые данную версию выдвинул Сугияма Кэйитиро: — См.: Сугияма Кэйитиро:. Мумё: дзо:си ко: [Размышления о "Записках без названия"] // Кокуго кокубун но кэнкю:. Токио, 1929. № 35. С. 60-84.
12. *Исида Ёсида*. Мумё: дзо:си сакуся ко: [Размышления об авторе "Записок без названия"] // Синкокин сэкай то тю:сэй бунгаку [Мир "Синкокинсю:" и средневековая лите-]

- ратура], Т. 1. Токио: Китадзава тосе сюппан, 1972; Ко:тю: мумё: дзо:си (Коммент. Судзуки Хиромити) [Комментарии к “Запискам без названия”]. Токио: Касама сёин, 1976.; Хигути Ёсимаро. Мумё: дзо:си но хоттан [Начало “Записок без названия”] // Хэйан камакура дзидай санъицу моногатари но кэнкю: [Исследование утерянных повестей эпох Хэйан и Камакура]. Токио: Хитаку сёбо:, 1982; Томикура Токудзиро:. Мумё: дзо:си хе:кай [Критический анализ “Записок без названия”]. Токио: Ю:сэйдо: сюппан, 1988; Мумё: дзо:си (Коммент. Кубоки Тэцуо) — Симпэн нихон котэн бунгаку дзэнсю:, Т. 40. Токио: Сё:гаккан, 1999.
13. Биография Дочери Сюдзэй подробно изложена Кувабара Хироси — См.: Мумё: дзо:си (Коммент. Кувабара Хироси)—Синтё: нихон котэн сю:сэй. Токио: Синтё:ся, 1976. С. 133—153.
  14. В тексте памятника упоминаются имена трех представителей дома Микохидари: Самми Ню:до: (Вступивший на путь Третьей ступени) — Фудзивара-но Сюдзэй, Тэйка-но Сё:сё: (военачальник Первой ступени Тэйка) — Фудзивара-но Тэйка и Таканобу — Фудзивара-но Таканобу.
  15. Ученый проанализировал звания и должности появляющихся в тексте исторических лиц. Имя Тэйка всегда сопровождается указанием звания Первой степени военачальника (сё:сё:). В этом звании он прослужил 12 лет (1189—1201). Таким образом, памятник появился в этот промежуток времени. Упоминание о 7-ом годе Кэнкю: (1196 г.) позволяет сдвинуть верхнюю границу его написания на 7 лет вперед. Имеющееся в тексте высказывание Тэйка о “Восьми поэтических собраниях”, в число которых он не включил “Синкокинсю:” (составление началось в 1202 г.), указывает на то, что “Записки” были написаны до 1202 года — См.: Ямагиси Токухэй. Гэндзи моногатари кэнкю: но сёки. С. 276—352.
  16. Аргументация данной концепции строится вокруг имени Фудзивара-но Таканобу, которое не сопровождается в памятнике рангом или названием должности. В начале 1198 г. он был назначен Главой Управления правой части столицы (укё:-но дайбу), и Тэйка в своем дневнике “Записки при полной луне” (“Мэйгэцуки”) называет Таканобу с указанием этой должности (запись за 25-й день 7-ой луны 1200 г.). Чуть позже его имя как участника поэтических турниров “Готоба Ин сёдо хяксю” (25-й день 8-ой луны 1200 г.) и “Сэнтю: дзю:нин утааваса” (12-й день 9-ой луны 1200 г.) не сопровождается указанным званием, то есть он перестал занимать данный пост в конце июля — в августе 1200 г. Нижняя граница написания памятника определяется ноябрем 1201 г., когда экс-император Готоба отдал распоряжение составить антологию “Синкокинсю:”. — См.: Хигути Ёсимаро. Фукуро дзо:си, Мумё: дзо:си но сэйрицу дзики ни цуйтэ [О времени создания “Фукуро дзо:си” и “Мумё: дзо:си”] // Хэйан камакура дзидай санъицу моногатари но кэнкю:. Токио: Хитаку сёбо:, 1982.
  17. Русский перевод: Ку:кай (Ко:бо:-дайси). Три учения указывают и направляют (Санго: сиики) / Пер. со старояп., коммент. и исслед. Н.Н. Трубниковой. М.: Савин С.А., 2005.
  18. Подробные исследования на этот счет принадлежат: Хигути Ёсимаро. Мумё: дзо:си но хоттан; Мори Масато. Мумё: дзо:си но ко:дзо: [Структура “Записок без названия”] // Кокуго то кокубунгаку. Токио: Сибундо:, 1978, 55:10; Кавасима Кинюэ, Нисидзава Масадзи. Синтю: мумё: дзо:си [Новые комментарии к “Запискам без названия”]. Токио: Бэнсэйся, 1986; Ясуда Норико. Мумё: дзо:си но ро:ни: хицурокуся но якувари о мэгуттэ [Образ старой монахини в “Записках без названия”: о ее роли как фиксирующей услышанное] // Нагоя дайгаку кокуго кокубунгаку. Нагоя. 1991, № 69; Исино Кэйко. Мумё: дзо:си но исю: [Топология “Записок без названия”] // О:тё: дзёрю: бунгаку но синтэмбо: [“Новый обзор произведений “литературы женского потока”] / под ред. Ито: Хироси. Токио: Тикуринся, 2003.
  19. Такаси То:ру. — Мумё: дзо:си: тю:сяку то сирё:. С. 172; Кубоки Тэцуо. — Мумё: дзо:си:. С. 306.
  20. Главными источниками для автора могли послужить сочинения: “Хо:буцусю:”, “Кохонсэцувасю:” (ок. 1130 г.), “Кондзяку моногатари” (“Стародавние повести”, между 1130 и 1140 гг.), “О:кагами” [“Великое зеркало”], “Мурасаки Сикибу никки” [“Дневник

- Мурасаки Сикибу”, XI в.), “Макура-но со:си” [“Записки у изголовья”, X в.], “Эйга моногатари” [“Повесть о процветании”, ок. 1092 г.], “Имакагами” [“Нынешнее зеркало”], антологии “Кокинсю.” [“Собрание старых и новых песен Японии”, 905 г.], “Сю:исю:” [“Изборник”, 1005 г.], “Госю:исю:” [“Второй изборник”, 1086 г.] — См.: Кувахара Хироси. Мумё: дзо:си но дзёсэй рон [Дискуссия о женщинах в “Записках без названия”] // Тю:ко бунгаку. Токио: Тю:ко бунгакай, 1971, № 8.; Кавасима Кинуэ. Мумё: дзо:си: дзёсэй рон но хо:хо: то ко:сэй — сэцува но сэссю то дзюё: о тю:син ни [“Записки без названия”: структура и методы ведения дискуссии о женщинах — вокруг заимствований и адаптации мотивов из сэцува] // Кокубунгаку гэнго то бунгэй. Токио, 1986. № 100.
21. В качестве примера приводятся “старая” и “новая” версии повести “Торикаэбая моногатари”, из которых сохранился лишь “новый” вариант произведения. Русский перевод: см. прим. 1.
  22. Названия повестей указаны здесь в том виде, в каком они встречаются в “Записках без названия”.
  23. Имеется в виду первоначальное широкое значение данного термина — “быть эмоционально тронутым чем-либо”, в данном случае — стихотворением. Использование слова “аварэ” в его узком значении (“печаль”, “тоска”, “томление” и т.д.) стало преобладать в эпоху Хэйан. Этимологически оно восходит к междометию “аппарэ” (“ах!”), круг его эмоциональных состояний включал восхищение, умиление, чувство любви, жалости, интереса и т.п. В таком значении его использовали поэты антологии “Манъё:сю:” (“Собрание мириад листьев”, VIII в.). Чувство взволнованности и растроганности времен “Манъё:сю:”, передаваемое через “аварэ”, в эпоху Хэйан приобрело элегическую окраску, произошло сужение значения данного термина.
  24. Например, рассмотрение отрывка об отъезде Гэндзи в Сума, его путешествии до места ссылки и пребывании в Сума сводится к полному или частичному цитированию девяти песен героев.
  25. Русский перевод: Повесть о Сагоромо [Сагоромо моногатари]; Повесть о Такамура [Такамура моногатари] / Предисл., пер. с яп. и прим. В.И. Сисаури. М.: Наталис-Рипол Классик, 2007.
  26. *Сугиока Цукико*. Мумё: дзо:си ни цуйтэ [О “Записках без названия”] // Ринсё:тэки ти но танкю:. Осака: Со:гэнся, 1988. С. 58.
  27. *Симаути Кэйдзи*. Мумё: дзо:си но иги [Значение “Записок без названия”] // Гэндзи моногатари но эйкё: си [История влияния “Повести о Гэндзи”]. Токио: Касама сёин, 2000. С. 285.

Научная жизнь

Конференция по проблемам Центральной Азии и Шанхайской организации сотрудничества

18—20 сентября 2007 г. в Шанхае состоялась 8-я международная конференция по проблемам Центральной Азии и Шанхайской организации сотрудничества. Организаторами конференции выступили Ассоциация культурных обменов с границей г. Шанхая, Китайский фонд исследования международных проблем, Шанхайский центр исследования международных проблем и Центр исследования ШОС Академии общественных наук Шанхая. Основную практическую работу по проведению конференции взяла на себя последняя из перечисленных организаций, хорошо известная в Китае и за рубежом публикацией сборников документов Шанхайской организации сотрудничества на китайском языке и подготовкой первых китаеязычных научных трудов по проблемам ШОС¹.

В работе конференции приняли участие около сорока ученых, дипломатов, журналистов из Китая, России, США, Швеции, Австрии, Японии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана. Китайскую сторону представляли ведущие ученые по проблемам России, Центральной Азии, российско-китайских отношений Син Гуанчэн, Фэн Шаолэй, Чжао Хуашэн, Сюй Тао, Пань Гуан, директор Китайского института международных проблем МИД КНР Ма Чжэньган, первый генеральный секретарь ШОС Чжан Дэгуан, нынешний заместитель генерального секретаря ШОС Гао Юйшэн, сотрудники ряда региональных научных центров и СМИ Шанхая. От Казахстана в конференции участвовали Ф. Кукеева из Национального университета, Н. Кассенова из Института управления, экономики и стратегических исследований и Д. Абен, представлявший Центр изучения проблем нераспространения (оружия массового поражения) Института международных исследований в Монтеррее (США). Еще одним представителем науки центральноазиатских государств был Эрлан Абдилдаев из Института общественной политики Кыргызстана, ранее занимавший посты посла в КНР и замминистра иностранных дел Кыргызстана. В основном Центральную Азию представляли работники консульств соответствующих государств в Шанхае. Также следует отметить участие в работе конференции известного специалиста по России Маршалла Голдмана (США), который, как и Фэн Шаолэй, принимал участие в состояв-

шейся в Сочи буквально накануне конференции встрече В.В. Путина с членами "Валдайского клуба". Другими участниками от "внерегionalных сил" были Никлас Сванстрем из Швеции, являющийся главным редактором журнала "The China and Euroasia Forum Quarterly" ("Форум Китая и Евразии"), издающегося Университетом Уппсалы, и известный специалист по проблемам российско-китайской границы Акихиро Ивасита из Саппоро, Япония, ныне на временной основе ведущий исследования в Институте Брукинса, Вашингтон, США.

От России в конференции участвовали В.Я. Портяков (Институт Дальнего Востока РАН), Алия Тиморшина (Центр исследования проблем Восточной Азии и ШОС МГИМО), сотрудники МИД РФ и Генерального консульства России в Шанхае.

В ходе конференции были рассмотрены три группы вопросов: ситуация в сфере безопасности и экономическое развитие Центральной Азии; Россия, США, Китай, Европейский союз и Япония в Центральной Азии; роль ШОС в регионе.

Участники дискуссии оценили современную ситуацию в Центральной Азии как непростую, поскольку достигнутые в регионе относительная стабильность и приличный экономический рост далеко не гарантируют в перспективе от негативного влияния внутренних и внешних факторов. Ряд экспертов высказал мнение, что "прямая реальная угроза безопасности стран Центральной Азии носит внутренний характер" и что факторы, вызвавшие несколько лет назад нестабильность в Кыргызстане и Узбекистане, по-прежнему существуют.

Как полагают участники конференции, многие нынешние проблемы государств Центральной Азии прямо связаны с особенностями постсоветского периода их развития. Так, стремление к скорейшему обретению собственной идентичности предопределило проведение руководством ряда стран целенаправленной политики "традиционализации", способствовавшей, в свою очередь, исламизации населения, причем в условиях низкого уровня жизни влияние ислама росло особенно заметно именно "внизу", в обществе. Встречались в Центральной Азии и попытки некритического заимствования западной модели развития, базировавшиеся на вере в возможность решить таким путем все имеющиеся проблемы, но натолкнувшиеся на серьезное препятствие в виде реальной специфики стран региона. По мнению Чжао Хуашэна, ученые должны ясно видеть, что далеко не все отличительные особенности ("гоцин") конкретных государств Центральной Азии рациональны, в них есть существенная толика отсталости. Поэтому экономическое развитие этих стран, будучи необходимой предпосылкой достижения стабильности, не является единственной предпосылкой. Как минимум, его следует дополнить правильной социальной политикой. Военное противостояние терроризму в регионе не даст коренного решения существующих проблем, здесь нужны комплексные подходы.

Между тем вопрос о том, способно ли обеспечить комплексное развитие своих стран нынешнее руководство республик, остается открытым. Ряд участников указал на отсутствие в государствах региона институционального механизма сдержек и противовесов. Прозвучало мнение, что центральноазиатские режимы не являются аналогом восточноазиатских авторитарных режимов, которые смогли осуществить модернизацию своих стран.

Вероятно, такие оценки выглядят излишне жесткими, однако несомненно, что в условиях начавшейся в постсоветской Центральной Азии смены политических элит вышеназванные и другие проблемы (например, межэтнические трения), особенно в государствах более тяжелой весовой категории, могут негативно повлиять на ситуацию и баланс сил в регионе.

Одной из важных особенностей ситуации в постсоветской Центральной Азии является, по мнению Н. Сванстрема, неразвитость внутрирегиональной торговли и доминирование двусторонних, а не многосторонних связей в сложившемся экономическом сотрудничестве. Необходимое развитие инфраструктуры и устранение высоких торговых тарифов требуют существенных затрат, причем в сжатые сроки. Поэтому к развитию экономических связей в этом регионе нужно подходить не с точки зрения извлечения непосредственной коммерческой выгоды, а с ориентиром на вовлечение Центральной Азии, 70% которой ныне выключено из торговых отношений, в общий мирохозяйственный контекст. Эта задача усложняется тем обстоятельством, что рост межрегиональной торговли на практике нередко порождает новые проблемы в виде увеличения наркотрафика и масштабов коррупции и создает подчас дополнительное напряжение в двусторонних политических отношениях. Поэтому если Шанхайская организация сотрудничества сможет справиться со сложными проблемами региона и на деле способствовать его экономической интеграции, то она будет играть здесь ведущую роль.

Как считают участники конференции, на ситуацию в постсоветской Центральной Азии влияют и многие международные факторы, в том числе положение в соседнем Афганистане и географически близком Пакистане, нарастающая конкуренция больших держав. Попытки выдавить соперников из ЦА могут нарушить и без того хрупкий баланс сил в регионе. В частности, ослабление влияния здесь России и разворот ряда республик в сторону Афганистана были бы чреваты общей "афганизацией" ЦА. В данном контексте было высказано мнение, что вероятный вывод войск США из Ирака может стимулировать всплеск терроризма и экстремизма в мире, в т.ч. в Центральной Азии. Требуют постоянного мониторинга и такие действующие в регионе нетрадиционные факторы опасности, как миграции, заразные болезни, загрязнение окружающей среды.

По мнению Сюй Тао, противодействовать многочисленным вызовам, существующим в ЦА, нужно сообща, исходя из общих интересов, действуя через сотрудничество, развивая взаимное политическое доверие, ориентируясь на общую выгоду и обеспечение комплексной безопасности.

Нарастающее присутствие в ЦА внерегиональных сил во многом объясняется соперничеством глобальных акторов за ресурсы региона и за влияние в нем. В то же время свою роль сыграло и стремление постсоветских государств региона к диверсификации внешних связей, их желание быть не объектами, а субъектами мировой политики. Эту идею особенно активно декларировали ученые из Казахстана. По их мнению, хотя для Казахстана альтернативы тесным отношениям с Россией нет, и Россия однозначно останется партнером номер один, однако одновременно Астана стремится преодолеть "синдром маленького младшего брата" и диверсифицировать маршруты транспортировки нефти и га-

за на внешние рынки, прорвав существующую здесь монополию России. В этом заинтересованы и остальные постсоветские государства ЦА.

Ставился на конференции и вопрос о том, могут ли Россия и Китай “построить” Центральную Азию вдвоем, исключив западных акторов. Представитель Казахстана дал на него отрицательный ответ, апеллируя не только к стремлению стран ЦА сохранить хорошие отношения с западными партнерами в качестве балансира против чрезмерного давления со стороны России и Китая, но и в связи с их будто бы “неспособностью дать достаточно средств для модернизации региона в широком смысле, включая развитие человеческого потенциала, равно как и неспособностью обеспечить нормальную политическую трансформацию региона” — для этого, дескать, требуются усилия всех внешних акторов.

Китайские ученые не стали прямо критиковать эту точку зрения, ограничившись замечанием, что политика многовекторности приносит успех не автоматически, а лишь при надлежащем проведении.

Вопрос о присутствии и роли США в регионе так или иначе затрагивался во многих выступлениях. Пожалуй, элемент косвенной критики политики США в ЦА содержался в речи на открытии конференции посла Ма Чжэньгана. По его словам, “некоторые западные страны, не учитывая конкретные особенности государств Центральной Азии, делают “демократические преобразования” главной целью своих отношений с регионом и даже поощряют так называемые “цветные революции”, стремясь расширить свое политическое и военное влияние, что ведет к еще большему усилению факторов нестабильности в регионе”. Впрочем, это замечание было отчасти сбалансировано критикой послом тех, кто считает ШОС “антинаатовской организацией” или даже “антизападным союзом”, и декларацией о поддержке странами-членами ШОС “хороших отношений сотрудничества” с США, Европой, Японией и другими главными государствами мира. Не вступая в прямую полемику с критиками политики США в ЦА, М. Голдман заметил, что “не все проблемы в мире созданы Соединенными Штатами — некоторые исходят от Китая, некоторые — от России, а некоторые — даже от самих государств Центральной Азии. И если бы США вдруг исчезли, то многие проблемы региона остались бы”.

Активным пропагандистом широкомасштабного сотрудничества Центральной Азии с Японией выступил А. Ивасита. По его словам, усиление присутствия Японии в регионе привлекательно прежде всего своей “бесцветностью” (т.е. отсутствием угрозы существующим режимам). Япония могла бы на первых порах быть партнером ШОС по диалогу и сыграла бы в этом качестве конструктивную роль в формировании более широкого форума по обеспечению безопасности в Евразии. Весьма любопытным представляется заявление А. Иваситы о “естественном партнерстве Китая и Японии в импорте нефти и газа”. По его словам, Япония и Китай должны тесно взаимодействовать в этой сфере, обсуждать существующие здесь проблемы друг с другом прежде чем выходить на Россию и государства ЦА, плюс обсуждать вопрос цен на энергоносители с Россией вместе, а не по отдельности, подозрительно поглядывая друг на друга.

Нефтегазовый вектор ситуации в Центральной Азии затрагивался в выступлениях многих участников конференции и в специальном докладе директора Центра изучения ШОС ШАОН Пань Гуана. Достаточно свежо прозвучали

слова китайских ученых о том, что КНР может стать транзитером центральноазиатского газа к Тихому океану и что Китай рассматривает Центральную Азию не только как поставщика углеводородов, но и как вероятный наземный маршрут транспортировки нефти из Ближнего Востока в КНР. Обеспечить закрепление Китая в сфере добычи и транспортировки углеводородов в Центральной Азии призваны такие “козыри”, как наличие огромных валютных резервов и ряда мощных компаний по добыче и переработке углеводородов.

Очевидное наличие конкуренции различных стран и компаний за нефтегазовые ресурсы Центральной Азии и маршруты их транспортировки вполне естественно, но оно, полагает Пань Гуан, не препятствует развитию сотрудничества. Уникальную позитивную роль в сглаживании противоречий между конкурентами и интеграции в единое целое разнонаправленных интересов России, Китая и центральноазиатских государств играет Шанхайская организация сотрудничества.

Китайские участники конференции всячески подчеркивали, что Китай никоим образом не стремится уменьшить роль России в ШОС, в т.ч. экономическую, либо ограничить “российское пространство” в Центральной Азии, но, напротив, исходит из общности стоящих перед двумя странами задач в регионе.

По мнению западных ученых, способность гибко преодолевать российско-китайские трения по таким вопросам, как поставки туркменского газа, и адекватное приспособление России к усилению влияния Китая в Центральной Азии будут ключевыми для функционирования ШОС. Ученые из государств Центральной Азии полагают, что “тяжеловесы ШОС” должны более внимательно относиться к интересам и инициативам остальных стран-членов организации, активнее конвертировать многочисленные декларации в реальное сотрудничество. В любом случае, констатировала конференция, ШОС все еще остается молодой структурой, которой есть чему поучиться у зрелых международных организаций.

© 2008

*В. Портяков
зам. директора ИДВ РАН*

1. К настоящему времени опубликованы три сборника таких документов, охватывающие соответственно периоды с апреля 1996 г. (создание “Шанхайской пятерки”) до августа 2003 г., с сентября 2003 г. по август 2005 г. и с сентября 2005 г. по август 2007 г. Пань Гуан и Ху Цзянь стали авторами первой монографии Центра, посвященной проблемам ШОС: “21 шицзи дэ ди и гэ синьсин цюйюй хэцзо цзучжи” — дуй Шанхай хэцзо цзучжи дэ цзунхэ яньцзю”. [Первая организация регионального сотрудничества нового типа — комплексное исследование Шанхайской организации сотрудничества]. Пекин: Изд-во парт. школы ЦК КПК, 2006. 230 с.

Россиеведение в Республике Корея (на примере общественных наук)

© 2008

Чан Док Чжун

1. Введение

Прошло пятнадцать лет с тех пор как Республика Корея и Россия (тогда Советский Союз) установили дипломатические отношения после длительного периода антагонизма. С тех пор сотрудничество, а также политические, экономические и культурные обмены между двумя странами постоянно расширялись. В атмосфере дружбы и партнерства между Москвой и Сеулом очевиден был постоянный рост интереса к россиянам и российскому обществу в Корее как среди обычных людей, так и среди интеллигенции. За пятнадцать лет это привело к увеличению штата ученых и расширению инфраструктуры в области российских исследований. Учитывая короткую историю российско-корейских контактов и сотрудничества, удивляет тот факт, что корейское россиеведение развивалось очень быстро, а программы исследований России в области высшего образования неперестанно привлекали внимание студентов.

Однако, несмотря на заметный количественный рост, качество россиеведения в Корее пока оставляет желать лучшего. В этой статье предпринята попытка схематически отразить общие тенденции в исследованиях за прошедшие десять лет. Кроме того, здесь поднимаются некоторые проблемы, существующие в данной области, а также выдвигаются предложения для дальнейшего развития россиеведения в Южной Корее.

Данная статья не является полным обзором положения дел в корейском россиеведении. Это — предварительный обзор прошедших событий и общей ситуации в области российских исследований, выполненный на основе отобранной литературы, особое внимание уделено внутренней и внешней политике, экономическим проблемам, а также социальным и культурным явлениям¹. Поскольку предыдущие обзоры главным образом затрагивали работы, опубликованные до середины 1990-х гг., я хотел бы остановиться на российских исследованиях в Южной Корее, начиная с середины 1990-х гг.²

Нами использованы исследования (главным образом в области общественных наук), опубликованные в журналах, занимающихся россиеведением или славяноведением. Не рассматривались статьи в журналах на иностранных языках, а также статьи иностранных ученых, опубликованные в корейских журналах. Кроме того, не рассматриваются работы, основанные на сравнительных исследованиях, несмотря на существенную актуальность некоторых из них.

II. Предыдущие обзоры в области российских исследований в Корее

Существуют работы, рассматривающие литературу по российским исследованиям в Корее. Ким Хак Чжун опубликовал несколько работ по истории и современному положению дел в области советских/российских исследований в Корее. Его главный интерес направлен на краткий исторический обзор советских/российских исследований в Южной Корее. Пионером россиеведения в Корее он считает Чхве Нам Сонна с его переводами романов Толстого в 1909 г.³ В другой статье, периодизируя советские/российские исследования со времен Второй мировой войны, Ким выделяет три поколения в истории советских/российских исследований в Корее⁴.

В других работах обзор российских исследований в Корее проводится главным образом в рамках общей тенденции изучения количественных и качественных аспектов. Чунг Хан Гу, например, проводит обзор российских исследований в Корее периода 1945—1990-х гг. По его утверждению, с конца 1980-х гг. в связи с так называемой “северной политикой” научная деятельность, направленная на изучение Советского Союза и России, стала существенно активизироваться и привела к появлению многочисленных книг и статей. Однако, несмотря на значительное увеличение публикаций, их качество не могло удовлетворить всех ожиданий. Для доказательства этого вывода он использует частоту использования материалов на русском языке как необходимого элемента новизны исследования⁵. В другой своей работе Чунг утверждает, что те же самые проблемы существуют и в исследовании российского Дальнего Востока. Таким образом, работы по изучению российского Дальнего Востока вплоть до начала 1990-х гг. в основном проводились в форме политологических исследований и были нацелены на предоставление базовых знаний и информации корейскому правительству и компаниям, планирующим вложить капитал на российском Дальнем Востоке⁶.

В ряде других работ утверждается, что вплоть до конца 1980-х гг. возможности исследований были очень ограниченными, поскольку оригинальных данных и материалов у исследователей было недостаточно. В области общественных наук, как утверждает Ха Ен Чхоль, российские исследования были, по большей части, ориентированы на изучение политики. Ха утверждает также, что после развала СССР в российских исследованиях, проводимых корейскими учеными, игнорируется преемственность традиций и наследия прошлого в анализе различных аспектов современного российского общества. Он критикует некоторые исследовательские работы за попытки “импортировать” западные понятия и методы без учета культурного и исторического контекста российского общества⁷.

Другой ученый, Ян Хен Су, достаточно всесторонне рассматривает прошлые события и существующую ситуацию в российских исследованиях в Корее. В центре его обзора — общее состояние дел в российских исследованиях, особое внимание уделено возможностям, темам и методам исследований. Он указывает на то, что темы работ в российских исследованиях были ограничены определенными областями: внутренней и внешней политикой. Ян также отмечает проблему недостатка необходимых данных и штата ученых, обладающих достаточным знанием в области общественных наук и хорошо владеющих русским языком⁸.

Мун Су Он исследует тенденции россиеведения в Южной Корее, концентрируясь на статьях, опубликованных с 1991 г. в журнале *Чжунг-со энгу*, являющемся одним из самых престижных научных периодических изданий в области российских исследований. Как и в предыдущих работах, Мун указывает на проблему повышенной концентрации исследований в нескольких областях, таких как политология, дипломатия и экономика. Однако после рассмотрения работ различной тематики Мун признает, что горизонты исследований в корейском

россиеведении были за последнее время значительно расширены. В частности, он высоко оценивает недавние тенденции, выразившиеся в стремлении развивать альтернативную модель для объяснения системных преобразований в России, критически принимая переходные теории западных ученых⁹. Существует также несколько работ, рассматривающих тенденции и основные проблемы советских/российских исследований в Западных странах.

III. Развитие российских исследований в Корее

Перед установлением дипломатических отношений между Южной Кореей и Россией (тогда Советским Союзом) отношение к России среди ученых, общественных деятелей, а также чиновников в Корее можно охарактеризовать как русофобию или настороженность. В основном под влиянием пропаганды японского империализма в конце XIX и начале XX в. имидж России полностью изменился в отрицательную сторону, за исключением некоторых общественных деятелей, ориентированных на социализм, и некоторых социалистических группировок, вовлеченных в процесс освободительного движения во времена японского колониального режима. Отрицательное отношение к России достигало высшей точки во время эпохи холодной войны. Советский Союз рассматривался как враг. Поэтому в начале послевоенного периода исследования коммунизма и Советского Союза были в Южной Корее почти полностью запрещены. Только в середине 1950-х и начале 1960-х гг. преподавание и исследование Советского Союза, русского языка и российской культуры стали проводиться в ограниченных масштабах. Такие действия стали разрешаться, исходя из известного китайского изречения, суть которого в том, что “для того чтобы победить врага, прежде всего, необходимо его хорошо знать”.

Поскольку настроение разрядки стало доминирующей особенностью международных отношений в период начала 1970-х гг., Южная Корея попыталась “подружиться” с Москвой, выразив намерение развивать рабочие отношения с Советским Союзом. В ответ на дружественную политику Сеульского правительства советские люди также проявили некоторые “жесты доброй воли” по отношению к Южной Корее. В процессе восстановления отношений с Советским Союзом в Южной Корее были учреждены многочисленные научно-исследовательские институты для изучения проблем объединения между Севером и Югом, международных отношений в Северо-Восточной Азии, а также политики и общества ведущих мировых держав. Кроме того, было организовано большое количество научных семинаров при участии различных правительственных и гражданских учреждений для анализа текущих проблем в регионе и выработки альтернативной политики межкорейских отношений и отношений между ведущими мировыми державами, вовлеченными в процесс объединения. В этот период советские исследования по существу фокусировались на политике Москвы по отношению к Корейскому полуострову и Северо-Восточной Азии в целом. В течение 1970-х гг. было учреждено несколько научно-исследовательских институтов, занимающихся исследованиям России и Советского Союза, а именно: Научно-исследовательский институт по проблемам Советского Союза и Восточной Европы при Университете иностранных исследований Хангук (1972 г.), Институт советских исследований при Университете Ханьян (1977 г.), позже объединенный с Институтом китайских исследований, затем преобразованный в Институт китайско-советских исследований, Институт дальневосточных Исследований при Университете Кеннам. Наряду с учреждениями нескольких научно-исследовательских институтов в университетах, в Южной Корее начали появляться местные доктора философии с диссертациями по советологии и россиеведению. В течение 1970-х гг. в общей сложности были присвоено 28 магистерских и 5 докторских степеней.

С конца 1970-х гг. благодаря активному поощрению Сеульским правительством отношений с коммунистическими странами, получившему название “северной политики”, а также щедрой правительственной финансовой поддержке, советские исследования в Южной Корее стали быстро процветать. В результате в течение периода конца 1970-х начала 1980-х гг. было опубликовано приблизительно 100 статей, монографий и книг. В этот период главные научно-исследовательские институты, занимающиеся советскими/российскими исследованиями, такие как Институт китайско-советских исследований при Университете Ханьян и Институт российских и восточноевропейских исследований при Сеульском Национальном университете, были реформированы или заново учреждены, внося свой вклад в укрепление исследовательской инфраструктуры в области советологии и россиеведения. Кроме того, учрежденная в 1979 г. Корейская ассоциация коммунистических исследований (KACS), являющаяся главным звеном в вопросах изучения коммунизма, играла важнейшую роль в продвижении научных исследований коммунистических стран, включая Советский Союз. А в 1985 г. с целью поощрения исследования славянских культурных регионов и помощи специалистам по России была учреждена Корейская ассоциация славяноведения (KASS). Это стало причиной возвращения большого количества россиеведов, обучавшихся в ведущих университетах Западной Европы и Соединенных Штатов, которые хотели внести свой вклад в углубление исследования России и Советского Союза, а также в расширение горизонтов советских/российских исследований. Поэтому с конца 1970-х гг. количество советских/российских исследований в Корее начало резко расти, в течение этого же периода значительно улучшилось и их качество.

С начала 1990-х гг. регионоведение стало “быстро развивающейся отраслью промышленности” в области исследований. Под лозунгом глобализации, южнокорейское правительство начало увеличивать финансовую поддержку научно-исследовательских работ по регионоведению, стало предоставлять административную и финансовую помощь для образовательных программ в главных университетах Кореи, поскольку стране требовались специалисты для удовлетворения спроса в сфере международной торговли, дипломатии и культурного сотрудничества. Например, в 1991—1995 гг. ежегодные средние темпы роста правительственных грантов, предназначенных для проектов по регионоведению, превысили 100%¹⁰. В 1996 г. Министерство просвещения Республики Корея выделило девять университетов в качестве исследовательских и образовательных центров по подготовке аспирантов в области международных отношений и регионоведения. За период 1996—2000 гг. корейское правительство предоставило этим университетам существенную финансовую поддержку в общей сумме 76 млрд вон, или 84 млн долларов США¹¹. Среди этих учебных заведений Сеульский национальный университет, Университет Ханьян и Университет иностранных языков Хангук вышли с предложением программ российских исследований. Такая массовая финансовая поддержка позволила специалистам-регионоведам, а также аспирантам посетить зарубежные страны, включая Россию, с целью проведения исследования или изучения языка и культуры. С 2002 г. проекты по регионоведению осуществлялись при финансовой поддержке грантов Корейского фонда исследований (KRF) под названием “Поддержка фундаментальных исследований”¹². Несколько научно-исследовательских групп из основных университетов, таких как Сеульский национальный университет, Университет Кенхи и Университет Хангук, серьезное внимание уделяющие исследованиям российской политики, экономики, общества и культуры, получили финансовую поддержку от KRF.

Наряду с расширением финансовой поддержки российским исследованиями произошли некоторые институциональные изменения. В дополнение к отде-

лениям русского языка и литературы, которые начали создаваться с середины 1950-х гг. в нескольких университетах, с конца 1980-х по начало 1990-х гг. стали вводиться отделения россиеведения для предоставления студентам языковых навыков и знаний об истории России и ее современном положении. Например, в университете Пэдже было создано отделение советских исследований, в 1992 г. переименованное в отделение россиеведения. В университетах Халлим и Кукмин были открыты отделения российских исследований в 1992 и 1998 гг. соответственно. Эти “новички” в области высшего образования на поприще российских исследований играли центральную роль в расширяющейся инфраструктуре россиеведения. Например, в университете Пэдже в 1996 г. был открыт Корейско-сибирский центр. А в 2005 г. в университете Халлим был учрежден Институт российских исследований, в то время как в университете Кукмин был основан Институт евразийских исследований. Таким образом, в течение 1990-х гг., отвечая повышению требований в корейском обществе в политических, экономических и культурных обменах с зарубежными странами под лозунгом глобализации, объем инвестиций в исследования и инфраструктуру образования в области россиеведения продолжал существенно расти.

IV. Последние тенденции в российских исследованиях в Корее

В середине 1990-х гг. молодые ученые, получившие образование в России, или как некоторые называют их, “третье поколение” россиеведов Кореи, начали возвращаться со степенями доктора философии. Приток этих молодых ученых в середине 1990-х гг. значительно обогатил штат специалистов в области российских исследований. Прежде всего, благодаря хорошему знанию русского языка и личным связям с российскими учеными и научными учреждениями, они могли обрабатывать материалы правительственных архивов, проходить учебно-производственную практику, включая исследования методом опроса и интервью, а также изучать обширное количество материалов на русском языке. Благодаря тесному сотрудничеству и совместным проектам ученых, обучавшихся в западных странах, получивших образование в России, а также отечественных специалистов, россиеведение с конца 1990-х гг. обрело новое дыхание. Сообщество россиеведов в Корее являлось катализатором существенных изменений качества и содержания научных исследований, создав несколько новых направлений¹³. Помимо изменений, отразившихся в объединении трех поколений исследователей, новые тенденции были вызваны изменениями в подходе к содержанию и направлениях системного преобразования России. Динамика системных преобразований в каждом секторе российского общества стимулировала корейских ученых исследовать разнообразные аспекты проблем российского общества. Расширение инфраструктуры и увеличение финансовой поддержки российских исследований позволяли корейским ученым проводить учебно-производственную практику в различных регионах Российской Федерации.

Во-первых, корейские ученые стали поднимать самые разнообразные политические вопросы. Учитывая, что реформы 1990-х гг. не оправдали надежд, дискуссии по проблемам сущности реформ и системного преобразования были тесно связаны с природой самого государства. В связи с этим некоторые ученые стали задумываться над ролью и особенностями российского государства в переходный период. Пак Су Хон объясняет результаты раннего этапа российской приватизации главным образом разделенной государственной властью и тем, что это была “приватизация посвященных лиц”. Ли Ин Сонг утверждает, что неудовлетворительные достижения социально-экономических реформ были следствием слабости государства¹⁴. Ким Чханг Чжин объясняет проблемы, связанные с проведением политики реформ, некомпетентностью и бюрократичностью чи-

новничьего аппарата России. Он также выделяет направляемую государством правящую коалицию, основанную на власти и материальных ресурсах, как это было в Российской Империи, где власть и социальные ценности были распределены по иерархическим и взаимозависимым среди правящих элит каналам¹⁵. Ли Енг Хен рассматривает в своей книге особенности эволюции государственного устройства в России, начиная с Киевской Руси и заканчивая усилиями Путина построить "сильное государство"¹⁶. Ким Тхе Хван в течение 1990-х гг. утверждал, что для российской государственной системы был характерен нео-феодализм, в котором своего рода коалиция между федеральным правительством, олигархией и региональной властью стала залогом относительно устойчивого управления¹⁷. Канг Хе Рен приходит к заключению, что отношения между государством и обществом в современной России являются продуктом комбинации слабого государства, находящегося на стадии демократизации в процессе переходного перехода, и зависимого гражданского общества. Хотя государство находится в более сильной позиции по отношению к гражданскому обществу, оно, по ее мнению, уже утратило свои патерналистские и лидерские возможности¹⁸.

Таблица 1

**Количество журнальных статей по отдельным областям
российских исследований**

Области исследования	Годы	1990-1993	1994-1997	1998-2001	2002-2005	Общее количество предметов (%)
Внутренняя политика		8	12	14	10	44 (14,9%)
Внешняя политика		32	13	16	17	78 (26,3%)
Военные дела		3	0	2	2	7 (2,4%)
Экономика		21	22	21	13	77 (26,0%)
Социальные и культурные Проблемы		4	8	9	9	30 (10,1%)
История		17	10	7	18	52 (17,6%)
Подходы и теории		4	1	0	3	8 (2,7%)
Общее количество за год		89	66	69	72	296 (100%)

Составлено автором и основано на подсчете статей в журналах по российским исследованиям. Рассмотрены следующие журналы: Чжунг-со энгу (Университет Ханьян), Слабы энгу (Университет иностранных исследований Хангук), Слабы Хакпо (Корейская ассоциация славяноведения), Росиа энгу (Сеульский национальный университет).

Во-вторых, в отличие от существующих направлений научной деятельности, главным образом посвященной внутренней и внешней политике, экономике на основе макроанализа, в течение последних нескольких лет было сделано множество исследований, основанных на теориях среднего эшелона. Например, Чон Хонг Чхан провел редкое исследование, основанное на материалах его собственного опроса 4-х тыс. жителей различных регионов России. В своем исследовании Чон пробует разобраться в социально-экономических факторах, повлиявших на результаты парламентских выборов 1993 и 1995 гг. Согласно этому исследованию, российские избиратели с высоким уровнем образования и дохода имеют тенденцию поддерживать партии, ориентируемые на реформу, в то время как безработные и старшее поколение обычно голосуют за левые партии, та-

кие как КПРФ. Интересно, что избиратели с более высоким уровнем преступности имеют тенденцию поддерживать националистические партии, такие как ЛДПР¹⁹. В качестве другого примера Канг Хе Рен делает попытку рассмотреть особенности деятельности профсоюзов на материале двух различных предприятий: маленькой компании, производящей кулинарные жиры, и крупной автомобильной компании. Подробно исследуя формы организации, стили переговоров и другие действия, она утверждает, что профсоюз крупной компании ведет активные переговоры и внешнюю деятельность, опираясь на официальные инстанции²⁰. Чон Хонг Чан и Чанг Док Чжун опубликовали работу, основанную на эмпирическом, "средне-эшелонном" исследовании экономических реформ. Они изучали различия в восприятии реформ среди интеллигенции и влиятельных лиц на Дальнем Востоке и в Москве²¹.

В-третьих, одна из особенностей недавних тенденций в российских исследованиях в Корее состоит в том, что в определенном смысле произошло расширение возможностей исследования в пространственном плане. Раньше большинство исследований, посвященных России, были главным образом связаны с общенациональными проблемами или явлениями федерального уровня. Однако по мере децентрализации и демократизации российского общества в постсоветский период, ситуация в регионах Российской Федерации стала одной из главных тем российских исследований в Корее. По мнению Ким Сон Чжина, регионализм стал рассматриваться в качестве одной из главных переменных в изучении российской политики и общества. Согласно полученным им данным, одна из основных причин появления регионализма и конфликтов между Москвой и экономические факторы, такие как жизненный уровень, производительность труда, объем внутренних и внешних инвестиций, а также внешнеэкономическое сотрудничество. В частности, в центре внимания корейских россиеведов оказалась Сибирь с ее богатством природных ресурсов²². Ли Енг Квон исследует роль региональных партий в местной политике регионов Сибири. По его утверждению, под влиянием сильного регионального лидерства местные партии мирно уживались друг с другом, даже опережая общенациональные партии на выборах в местные органы власти²³. Ким У Чжун в своей работе анализирует изменение отношений между центральным правительством и Сибирью/Дальним Востоком²⁴.

В-четвертых, с конца 1990-х гг. появился новый подход к исследованиям системного преобразования и политики реформ в России — перспектива политической экономики. Чтобы понять сложный процесс финансовой реформы в Корее, Ким Тхэ Ван исследует рыночные и антирыночные силы в российском обществе. Ким утверждает, что российская олигархия склонна сотрудничать с правительством, только если правительственные реформы принесут ей выгоду независимо от содержания реформ — будь они рыночного или антирыночного толка²⁵. Хан Бун Чжин дает другое объяснение этому вопросу. Наблюдая за отношениями между государственными и деловыми элитами и их внутренней динамикой, Хан пробует выделить факторы, которые способствовали продвижению реформ в некоторых случаях при Ельцине и Путине²⁶. Используя переходную теорию, Лим Кен Хун исследует возможность осуществления стратегии либеральной экономической реформы в России. Он утверждает, что на ранней стадии российских реформ все усилия должны быть направлены на учреждение государственных и общественных институтов, чтобы сдерживать появление привилегированных групп и ограничивать действия победителей переходного периода, гонящихся за легкой наживой²⁷.

В-пятых, с подключением социологов и других специалистов по проблемам общества, горизонт российских исследований в Корее значительно расши-

рился, а их содержание стало разнообразнее. Другими словами, в отличие от предыдущего периода, в течение которого темы исследований были сосредоточены на политике и экономике, с конца 1990-х гг., научные работы отражали более широкий диапазон проблем в российском обществе. Кроме того, разнообразие социальных проблем стало главным объектом исследований россиеведения в Корее. Чой У Ик в своих работах пишет о появляющейся социальной стратификации, включая класс предпринимателей. Согласно его анализу, после того как рыночная экономика заняла место плановой, на основе старой социальной стратификации при социалистической структуре экономики, появились новые социальные классы, такие как деловые элиты²⁶. Ким У Сынг размышляет о преемственности и изменениях социальных норм и ценностей в российском обществе. Приспосабливаясь к изменениям, происходящим в ходе постсоветского преобразования, вооружившись стратегией выживания, россияне все еще придерживаются традиционных ценностей и образа жизни, таких как коллективизм, превосходство государственной власти над обществом. К тому же для них характерен менталитет доверия государству в плане приобретения различных товаров и услуг, равно как общественных товаров и административных услуг²⁹. Другая недавно появившаяся тема — это социальный капитал и неофициальная сеть в российском обществе. На основе своего исследования-опроса в Новосибирске, Бэ Чжонг Хан приходит к выводу, что и на уровне элит, и на уровне масс в различных сферах российского общества в замаскированном состоянии все еще остаются неофициальные сети, типа “блата”, административного рынка и “кlientизма”. В этом же контексте, в качестве барометра демократической консолидации и перспектив реформ, в работе Чхве Тхе Гана обсуждается тема доверия и недоверия в российском обществе³⁰.

Другая группа корейских ученых занимается определенными аспектами некоторых важных социальных проблем в постсоветской России, такими как проблемы жилья, трудоустройства, экологии, а также гендерными проблемами. Некоторые политологи и экономисты, такие как Ом Гу Хо, Сун Вон Ен и Чанг Док Чжун проводят анализ прошедших и настоящих ситуаций в сфере жилищной реформы России³¹. Ли Сан Чжун занимается изучением трудовой политики и рынка труда России. Кроме того, есть ученые, которые исследуют экологические проблемы России в течение переходного периода, а также ученые, пытающиеся осветить феминизм и женское движение.

В-шестых, исследования российско-корейского сотрудничества существенно расширились после активизации двусторонних отношений между двумя странами³². Исследования таких двусторонних отношений включают широкий диапазон проблем: дипломатические отношения, торговлю и инвестиции, сотрудничество в области транспорта, научно-техническое и культурное сотрудничество. В частности, десятая годовщина установления дипломатических отношений между Сеулом и Москвой не только стимулировала реальные проекты сотрудничества, но и содействовала развитию научного исследования отношений между двумя странами. Например, Ли Чхан Чже и Ли Чже Ен обсуждают текущую ситуацию в области корейских инвестиций в России, а также общих тенденций в российско-корейском экономическом сотрудничестве. Квон Вон Сун и Сун Вон Ен анализируют транспортное сотрудничество, уделяя особое внимание соединению Транскорейской и Транссибирской железных дорог³³. Син Бом Сик останавливается в своей оценке двусторонних отношений на социальных и культурных связях первого десятилетия официальных дипломатических отношений между Москвой и Сеулом³⁴.

И, наконец, в-седьмых, знаменательно, что с середины 1990-х гг. в российских исследованиях в Корею начали появляться культурные и антропологические подходы по отношению к современному российскому обществу. Например, Ким Су Хи рассматривает особенности российского общества в переходный период с помощью культурного подхода. Согласно его исследованию, особенности культуры, в частности культуры и менталитета элит, могут иметь существенное влияние на будущее системного преобразования в России³⁵. С другой стороны, Син Бом Сик делает попытку прогнозировать будущее российской демократии, исследуя восприятие и сознание как масс, так и представителей власти. Подробного рассмотрев поведение и менталитет россиян в историческом аспекте, Син выдвигает предположение, что новая политическая культура, вероятно, примет форму, которая может послужить основой для становления демократии в России³⁶.

Канг Чжон Вон провел исследование шаманизма сибирских народностей, основанное на антропологических методах. Согласно его анализу, несмотря на захват этих земель Россией и ее централизованную национальную политику, не признающую независимость этнических автономий, некоторые этнические группы Сибири сумели сохранить свою национальную идентичность. Этнические символы, сформированные в течение длительного времени, играют существенную роль для поддержания единства в пределах этнической группы или нации. Исходя из этого, Канг делает вывод, что якуты смогли сохранить свою собственную культуру и этническую идентичность, несмотря на длительное колониальное правление России, благодаря их собственной религии (шаманизму), языку и образу жизни³⁷. Другой пример антропологического исследования российской культуры? исследование Нам Ен Хо, посвященное даче. Для проведения этого исследования он собирал фактические данные, прожив полтора года в Иркутской области. Основываясь на обширных интервью с местными жителями и многочисленных посещениях дач местных жителей, он пришел к выводу, что устойчивый "миф", объясняющий культуру дач, ошибочен. В отличие от общепринятой точки зрения автор утверждает, что экономическая полезность и эффективность от выращиваемых на дачах овощей, зерновых культур и домашней птицы недостаточно высока, для того чтобы компенсировать затраты и усилия владельцев. Поэтому он рассматривает дачу как психологическую нишу для досуга и умственного расслабления, а также определенного страхования людей, неуверенных в обеспеченности своего будущего³⁸.

V. Дискуссии и предложения

Как было указано выше, российские исследования в Корею не только совершили быстрый рост за прошлое десятилетие, но также стали более разнообразными по тематике и дисциплинам. Вплоть до начала 1990-х гг., темы исследований были в большинстве своем сфокусированы на политических проблемах, включая внутреннюю, внешнюю политику и вопросы обороны, среди них советские/российские исследования в области внешней политики были самым продуктивными. Однако с середины 1990-х гг. направления исследований были значительно расширены, они затрагивали такие сферы, как природа государства, отношения государства и общества, социальные проблемы, а также политэкономия. Исследования, проводимые специалистами нового поколения, затрагивали различные проблемы на местном уровне, в то время как в фокусе предыдущих работ были главным образом общенациональные проблемы, а также события государственного уровня. Что касается подходов и методов, в некоторых из новых исследований применяется эмпирический метод, а также "метод среднего эше-

лона”, тогда как для работ, опубликованных до середины 1990-х гг., был характерен анализ макроуровня. Кроме того, существуют некоторые работы, применяющие антропологический и культурный подходы, основанные на обширных материалах опросов, интервью и отчетов. Создается впечатление, что такие новые тенденции были вызваны значительными изменениями, которым подвергся предмет изучения — содержание и направление смены систем в России, а также повышением уровня самих исследователей, улучшением инфраструктуры и финансирования для россиеведов Кореи.

На основе вышеупомянутых наблюдений хотелось бы обсудить некоторые проблемы в корейском россиеведении и поделиться предложениями для дальнейшего развития. Во-первых, несмотря на значимый рост за прошедшие несколько десятилетий в количественном отношении, россиеведы Кореи до сих пор не могут определиться со своей научной идентичностью. Зачастую в своих работах корейские ученые только подражают существующим теориям и методикам западных ученых или копируют их, не пытаясь воспринимать эти исследования критически³⁹.

Во вторых, многие корейские ученые склонны бесцельно бродить в поисках новых тем. Таким образом, россиеведы Кореи редко вовлекаются в горячие обсуждения и дебаты по определенным темам или теориям. В этой ситуации трудно ожидать появления фундаментальных и всесторонних исследований. Поэтому основная задача, стоящая перед россиеведами Кореи — продвижение кумулятивных исследований, накопление стандартных знаний по существующей литературе.

В-третьих (это связано с предыдущим пунктом), существенная часть научных изысканий, проводимых специалистами по России, посвящена политическим исследованиям (см. табл. 2). Поскольку в течение нескольких последних лет Сеул и Москва активно вели переговоры по таким вопросам сотрудничества, как транспорт и энергетика, число научных работ по этим темам резко увеличилось. Действительно, регионоведение не может быть изолировано от изучения социальных нужд и государственной политики. Однако профессиональный ученый не может постоянно находиться в поисках денежных средств для своих исследований, главным образом финансируемых правительством или деловыми кругами, в таком случае сообщество россиеведов Кореи не сможет создать достаточное количество научных работ, не говоря уже о создании местного регионоведения.

Таблица 2

Тенденции в исследованиях по вопросам транспорта и энергетики

Темы	Годы	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005*
TKR-TSR**	Нет		1	15	18	12	17	21	14
Проблемы	данных								
Нефть и газ		2	2	4	2	5	1	26	38

Составлено автором и основано на подсчете соответствующих статей по вопросам энергетики и транспортного сотрудничества между Кореей и Россией, находящихся в базе данных под индексом корейских статей на вебсайте Парламентской библиотеки Республики Корея.

*Цифры 2005 г. являются предположительными.

**TKR—Trans-Korean Railway (Транскорейская железнодорожная магистраль);
TSR—Trans-Siberian Railway (Транссибирская железнодорожная магистраль)

В-четвертых, еще одна особенность россиеведения Кореи заключается в том, что некоторые талантливые ученые прекращают заниматься исследованиями России. По различным причинам они внезапно меняют специализацию или просто отходят от дел. Это явление заставляет глубоко задуматься о дальнейшем развитии российских исследований в Корее.

В-пятых, как было сказано выше, с начала 1990-х гг. увеличивающееся правительственное финансирование было предназначено для регионоведения, для поддержания в эпоху глобализации молодых специалистов, занимающихся изучением зарубежных стран. Однако финансовая поддержка отдельных ученых и учреждений незначительна по сравнению с США или Японией, инфраструктура и штат специалистов, заинтересованных в исследованиях России в Корее, достаточно рассеяны. Таким образом, финансовая поддержка российских исследований на конкурсной основе — равно как и регионоведения в других областях — должна быть направлена на нескольких избранных учреждений. Наиболее важно для развития россиеведения в Корее усиление финансовой поддержки от правительства и крупных компаний.

Наконец, международное сотрудничество в сообществе россиеведов развивается слабо. Некоторые ученые поддерживают контакты с российскими учеными в индивидуальном порядке, однако можно сказать, что систематических контактов и сотрудничества с учреждениями, занимающимися исследованием России за границей на регулярной основе, не существует. Поэтому учреждения, заинтересованные российскими исследованиями, равно как и отдельные ученые, должны активно сотрудничать с соответствующими организациями в России, Соединенных Штатах, Японии и Европе.

1. Предмет этого обзора ограничен журнальными статьями, ссылки на книги и материалы конференций будут делаться иногда только в случае необходимости.
2. Предуказанные обзоры затрагивают только научные работы в области россиеведения, опубликованные до начала 1990-х гг., кроме того, существует и другая важная причина, по которой для данной работы выбран именно этот период — появление нового поколения российских специалистов. Молодые ученые, получившие свои кандидатские степени в России, стали возвращаться в Корею приблизительно в 1995 и 1996 гг. После возвращения они начали публиковать многочисленные работы, выступать на различных конференциях и семинарах.
3. *Hakjoon Kim. Russian and Soviet Studies in Korea: History, Development and Present Situation // Korea and Russia: Toward the 21st Century. Seoul: Sejong Institute, 1992.*
4. Первое поколение, согласно Киму, состоит из тех ученых, которые обучались в Западной Европе, Соединенных Штатах и Японии, а затем вели курсы по проблемам России/Советского Союза и занимались исследованием предметов, связанных с россиеведением и советологией в Корее. Второе поколение состоит из специалистов, получивших образование в университетах западных стран, а затем возвратившихся в Корею как специалисты по Советскому Союзу и России. Представители второго поколения являются учениками ученых первого поколения. Далее он выделяет ученых третьего поколения — корейских специалистов, обучавшихся в учебных заведениях России после установления дипломатических отношений между Сеулом и Москвой в 1990 г., и российских специалистов, получивших степень доктора философии в западных странах в 1990-х гг. См.: *Ким Хак Чун. Российские исследования в Корее: Размышления о прошлом и оценки // Чжунгсо ёнку. 2003/2004. № 4.*
5. *Чунг Хан Гу. Настоящее положение дел и задачи россиеведения в Корее: на примере общественных наук // Слабы Хакпо. 1993. № 8.*

6. *Чанг Хан Гу*. Краткий обзор исследований на российском Дальнем Востоке в Корее и за границей // *Россия Ёнгу*. Сеул, 1995. № 1.
7. *Ха Холь Ёнч*. Советские и восточноазиатские исследования. (Работа представлена на конференции, организованной Институтом регионоведения Сеульского национального университета, 8?9 нояб. 1996 г.).
8. *Ян Хён Су*. Россиеведение в Корее: достижения 1990-х. (Работа представлена на семинаре, организованном Корейской политической ассоциацией науки, дек. 1996).
9. *Мун Су Ын*. Россиеведение в Корее: настоящая ситуация и перспективы развития на основе анализа статей в Чжунсо ёнгу // *Чжунсо ёнгу*. 2003/2004. № 4.
10. *Юн Юн Ван, Ли Сын Хён*. Настоящая ситуация и задачи регионоведения в Корее // *Кукка чолляк*. 1996. № 1.
11. Оценка правительственных расходов бюджета. Корейский институт общественных финансов. Рабочий документ KIPF, дек. 2003.
12. В проект "Поддержка фундаментальных исследований" в 2005 г. была вложена сумма 130 млрд вон (приблизительно \$ 130 млн). По сравнению с грантами 2004 г. в этой категории, размер грантов в этой же самой категории в 2005 г. увеличился на 6,5%. 916 млн вон (приблизительно \$ 916 000) из этих грантов были ассигнованы на российские исследования в 2005 г. — http://www.krf.or.kr/nkrf/bus_info/25jiwon/2005_02.html, от 16.11.2005.
13. Действительно, как указано в Таблице 1, внутренняя политика, внешняя политика и экономика РФ остаются самыми популярными темами в российских исследованиях в Корее в течение этого периода. Однако, поскольку эта тенденция является продолжением предыдущей, я ограничился в своей работе только новыми тенденциями, проводя различие с направлениями предыдущего периода. Сожалею, что работы в некоторых узких областях, включая юриспруденцию и др., не учтены.
14. *Пак Су Хон*. Приватизация, общественные силы, и государство: системное преобразование и "приватизация посвященных лиц" в России // *Кукка чолля*. 1997. № 2; *Ли Ин Сонг*. Российская государственная система, политические и экономические реформы // *Кукче Чончхи Нончхон*. 2000. № 2.
15. *Ким Чханг Чжин*. Восстановление и государственная бюрократия в современной России // *Россия Ёнгу*. 2003. № 2; *Ким Чхан Чжин*. Государственность имперской России и ее наследие // *Кукче чонгчхи нончхон*. 2003. № 2.
16. *Ли Юн Хён*. Понимание природы российского государства. Сеул: М Эд, 2001.
17. *Ким Тэ Ван*. Неофеодализм как территориальное и экономическое управление: пост-социалистический опыт России // *Хангук чонгчхи хакхвебо*. 2002. № 1.
18. *Канг Хе Рён*. Государство и гражданское общество в России. Сеул: Орум, 2003.
19. *Чон Хон Чхан*. Социально-экономические факторы в российской политике: на примере групп поддержки партий на парламентских выборах 1993 и 1995 гг. // *Кукче чонгчхи нончхон*. 1988. № 1. С. 276?277.
20. *Кан Хён*. Сравнение российских профсоюзов: на примере Горьковского автомобильного завода и Георгиевского масложирокомбината // *Кукче чонгчхи нончхон*. 1998. № 1.
21. *Чон Хан Чан, Чан Док Чжун*. Ограничения в российской реформе, создаваемые перспективами отношений между регионами и центром: перцептивные различия между Москвой и Дальним Востоком // *Хангук чонгчхи хакхвебо*. 2000. № 2.
22. *Ким Сон Чжин*. Реформа и регионализм в России (1990?1993): социологическое исследование Совета народных депутатов // *Хангук чонгчхи хакхвебо*. 2001. № 3; *Он же*. Глобализация, суверенитет и федеральные отношения: значения российских экологических проблем // *Хангук чонгчхи хакхвебо*. 2004. № 3.
23. *Ли Ён Квот*. Изменения и развитие региональных партий в Российской Федерации: на примере Свердловской области // *Кукче чонгчхи нончхон*. 2004. № 1.
24. *Ким У Чжун*. Новый политический порядок в Сибири: отношения между Москвой, Сибирью и российским Дальним Востоком // *Кукче чонгчхи нончхон*. 2000. № 3; *Хан Бён Чжин*. Динамика государственной реформы власти и рынка в России // *Хангук чонгчхи хакхвебо*. 2005. № 2.

25. *Ким Тэ Ван*. Политическая экономия сопротивления рынка при финансовой реформе России: “двойное движение” между рыночными и антирыночными силами // *Кукче чонгчхи нончхон*. 2003. № 1.
26. *Хан Бён Чжин*. Динамика государственной реформы власти и рынка в России // *Хангук чонгчхи хаххвебо*. 2005. № 2.
27. *Лим Кён Жун*. Неолиберальная стратегия посткоммунистического переходного периода: критический обзор // *Хангук чончхи ёнгу*. 1999.
28. *Чой У Ик*. Формирование и особенности деловых элит в России // *Российские исследования*. 1998. № 1; *Он же*. Изменения в социальных классах и социальная стратификация в современной России // *Слабы хакп*. 2000. № 1.
29. *Ким У Сын*. Изменения в социальной структуре России: преемственность и изменения // *Слабы хакп*. 1996. № 2; *Он же*. Россия и русские. Сеул: Минён-са, 1998.
30. *Бэ Чжан Хан*. Социальный капитал и неофициальные сети в России: на примере Новосибирска // *Кукче чонгчхи нончхон*. 2003. № 3; *Чой Тэ Ган*. Доверие и недоверие в российском обществе // *Слабы хакп*. 2003. № 1.
31. *Чанг Док Чжун*. Приватизация жилья и жилищная реформа в России // *Чжунг-со ёнгу*. 2003. № 1; *Сун Вон Ён*. Жилищная реформа и изменения условий жилья // *Конганква сахве*. 1998. № 10; *Ом Гу Хо*. Жилищная политика России: дилемма между равенством и эффективностью // *Сеге чиек ёнгу*. 1996.
32. Согласно Муну, за период 1979—1990 гг. число статей по российско-корейским отношениям, опубликованных в “Чжунг-со ёнгу”, одном из ведущих журналов по россиеведению в Корею, было только две. Однако в 1991—2003 гг. число статей по экономическому сотрудничеству между Кореей и Россией, опубликованных в том же самом журнале, составило девять. См.: *Мун Су Он*. Указ. соч.
33. *Ли Чан Чже*. Инвестиции Кореи на российском Дальнем Востоке: настоящее положение и перспективы // *Чжунг-со ёнгу*. 1996. № 2; *Чжэ-ёнз Ли*. Изменения в российской внешнеэкономической политике и перспективы российско-корейского экономического сотрудничества // *Чжунгсо ёнгу*. 1997. № 2; *Каон Вон Сун*. Конкуренция стран Северо-Восточной Азии в процессе соединения Транссибирской и Транскорейской железных дорог // *Тхониль хангук*. 2002. № 10; *Он же*. Значения и эффективность соединения Транссибирской — Транскорейской железных дорог: перспективы сотрудничества в СВА // *Тонбуга кёнчже ёнгу*. 2002. № 3.
34. *Син Бом Сик*. Десять лет корейско-российских отношений: на примере общественных и культурных отношений. (Работа была представлена на конференции, посвященной 10-ой годовщине установления дипломатических отношений между Южной Кореей и Россией. Сеул, 27 сент. 2000 г.).
35. *Ким Су Хи*. Анализ структуры менталитета русских с помощью культурного подхода // *Ноономунхак ёнгу*. 1995; *Кан Чжон Вон*. Костюм Шамана: культурные изменения у якут и росиское колониальное правление // *Росия ёнгу*. 2003. № 1.
36. *Син Бом Сик*. Политическая культура в России во время переходного периода // *Слабы хакпо*. 2003. № 2.
37. *Кан Чжон Вон*. Указ. соч.; *Он же*. Национальная идентичность якутов и российская национальная политика // *Пигё мунхва ёнгу*. 2004. № 1.
38. *Нам Ён Хо*. Некоторые мифы о даче. (Работа была представлена на семинаре, организованном Корейской ассоциацией славянских исследований, 24 сент. 2005 г.).
39. *Ким Чан Чжин*. Предложения для развития россиеведения в Корею. (Работа была представлена на семинаре, организованном Корейской ассоциацией славянских исследований, 17 апр. 1999 г.).

Наши рефераты

**Ли Пэйлинь. Десять лекций о гармоничном обществе. Пекин: 2006.
372 с. Шэхой кэсюе вэньсянь чубаньшэ.**

В начале XXI в. в политическом лексиконе КПК появился термин "хэсе шэхой" — "гармоничное общество". Воспринять его, очевидно, не просто — как в самой КНР, так и за ее пределами. В России кое-кто считает это "пустышкой": социальная гармония — мол, утопия, как нечто, "отрицающее движение и развитие которые проявляются исключительно в борьбе".

К выдвиганию самой мысли о гармоничном обществе современные руководители КПК пришли, как представляется, в результате многолетних мучительных раздумий над реалиями своей страны и состоянием нынешнего китайского общества, над негативными последствиями подхода к проблемам Китая и идейно-политического курса партии в прошлом. Хорошую возможность разобратся во всем этом, углубить понимание политики КПК на современном этапе дает книга директора Института социологии Академии общественных наук Китая Ли Пэйлиня. (Далее при ссылках в скобках указываются страницы упомянутого сочинения Ли Пэйлиня.)

Как подчеркивает в самом начале своей работы автор, "важную стратегическую задачу строительства гармоничного социалистического общества" выдвинул коллектив руководителей ЦК с Ху Цзиньтао в качестве генерального секретаря (С. 5). Далее из текста следует, что главными проводниками этой идеи являются генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао и премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао (С. 58). Т.е. при несомненной связи с предшественниками, налицо почин, инновация коллектива современных руководителей.

Речь идет о поиске путей строительства социализма в Китае, где ныне пришли к выводу, что оно происходит не на основе высоко развитого капитализма (как предполагали зачинатели марксизма), и не есть

то же самое, что являла собой практика других социалистических государств (С. 3). Речь идет не о сохранении прежнего социализма, а о новом понимании социализма, которое формируется ныне в Китае.

С особым упорством отрицается воздействие на прежнюю КНР идеологии и практики плановой экономики в СССР. На это, впрочем, "списывается" осуществлявшийся Мао Цзэдуном курс на "крупномасштабное и обобщественное хозяйство" — т.е. деятельность периода "народных коммун". Утверждается, что именно это превратилось на некоторое время в суть понимания социализма в Китае (С. 4). (Здесь уместно напомнить, что в китайских органах, разрабатывавших политику в сфере сельского хозяйства, не работало ни единого специалиста из нашей страны и что при создании КНР из Москвы Мао Цзэдуну давался совет не ущемлять богатых крестьян).

В решении 6-го пленума ЦК КПК 16-го созыва была впервые сформулирована мысль о том, что суть самобытного китайского социализма — социальная гармония, или гармония в обществе. Утверждается, что это решает проблему развития социализма в условиях рыночной экономики, содержится требование, чтобы социалистический строй в еще большей степени благоприятствовал гармонии в обществе и всесторонне согласованному устойчивому развитию (С. 5). Упомянутый пленум указал на необходимость "строить богатое и мощное демократическое цивилизованное гармоничное модернизированное государство" (С. 6).

Мирное согласование интересов людей в обществе — это и важная теоретическая новация, и в то же время практический путь к осовремениванию жизни в Китае, к его модернизации во всех отношениях. Речь при этом идет об обеспечении ре-

шения практических проблем, об ускоренном развитии и об углублении реформ (С. 22—23).

В КНР поставлена задача добиться, чтобы в 2020 г. среднедушевой доход составил 3 тыс. долл. США. При этом в большей части районов в дельте рек Чжунцзян и Янцзы, то есть в самых богатых и процветающих местах, он должен достичь 5 тыс. долл., тогда как в некоторых районах центральной и западной части Китая еще не составит и 1 тыс. долл. Таковы реалии Китая.

Самое трудное при строительстве того, что в Китае называют сейчас сяохан шэжой — общество среднего достатка (т.е. достижение уровня безбедного существования) — это, продолжает Ли Пэйлинь, — добиться повышения доходов крестьян, сокращения или уменьшения разрыва в уровне жизни между городом и деревней и согласованного развития экономики и общества (С. 21).

Именно серьезность ситуации в стране и привела современных руководителей Китая к мысли о необходимости держаться идеи социальной гармонии при решении проблем. Они полагают, исходя из исторического опыта собственной партии и государства, что иные пути не привели и не приведут к решению таких проблем. При этом они понимают, что то гармоничное общество, которое они имеют в виду, отличается от идеального (С. 27). Иными словами, речь идет не об идеальном коммунистическом обществе, а о необходимости полного отказа от методов беспощадной борьбы против кого бы то ни было в обществе. Налицо — последний по времени шаг на пути отказа от идеи “классовой борьбы”.

Сейчас разница между городом и деревней в уровне доходов, пишет Ли Пэйлинь, составляет в среднем 20 лет, а между крупными процветающими городами (Шанхаем, Пекином и др.) и деревней, особенно в западной части страны — более 50 лет (С. 31). При этом в китайской деревне сейчас числится более 100 миллионов бедных людей. Это тоже — специфика положения в стране (С. 31).

Еще одна особенность Китая — большой разрыв в развитии и в доходах между регионами. При этом доходы в развитых растут быстрее, чем в отстающих. В первой половине 2004 г. в пяти процветающих провинциях и городах эта цифра достигала: в Шанхае 8513 юаней, в Пекине 7836 юаней,

в провинциях Чжэцзян — 7771 юань, Гуандун — 7264 юаня, Фуцзянь — 5879 юаней. Т.е. там средний полугодовой доход (7453 юаня на чел.) вырос за год на 12,4%. А в пяти провинциях и автономных районах с минимальным уровнем доходов (в Нинся, Цинхае, Ганьсу, Хэйлунцзяне, Синьцзяне), средний доход за первую половину 2004 г. составил 3661 юань на чел., вырос за год лишь на 10,9% (С. 32).

По словам Ли Пэйлиня, после того как в целом по стране среднедушевой уровень доходов достиг 1 тыс. долл., разрыв между бедностью и богатством продолжал стремительно увеличиваться, множились трения, конфликты интересов между различными слоями общества, причем некоторые конфликты были “довольно острыми” (С. 32).

Еще одна особенность ситуации в Китае: весьма велики численность крестьян и доля сельского населения. В ближайшие 5 лет города должны принять более 100 млн избыточной рабочей силы из крестьян, хотя число безработных в Китае и без того растет (С. 32).

В КНР удалось добиться, что в 2004 г. численность населения возросла всего лишь на 8 млн с небольшим. Но этому сопутствует процесс старения населения (С. 33).

Перечислив эти особенности положения в стране, Ли Пэйлинь утверждает: если в ближайшие 15 лет удастся обеспечить порядок в обществе, стабильность политической структуры и их непрерывное совершенствование, избежав крупных зигзагов и трудностей, то Китай сможет добиться новых успехов, внесет особый вклад в опыт мирового развития (С. 35). Представляется, что речь идет о необходимости углубления и ускорения реформ, включая и реформы политической структуры, причем исключительно методами мирного согласования интересов.

Таковы намерения современных руководителей КПК. Их курс представляется разумным, альтернативным многому из того, что делалось ранее и считалось общепризнанным. Однако на пути осуществления предложенной ими политики много препятствий как внутри правящей партии, так и в китайском обществе в целом. В прошлом многие попытки проводить разумную альтернативную политику оканчивались неудачей, наталкиваясь на интриги и силовые действия. Остается надеяться, что нынешних реформаторов не постигнет судьба их предшественников (Лю Шаоци,

Пэн Дэхуая, Ху Яобана, Чжао Цзыяна).

Изложив эти положения общего характера, Ли Пэйлинь переходит к подробному рассмотрению ряда конкретных вопросов. Нам представляется важным остановиться на “сань нун вэньти” — “трех проблемах села” (проблема собственно села, проблема производства на селе, проблема жителей села). Именно это в КНР считают главной трудностью на пути всестороннего строительства общества среднего достатка.

Доля сельского хозяйства составляет в КНР 15% от валового внутреннего продукта. Из числа работающих — в сельхозпроизводстве около 50% всех занятых. Доля сельского населения — 62% (С. 45). Селяне — это две трети населения страны, их доходы — одна треть от доходов горожан (С. 47).

Ли Пэйлинь подчеркивает: “Мы должны в полной мере учитывать трудности преобразования села, должны ясно понимать, что в Китае невозможно построить всестороннее общество среднего достатка в ситуации, когда крестьяне составляют подавляющее большинство населения страны” (С. 47).

Конечно, в Китае за 30 лет реформ произошли изменения, каких не было на протяжении тысячелетий. Например, около 250 млн крестьян перестали заниматься сельхозпроизводством. Но для обработки всей пахотной земли в Китае необходимо всего лишь 150 млн чел, а их там ныне 360 млн. Значит, более 200 млн крестьян должны переквалифицироваться, перестать быть крестьянами (С. 47—48). Иначе говоря, через 15 лет в Китае доля сельского населения должна будет составлять около 10%. В этом, считает Ли Пэйлинь, спасение Китая. Но осуществимо ли это?

Ситуация осложняется еще и острой проблемой бедности. По официальным китайским данным, численность бедных за время реформ снизилась с 250 млн до 30 млн. Однако если исходить из международных стандартов, то долю бедных в КНР придется поднять с 4% до 18%. Иными словами, в бедности здесь ныне живет 140 млн человек (С. 48).

Уровень доходов крестьян, которого можно достичь в 2020 г., будет равен среднему уровню жизни жителей городов в начале 2000 г. В 2002 г. средний уровень доходов горожан достиг 7 тыс. юаней. В 2020 г.

доход крестьян составит, по расчетам, 6860 юаней (С. 54 — 55).

В 2004 г. ЦК КПК поставил вопрос о постепенной всесторонней или полной отмене сельскохозяйственного налога. Первоначально это планировали осуществить в течение 5 лет, а фактически уже к концу 2005 г. по всей стране за исключением двух провинций (где налог снизили) его полностью отменили. Сельскохозяйственный налог существовал в Китае более 2 тыс. лет. Объявление о его отмене — важное решение современного руководства партии (С. 55).

Но при всем этом, констатирует Ли Пэйлинь, разрыв между богатыми и бедными в Китае не только не уменьшается, но драматически быстро растет. В 2004 г. в Шанхае среднедушевой ВВП составил 50 тыс., в провинции Чжэцзян приблизился к 24 тыс. юаней, а в провинции Гуйчжоу составил лишь 4 тыс. юаней: налицо громадный разрыв (С. 56). Причем разрыв существует и между деревней и городом, и внутри и деревни, и города.

Немалая часть людей ощущает: в то время как у других доходы растут, у них они, напротив, падают. Это опасный сигнал. В обществе возникают некие сомнения относительно реформ вообще. Это находит свое проявление, в частности, в интернете. Например, немало рабочих и служащих, “освобожденных”, как говорят в КНР, со своих рабочих мест (то есть уволенных и ставших безработными), ощущают, что их интересы постоянно ущемляются. Они не получают от реформ никаких выгод, принуждены брать на себя бремя за обретение жилища, оплаты лечения, тогда как “железной площадки (пиалы риса)”, т.е. гарантированной работы и зарплаты не стало. И они задаются вопросом: что же дала реформа? Не решив эти проблемы, трудно обеспечить стабильное и быстрое, устойчивое развитие.

Переосмысливая реформы, пишет Ли Пэйлинь, мы ни в коем случае не вправе отрицать их в принципе. Реформы — это основа. Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао подчеркивают необходимость углубления реформ, что весьма важно для достижения идеологического единства. Китай сейчас встретился с новыми проблемами, но это происходит на этапе развития. На каждом этапе необходимо решать свои актуальные проблемы, однако нельзя на основе картины,

которая имеет место сегодня, отрицать прошлое, вносить хаос в идеологию; это не есть правильный метод при взгляде на историю.

Размышления Ли Пэйлиня представляются важными. Очевидно, что в последние годы в Китае идет процесс переосмысления реформ, в том числе и всей их истории. Очевидно также, что у части людей, в том числе внутри правящей партии, существуют сомнения относительно реформ в целом. При этом ссылаются на положение самых бедных слоев в городе и на селе.

Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао занимают иную позицию. Они исходят из необходимости осмыслить новое положение в Китае, новое состояние китайского общества, новые проблемы и найти новые решения как актуальных, так и долгосрочных проблем, добываясь, в первую очередь, идейного единства, базирующегося на двух положениях: неотвратимости углубления реформ и необходимости мирного согласования интересов всех слоев общества.

Углубляясь в первопричины бедности села, Ли Пэйлинь напоминает о весьма распространенном явлении, когда долги волостей составляют миллионы, а долги деревень — сотни тысяч юаней. Финансовые риски не только существуют в Китае, но постепенно превращаются в “мертвые долги”. При этом принято утверждать, что они накапливались “при прежних руководителях”. В конечном счете, государству придется брать их выплату на себя (С. 61).

В последние годы в КНР в долг построено много новых вузов. Строительство каждого обошлось в сотни миллионов юаней. Хотя руководители вузов являются по совместительству “юридическими лицами”, но они лишь какое-то время находятся на своих постах и не в состоянии выплачивать долги, объясняя трату средств необходимостью улучшать учебный процесс и т.п. И эти долги придется платить государству (С. 62).

Ли Пэйлинь убежден: Китай не может себе позволить снизить темпы экономического роста, так как именно рост численности населения примерно на 7 млн чел. в год и требует экономического роста в 8—9% (рост в 3—4% недостаточен) (С. 62).

На жизни населения и в городе, и в деревне сказывается и невозможность расширить внутреннее потребление. И не из-за отсутствия денег: накопления увеличиваются. Но люди не хотят тратить.

Обеспечение жизни в старости, расходы на медицину, на обучение детей в школах и вузах — люди не знают, во сколько все это обойдется. Поэтому, имея деньги, не хотят их тратить. В результате потребление слишком незначительно поддерживает экономику. Особенно сказывается разрыв между городом и деревней: крестьянам не по карману многие из тех предметов быта, которыми пользуются горожане. Например, телевизорами завалены магазины в городах, там их трудно продать даже ниже себестоимости, а в деревнях западной части Китая все еще в ходу маленькие черно-белые телевизоры (С. 63).

Нарисовав такую картину, Ли Пэйлинь приходит к важному выводу: нужно одновременно добиваться и экономического роста, и социального развития — т.е. развития и экономики, и общества (С. 64). Эта мысль, на первый взгляд, проста и бесспорна, но путь КПК к признанию такой постановки вопроса оказался отнюдь не легким.

Далеко не случайно, что разъяснение этого тезиса Ли Пэйлинь начинает с напоминания о негативных последствиях осуществлявшегося длительное время (особенно, в пору “культурной революции”) курса “считать программным положением классовую борьбу”. На это, напоминает он, было указано на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. (вслед за завершением “культурной революции”). А в 1987 г. на XIII съезде КПК была выдвинута теория первоначального этапа строительства социализма и основная линия на строительство социализма со своеобразием Китая. Тогда же появилась установка: считать строительство экономики центром работы. Однако кое-где это примитивно сводили к “считать центром только рост валового внутреннего продукта” (С. 64).

В КНР, констатирует Ли Пэйлинь, кое-где отделяли экономический рост от социального развития, т.е. от вопроса о развитии общества. Действовали методами, при которых ради роста ВВП приносили в жертву другие интересы, что в реальной жизни приводило к негативным результатам: утрачивалось экономическое равновесие, ухудшалась окружающая среда, серьезными становились явления разложения, вносился хаос в общественный порядок, в дело безопасности в обществе (С. 64).

Ли Пэйлинь напоминает о формуле

“развитие есть непреложная истина” (в Китае известно, что это сказал Дэн Сяопин). Ли Пэйлинь подчеркивает, что развитие — это не только рост ВВП; должный смысл развития в том, чтобы с помощью экономического роста вести вперед развитие общества (С. 64). Он также отмечает, что до начала политики реформ и открытости в Китае довольно долго осуществлялась стратегия “догнать и перегнать” с акцентом на тяжелую промышленность. Тем самым предполагалось: “прежде всего — производство, быт — дело десятое”. В результате возник порочный круг: капиталовложения были оторваны от потребления, имела место нехватка потребительских товаров, поднять уровень жизни не удавалось.

В ходе осуществления политики реформ и открытости была осознана необходимость тесной связи производства и потребления. Первая волна роста экономики увязывалась с удовлетворением нужды в пропитании и одежде, вторая волна — с удовлетворением спроса на бытовую электротехнику, третья повлекла новую метаморфозу: если ранее мечтали о жилье и автомобиле, то теперь имеют в виду расходы на образование, лечение, на сбережение окружающей среды (С. 65).

Вывод Ли Пэйлиня: доминировавшее прежде утверждение, будто экономический рост деньги дает, а социальное развитие есть трага денег, устарело. В нем-то и таится одна из причин пренебрежения к социальному развитию (С. 66). Он также отмечает: теперь удалось вырваться за рамки установок, что “в земледелии основа всего — зерно, а в промышленности — сталь” (С. 72).

Все эти рассуждения, факты позволяют глубже понять термин “гармоничное общество”. Начинает же Ли Пэйлинь “от печки” — с напоминания, что именно на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. оказалось возможным осудить негативные последствия “культурной революции”, политики времен Мао Цзэдуна, включая его установку на смертельную “классовую борьбу” внутри страны и в мировом масштабе. Показательно, что в книге Ли Пэйлиня позитивно оценивается XIII съезд КПК, который проходил под руководством тогдашнего генсека ЦК КПК Чжао Цзыяна, продолжавшего и развивавшего линию своего предшественника Ху Яобана.

Далее возникает более глубокое понимание борьбы вокруг установки о строи-

тельстве экономики, как центре всей работы партии. Ныне вполне очевидно, что здесь существовали, да и сохраняются еще противоречия. Внутри партии, среди ее самых авторитетных руководителей были такие, что соглашались с осуждением некоторых сторон политики Мао Цзэдуна, особенно во время “культурной революции”, но стремились сохранять в неприкосновенности созданную им политическую структуру. Они признавали необходимость решения экономического проблем, но не допускали реформ применительно к политической жизни ни в партии, ни в стране. Соответственно установка на то, чтобы считать центром работы экономическое строительство, трактовалась исключительно как курс на рост ВВП, что означало разрыв между ростом экономическим и социальным. Ради роста экономики, прежде всего военного потенциала, приносились в жертву интересы реальной жизни реального, непрестанно изменяющегося и обновляющегося общества. Ли Пэйлинь утверждает, что развитие — это не только рост валового внутреннего продукта (на чем, очевидно, остановился Дэн Сяопин). Суть развития: чтобы с помощью роста экономики вести социальное (общественное) развитие.

Итак, заслуга нынешних руководителей КПК — в том, что “заставили сиять заново” само понятие “общество”, выдвинув это на первый план. Социальное развитие становится в современном Китае главной целью работы партии.

Далее Ли Пэйлинь переходит к “трем проблемам села” как ключевому моменту строительства общества средней зажиточности. Чтобы решить эти “три проблемы”, необходимо, прежде всего, сделать все возможное, чтобы повысить доходы крестьян. В 2002 г. чистый годовой доход крестьянина в среднем составил 2476 юаней. На протяжении 24 лет реформ этот показатель возрастал в среднем на 7,2% в год. Самый быстрый рост наблюдался в 1979—85 гг. (на 15,2% в год). На протяжении 17 лет после 1985 г. составлял в среднем 4%; с 1998 г. на протяжении трех лет снижение темпов роста стало особенно заметным.

Если мы, пишет Ли Пэйлинь, хотим добиться, чтобы чистый средний годовой доход крестьянина в 2020 г. достиг среднегодового дохода городских жителей за 2002 г., т.е. достиг 7700 юаней, нужно, чтобы темпы роста дохода крестьян составля-

ли вплоть до 2020 г. 6% в год. Для этого надо оптимизировать структуру сельхозпроизводства, уменьшить налоговое бремя крестьян, добиться перераспределения финансовых доходов и расходов.

Сейчас доходы органов исполнительной власти на местах двух уровней — уезда и волости составляют лишь 21% от финансовых доходов в масштабах страны. А на финансовом попечении их — 71% населения страны. Если подобные вопросы не решать, будет трудно выбраться из заколдованного круга, когда бремя, падающее на плечи крестьян за время реформ, сначала облегчалось, но в конечном итоге каждый раз утяжелялось.

То, что за время реформ и открытости в Китае около 250 млн крестьян переключились в работников неземледельческого труда, представляет собой, по оценке Ли Пэйлиня, изменение, “какого не было тысячу лет”. Начиная с середины 1990-х гг. в связи с повышением уровня структуры производства волостных и уездных предприятий, увеличением концентрации капитала и техники, их способность абсорбировать сельскую рабочую силу уменьшилась, и перемещение крестьян в города стало основным каналом перелива избыточной сельской рабочей силы.

Справедливое отношение к рабочим из крестьян, гарантия их законных прав, содействие тому, чтобы избыточная сельская рабочая сила упорядоченно переливалась из сферы сельского хозяйства — все это должно обеспечиваться в системном порядке...

Чтобы разрешить “три проблемы села” надо также повысить темпы превращения крестьян в горожан. Городские власти должны конкретно планировать преобразование рабочих из крестьян, в новых жителей городов. При этом вопросы об их прописке, жилье, занятости, об охране их труда, медицинском обслуживании, образовании для их детей — все это нужно организовывать в системном порядке.

Далее Ли Пэйлинь снова обращается к проблеме бедняков. За время реформ их численность непрерывно сокращалась: в 1978 г. было 250 млн, в 1985 г. — 125 млн, в 1994 г. — 80 млн, а ныне — 30 млн. Однако принятый в Китае стандарт бедности не равнозначен международному, хотя и корректируется по мере роста доходов. В 1980-х гг. уровень бедности в деревне определялся как чистый среднегодовой доход

на человека в сумме 200 юаней, в 1994 г. — 440 юаней, а сейчас — уже 625 юаней. Но в деревне есть немало людей, чьи доходы лишь немного превышают указанный минимум. Если черту бедности поднять на 200 юаней, численность бедняков в деревне возрасла бы до 90 млн (С. 81).

Если же исходить из международных стандартов бедности (по которым средне-суточные доходы и потребление не достигают и одного доллара США), то численность бедных в китайской деревне с нынешних 4% возрастет до 18% — т.е. охватит более 140 млн чел. (каждого десятого в стране). Это опасно.

Проблема бедности остается первоочередной для современного Китая. При этом бедной остается вся деревня соотносительно с городом. Мало того, растет число бедняков и в городах. В 2002 г. в городах из числа городских жителей более 20 млн были вынуждены пользоваться ежемесячным пособием на сумму от 150 до 300 юаней. 14 млн из них — люди из числа уволенных и безработных. Фактически же, по этому показателю к числу бедствующих горожан относится около 30 млн чел.

Пока нет признаков вероятности уменьшения разрыва в доходах. Однако необходимо ограничивать тенденцию к увеличению разрыва. Возможны рецидивы возмущения людей с низким уровнем доходов, так как их слишком много. Надо и возможно выбрать наиболее оптимальные пути решения проблем (С. 82).

Ли Пэйлинь указывает на необходимость одновременного осуществления урбанизации и строительства новой деревни.

Урбанизация идет быстро. В 1993 г. ее уровень составлял 28%, а в 2004 г. — более 42%. В последние годы рост урбанизации держится в среднем на уровне около 2%. В начале периода реформ было 193 города, а теперь — более 660, в том числе свыше 40 с числом жителей свыше 1 млн. Но слишком быстрая урбанизация породила ряд социальных проблем. Например, дефицит воды. В очень многих городах по берегам Янцзы и на Северо-Востоке Китая вода сейчас не хватает. Есть еще и проблемы транспортных пробок, загрязнения окружающей среды, энергоснабжения (С. 83).

Наконец, Ли Пэйлинь разбирает “три новых проблемы села”.

Первая из них — проблема рабочих из крестьян. Таковых, напомним, числится

около 100 млн, еще около 150 млн работают на поселковых предприятиях. Когда-то в Китае об этих людях говорили: "Оторвались от земли, но не оторвались от родной деревни". Однако нынешние рабочие из крестьян — это, по сути, люди, оторвавшиеся и от земли, и от родных деревень. Надо прилагать усилия, чтобы решать их проблемы, улучшать положение. В настоящее время и условия труда этой категории, и то, что связано с льготами по труду — все нарушается, отмечает Ли Пэйлинь. Нарушения трудового законодательства распространены повсеместно, причем очень многие противозаконные действия не наказываются (С. 85).

Фактически, в КНР появился "новый рабочий класс" или новая часть рабочего класса. Причем, пока что это — в основном, бесправная часть общества или китайские неимущие нового времени. Эта часть рабочего класса Китая существует уже несколько лет, но остается практически вне руководства со стороны партии и государства. Коль скоро КПК считает себя "авангардом рабочего класса" — перед ней стоит задача стать и авангардом рабочих из крестьян. Все это — большие и трудные проблемы современной реальной жизни в Китае.

Вторая новая проблема села, возникшая в самое последнее время, касается крестьян, теряющих землю. В ходе ускоренной урбанизации превращения сельских земель в городские опережает процесс превращения крестьян (живущих на этих землях) в горожан. Это вызвало ряд острых социальных противоречий. Во многих районах возникли инциденты, массовые выступления возмущенных, столкновения с полицией (когда землю у крестьян реквизировали, их дома разрушали).

Нетрудно представить настроение крестьянина, который за годы реформ построил на своем участке двух- или трехэтажный дом, вложил в это деньги, полагая, что уж недвижимость у него никто никогда не отнимет. Но вдруг землю у него изымают, дом разрушают. Таков результат стимулирования урбанизации (например, при прокладке шоссе из Пекина к курортному городку Чэндэ перед Олимпийскими играми или передачи участков земли в районе города Ханчжоу крупным корпорациям).

По мнению Ли Пэйлиня, подоплека проблемы обезземеленных крестьян во многих случаях обусловлена распределе-

нием глубоких по характеру интересов годы, связанных с землей. В последние годы повсеместно ускоряется строительство; урбанизация во многих случаях осуществляется посредством денежной компенсации за землю. Причем использование последней, конечно же, подлежит изменению. Это, констатирует Ли Пэйлинь, по сути дела, полезно для развития экономики с точки зрения экономического развития (С. 85). Сельскохозяйственное использование земли трансформируется в использование для нужд промышленного производства или торговли. И цена возрастает в десятки раз. Все это приносит свою пользу и для роста ВВП, и для развития экономики, общества в целом. В процессе такого возрастания цен на землю, однако, быстро сокращается площадь пахотных земель. Таким образом, мы в Китае, констатирует Ли Пэйлинь, как говорится, "проедаем ту пищу, которая предназначается нашим потомкам". К тому же распределение доходов от этой земли оказывается нерациональным.

После того, как крестьянский участок стал использоваться для промышленного производства или торговли, стоимость его многократно подскочила; из этой "прибавки" новому хозяину достается более 50%, правительству (властям) — 20%, часть берет коллектив деревни. А в руки крестьянина попадает... лишь около 5%. Более того, крестьянин, оставшись без земли, теряет профессию, будучи лишен и системы социального обеспечения. В Китае сегодня о таких крестьянах говорят: "те, у кого нет трех вещей" (земли, профессии, социального обеспечения) (С. 86). Это знаменует появление еще одного слоя неимущих, или пролетариата нового времени.

Третья из "новых трех проблем села" — исчезновение деревень. Из-за широкомасштабного отчуждения земель численность деревень, поселений сокращается средними темпами по 70 в сутки: либо деревни объединяются в поселки, либо несколько небольших — в одну побольше. При этом там выделяется часть земли для обработки. Процесс идет чрезвычайно быстро: "административных деревень" (т.е. считающихся административными единицами) в 1992 г. было более миллиона, а в 2003 г. оставалось лишь 650 тыс.

Какие проблемы все это несет? В настоящее время система социального обеспечения не покрывает всю сельскую мест-

ность. Жизнь в деревне изначально сочеталась с своеобразной системой взаимопомощи, при которой односельчане помогали друг другу: родственники, соседи, семьи, семейные кланы и роды, коллективы. Известна система “пять гарантий” — своеобразное социальное обеспечение среди селян на принципах “*шужэнь шэхой*” (“сообщества людей, знакомых между собой”). Однако после того как такие деревни стали включаться в состав городов, их жители разъединялись, расплываясь по разным жилым кварталам; вместо изначального общества знакомых оказывались в обществе совершенно неизвестных им людей. Новичкам этого “общества незнакомцев” требуется система социального обеспечения, но они не включались в существующую систему социального обеспечения (С. 86).

Проблема обезземеленных крестьян, продолжает Ли Пэйлинь, обрела весьма острый характер. В очень многих провинциях и городах центрального подчинения ради ее разрешения разрабатываются меры. Во многих местах уже изменены прежние методы. В соответствии с законом компенсация при реквизиции земли у крестьянских семей исчисляется из расчета оплаты урожая, скупленного с этой земли на корню за 10 лет, однако во многих местах сумму такой компенсации слишком занижали. Денег, которые выплачивались крестьянам за землю, ни в коем случае не хватало на дальнейшую жизнь, поэтому возникало очень много противоречий (С. 86). По мнению Ли Пэйлиня, в некоторых районах, где дело поставлено хорошо, после

урегулирования вопроса о дополнительных критериях (при плате за землю) очень быстро возникает “новая обстановка”, исключающая помехи для развития производства, строительства зданий на этой земле, операций с недвижимостью (С. 86—87).

Итак, вполне очевидно, что в современном Китае речь идет о том, чтобы со всей возможной глубиной и откровенностью анализировать проблемы страны и общества, искать пути их решения. В свое время нам приходилось писать о том, каково реальное положение в Китае, ссылаясь на таких авторов, как Хэ Цинлянь, Ван Лисюн, Чэн Сяонун, Цао Цзиньцин, Чжан Мушэн, Вэнь Тецзюнь, Ли Чанпин. Теперь многое из того, что ранее публиковалось за пределами Китая, стали печатать в КНР. В частности, в книге крупного специалиста в области социологии, получившего, судя по его биографии, образование и на Западе, директора Института социологии Академии общественных наук Китая Ли Пэйлиня. Все это свидетельствует о стремлении современных китайских руководителей искать решение реальных проблем страны.

Книгу Ли Пэйлиня с полным основанием можно рекомендовать всем, кто интересуется Китаем. В этой работе помимо главного, на наш взгляд, вопроса (т.е. вопроса о китайском крестьянстве, китайской деревне и китайском земледелии) рассматривается ряд важных проблем современного китайского общества, подвергнуты анализу его структура, вопросы занятости, регионального развития, проблематика “общества среднего достатка” и пр.

Рецензии

Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга 2. 1945—2000 годы. Алматы: Дайк-пресс, 2006. Ч. 1. 428 с.; Ч. 2. 396 с.

Современное корееведение на пространстве СНГ получило развитие не только в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, но также в Казахстане, Узбекистане и других государствах Центральной Азии. В числе ведущих востоковедов, плодотворно работающих на уровне актуальных корейских исследований, — Г.Н.Ким, профессор Казахского национального университета им. Аль-Фараби, автор серии содержательных научных трудов, самым значительным достижением которого стала двухтомная "История иммиграции корейцев, 1945—2000 гг.", созданная на обширной базе источников и материалов, скрупулезно собранных и систематизированных автором на основе его многочисленных стажировок в различных университетах и гуманитарных центрах мира.

К началу XXI в. (статистика 2005 г.) за пределами Корейского полуострова проживало более 6,6 млн корейцев, в т.ч. в Китае — 2,4 млн, США — 2,08 млн, России и других странах СНГ — 532 тыс., Японии — 901 тыс. человек. Довольно крупные корейские диаспоры возникли в Канаде (198 тыс.), Центральной и Южной Америке (107 тыс.), Западной Европе (107 тыс.), а также в Юго-Восточной Азии, Австралии, ближневосточных и африканских странах (С. 242). Гигантский миграционный приток вовлек новые массы корейского населения в процессы глобализации, породив вместе с тем сложнейшие проблемы межкультурного взаимодействия, адаптации, натурализации, а нередко и ассимиляции.

Рецензируемый двухтомник является логическим продолжением моногра-

фии Г.Н. Кима "История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. — 1945 г." (Алмааты, 1999). Автор анализирует современные тенденции основных международных миграций и на этой базе послевоенные демографические процессы на Корейском полуострове. Драматический раскол Кореи, братоубийственная война 1950—1953 гг., дальнейшая ожесточенная конфронтация между Сеулом и Пхеньяном и другие негативные явления вынудили все возрастающее число корейцев искать работу и пристанище в других странах.

Социальное и правовое положение представителей этой волны иммиграции существенно отличалось от положения первых корейских переселенцев на Гавайи в конце XIX века. В 50—70-х гг. XX в. в США въехало большое число (более 28,5 тыс.) корейцев в качестве невест и жен военнослужащих США. Одновременно в США были вывезены десятки тысяч сирот, оставшихся без родителей и крова в годы войны. Эта категория переселенцев могла претендовать на обретение полного гражданства США. Однако на практике процесс их адаптации оказался крайне болезненным. Многие корейки, жены американцев, как отмечал ряд исследователей, были буквально ошеломлены различиями в двух культурных стереотипах, тяжело страдали от своей малообразованности, массовых разводов, отчужденности и изолированности (С. 200). Что же касается многих тысяч корейских сирот, то в течение короткого времени они оказались полностью ассимилированными.

Социальная структура корейской

эмиграции в США заметно меняется после бурного экономического подъема Южной Кореи. За получением образования в американских колледжах и университетах ринулись многие тысячи молодых корейцев, выходцев из новых средних слоев. На родину после учебы вернулось лишь 6% молодых специалистов, которые составили новую интеллектуальную волну корейской диаспоры в США.

Автор книги отмечает, что корейцы довольно прочно обладают одним из наиболее высоких стандартов образования среди различных этнических групп Америки. Уже в 1970—1980-х гг. доля людей 25-летнего возраста с образованием по программе колледжа составила среди корейских иммигрантов 36,3%, в то время как среди японцев — 15,9, китайцев — 26,6, темнокожего населения — 5%. Достаточно стабильным было и материальное положение американских корейцев. По статистике 1990 г., средний размер годового семейного дохода корейцев составил 33,9 тыс. долл., т.е. был ниже дохода американской семьи лишь на 1326 долл. Вместе с тем доля корейских американцев, обладающих доходом ниже официальной черты бедности, достигала 13—14% (С. 232).

Обстоятельно и глубоко исследованы Г.Н. Кимом правовые и социальные проблемы корейцев, которые стали селиться в Японии еще во времена протектората. В 1991 г. японские власти после длительных проволочек предоставили право “постоянного проживания” всем корейцам, находившимся в стране до заключения Сан-Францисского мирного договора 1952 г. Вместе с тем официальной линией Токио остается курс на натурализацию, а затем и ассимиляцию корейской диаспоры. “Натурализация в Японии, — отмечает Г.Н.Ким, — означает не только принятие ее гражданства, но и отказ от корейских национальных фамилий и этнической идентификации...” (С. 384). За период 1952—1999 гг. натурализацию в Японии прошли более 233 тыс. человек, или более 73,6% от всех подавших официальные прошения.

Китай является единственным госу-

дарством в мире, где после победы революции был создан (3 сентября 1952 г.) Енбенский корейский автономный округ. Власти КНР уделяют повышенное внимание Енбенскому округу, стремясь вовлечь его в процессы ускоренной модернизации всей страны. Поощряется курс на сохранение и развитие корейского языка и культуры. В последние два-три десятилетия Енбен был неоднократно признан “образцовым” среди других национальных автономий страны (С. 292). Вместе с тем одной из острых проблем автономии является слабое знание корейским населением китайского языка, что является серьезной преградой на пути интеграции автономии в общекайтайское экономическое и культурное пространство.

На основе богатой демографической статистики написаны разделы монографии, посвященные миграционным процессам корейского населения в СССР и на постсоветском пространстве. Стойко пережив депортации, политические репрессии, ограничения в гражданских правах, корейцы России и других стран СНГ (особенно в Казахстане и Узбекистане) становятся активными субъектами созидательных процессов. В РФ не случайно корейцев относят к “образцовой диаспоре”, внедряющей в общество многовековые традиции трудолюбия и прилежания. Однако ликвидация компактных корейских поселений, закрытие в годы тоталитарного режима национальных школ, исчезновение языковой среды привели к тому, что около 90% молодых корейцев не владеют языком. Немногочисленные школы с этнокультурным корейским уклоном не могут исправить положение. Поэтому программа возвращения корейской диаспоры СНГ к своему языку вряд ли носит реалистический характер, не без основания отметил Г.Н. Ким на международной научной конференции в Фонде Горбачева в октябре 2007 г.

Ценные, во многом уникальные первоисточники позволили Г.Н. Киму раскрыть многие специфические черты прихода корейского населения в самые различные регионы и страны мира. Опросы

корейских иммигрантов, как отмечает автор, показали, что преобладающими причинами их прибытия в западные страны мира "...являлись желание дать детям качественное англоязычное образование, возможность увидеть иной мир, религиозная миссионерская деятельность, недовольство политической или социально-культурной атмосферой в Корее, браки с иностранцами и т.д." (С. 219).

Каковы исторические последствия во многом стихийного вовлечения огромной массы корейского этноса в мировые миграционные процессы? Автор книги логически подводит читателя к мысли о том, что миллионы корейцев, поселившихся в XX в. в других странах и регионах, не следует расценивать как утрату для Корейского полуострова. Охваченные межкультурным синтезом корейские ди-

аспоры объективно играют роль "мостов" между их первой и второй родиной. Будучи образцовыми гражданами в новых странах, подавляющая масса иммигрантов не порывает органических семейно-родственных связей с Корейским полуостровом. Не менее важным является то, что корейские интеллектуальные иммигранты с их мультикультурой играют особую роль в переносе на Корейский полуостров новейших достижений науки и технологии.

На сегодняшний день ни на Юге, ни на Севере Кореи нет столь энциклопедического труда, каким является двухтомник Г.Н. Кима. Хотелось бы выразить уверенность в том, что капитальный и содержательный труд Г.Н. Кима увидит в дальнейшем свет на корейском и английском языках.

© 2008

*Вл. Ф. Ли,
доктор исторических наук*

Юбилей ученого

Леониду Моисеевичу Гудошникову — 80 лет

В это трудно поверить, но Леониду Моисеевичу Гудошникову исполнилось 80! По житейской мудрости, научной эрудиции, умению разговаривать с людьми, внимательно слушать их и давать точный и нужный совет он, без всякого сомнения, входит в число наиболее уважаемых и любимых коллег, наставников, учителей. Он один из немногих, к кому с охотой и надеждой идут за научной консультацией, добрым словом, просто поговорить.

Леонид Моисеевич получил хорошее образование, семья воспитала в нем те нравственные принципы, которые всю жизнь служили опорой и крепкой на непростом пути человека и ученого. Тогда же проявился интерес к литературе и живописи.

Окончив в 1950 г. юридический факультет Института внешней торговли МВТ СССР, Л.М. Гудошников поступает в аспирантуру этого же института и вскоре успешно защищает

там кандидатскую диссертацию по проблемам организации судебного дела в Китайской Народной Республике. После этого он приступает к работе в академическом Институте государства и права, где им были написаны три монографии, множество научных статей по тематике высших и местных органов государственной власти Китая. Как видим, круг его интересов постепенно расширяется. Уже на следующем этапе своей научной карьеры (в 1971 г. он становится доктором юридических наук) Леонид Моисеевич стремится в своей деятельности охватить не только вопросы юриспруденции, но и развития, трансформации политической системы, формационных изменений в китайском обществе. Большое подспорье ему оказал и неоценимый опыт, приобретенный за годы работы в Московском государственном институте международных отношений в качестве преподавателя. За 5 лет, что были отданы воспитанию и обучению будущих дипломатов, Л.М. Гудошников принимал участие в написании двух монографий, им было опубликовано множество статей, подготовлено большое количество учебных и методических пособий. Постепенно приходит понимание и все большая уверенность в правоте той мысли, что политико-юридические исследования неизбежно включают в себя более углубленное изучение правовых инструментов политики, всей организации политической системы КНР. Именно всесторонняя и масштабная научная работа над общими проблемами государства и права приводят Л.М. Гудошникову в 1974 г. в Институт Дальнего Востока, где он возглавляет сначала сектор, а потом и отдел.

Институт в эти годы оказался задействован в сложном и многогранном конфликте руководства СССР с китайскими лидерами. Но несмотря на известную заданность, ангажированность отдельных работ, выходявших тогда из-под пера ученых, подавляющее большинство базовых оценок, верность анализа тенденций и направлений развития оказалась подтверждена всем последующим ходом истории. Л.М. Гудошников и его коллеги исходили из того, что в Китае, даже в самые трудные для страны периоды истории, существовало право как теоретическое и практическое понятие; правовые нормы не возникли вдруг, а развивались и эволюционировали в условиях влияния богатейшей истории и культурных традиций; нормативное регулирование имело свои национальные особенности и, вместе с тем, общие характерные черты. Можно сказать, что некоторые теории, ставшие известными многим советским и российским ученым из учебников, по сути дела создавались и применялись на практике Л.М. Гудошниковым и его коллегами — правоведами, историками, политологами. Именно методы современного институционализма, компаративистики, системности стали базовыми при изучении вопросов современной политико-правовой системы КНР, а затем и Тайваня.

Леонид Моисеевич и те, кто или формально входил в возглавляемые им подразделения института, или же становился соавторами монографий, сборников статей, аналитических справок и т.д., внесли заметный вклад в понимание тех процессов, которые и сейчас охватывают практически все стороны жизни соседней страны. Из-под их пера в разные годы вышли такие работы как: “Политический механизм Китайской Народной Республики”, “Китай после “культурной революции” (политическая система, внутривластная структура)”, “Политическая структура КНР (1949—1982)”, “Основные законы и постановления Китайской Народной Республики (1971—1981 гг.)”, “Китайская Народная Республика. Законодательные акты”, “Современное право в КНР”, “Государственный строй Китайской Народной Республики”, “Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти)”, “Правовые аспекты модернизации КНР (экономика и научно-технический прогресс)”, “Политическая система Тайваня”, “Многopартийность на Тайване”, “Эволюция властных структур Китая”, “Как управляется Китай” (2 издания), “Политическая система и право КНР в процессе реформ”. Леонид Моисеевич является одним из организаторов и автором справочно-аналитической серии брошюр под общим названием “Современный Тайвань”, активно сотрудничает с ежегодным изданием ИДВ “Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура”, журналом “Проблемы Дальнего Востока”. Он авторитетнейший соавтор учебников, методических пособий, монографических исследований, подготовленных юридическими, правоведами организациями федерального уровня. Долгие годы под его руководством проводились внутринститутские конференции, посвященные современному внутреннему положению в Китае.

При всей огромной загруженности работой, Леонид Моисеевич остается абсолютно “открытым” человеком. Он готов поделиться мыслями, советом с известным ученым и аспирантом, заслуженным ветераном и только начинающим свой жизненный и творческий путь молодым исследователем. Хотя никто не вправе позволить себе при этом фамильярность или панибратство. Л.М. Гудошников — редкий, а потому особенно ценный представитель настоящей отечественной интеллигенции.

Долгие годы жизни Вам, уважаемый Леонид Моисеевич! Творческих успехов, благодарных учеников и верных товарищей и коллег!

*Дирекция, общественные организации
и сотрудники Института Дальнего Востока*

*Редколлегия и редакция журнала
“Проблемы Дальнего Востока”*

Ледовский Андрей Мефодьевич
16.10.1914 г. — 29.11.2007 г.

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН с прискорбием извещают, что 29 ноября 2007 г. ушел из жизни видный отечественный китаевед, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол Андрей Мефодьевич Ледовский.

Андрей Мефодьевич прошел славный трудовой путь. Родился он в 1914 г. в семье крестьянина-бедняка в Астраханской области. Учился в школе-коммуне, работал в колхозе. В 1933 г. окончил Рабфак при Астраханском рабоче-промышленном институте, работал учителем, директором сельской школы, окончил физико-математический факультет Астраханского учительского института.

В 1939 г. был направлен на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР, которую окончил в 1942 г., и был направлен на дипломатическую работу в Китай. Его первая командировка в эту страну длилась 10 лет. Был секретарем Посольства СССР, консулом в г. Ланьчжоу, Генеральным консулом в Бэйпине, Мукдене. В последующие годы служил советником Посольства СССР в США, Послом СССР в Бирманском Союзе (1959—1966 гг.). В 1973—1980 гг. был заместителем председателя Президиума Союза советских обществ дружбы. Находясь на практической работе, он занимался и наукой. С 1980 г. работал в ИДВ.

В ИДВ РАН и в науку Андрей Мефодьевич пришел уже сложившимся ученым. С тех пор, полностью посвятив себя научной деятельности, он сосредоточился на изучении советско-китайских отношений, основываясь на архивных документах, многолетнем личном опыте и уникальных знаниях, приобретенных за годы дипломатической службы. Большое значение для отечественной и мировой науки имела деятельность А.М. Ледовского в Комиссии по рассекречиванию архивных документов в Архиве Президента РФ и Архиве внешней политики РФ. Благодаря ему в научный оборот был введен огромный пласт ранее неизвестных документов и материалов, позволивших устранить многие искажения в освещении революционного процесса в Китае, в истории советско-китайских отношений. Автор нескольких монографий и большого числа статей, он щедро делился своими энциклопедическими знаниями с коллегами. Вызывала уважение и гражданская позиция Андрея Мефодьевича Ледовского, неизменно преданного идеалам верного служения своему народу, глубокого патриотизма, высокой гражданской ответственности и профессионализма.

Многолетняя и безупречная деятельность Андрея Мефодьевича отмечена высокими правительственными наградами.

Друзья и коллеги Андрея Мефодьевича скорбят по поводу кончины этого замечательного человека, человека большой души и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память об Андрее Мефодьевиче Ледовском навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации и сотрудники ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

XVII Международная научная конференция “Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы” состоится 22—24 октября 2008 г. в Москве, в Институте Дальнего Востока РАН.

Главная тема конференции — *“30 лет реформ в КНР. Опыт, проблемы, уроки”*.

Конференция проводится совместно Институтом Дальнего Востока РАН, Научным Советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, Обществом российско-китайской дружбы, Российско-китайским комитетом дружбы, мира и развития.

Научная программа XVII конференции кроме двух пленарных заседаний включает работу следующих секций:

- Экономические аспекты реформ в КНР;

- Международные отношения КНР в контексте политики открытости и реформ;

- Политическая история Китая в период реформ;

- Общество и культура периода реформ.

Во время конференции планируется проведение “Круглого стола” на тему: *“Путь Китая в будущее”*.

Приглашаем российских и зарубежных ученых принять участие в работе конференции.

Информация о конференции размещена на сайте: www.ifes-ras.ru.

С целью своевременной публикации тезисов докладов организаторы конференции просят авторов соблюдать следующие условия: заявка на участие и подача тезисов осуществляются до 15 мая 2008 г.; объем тезисов не должен превышать 8000 символов с пробелами (в формате RTF на дискете); Ф.И.О. (полностью), место работы и ученая степень автора указываются в правом верхнем углу. Сноски, которыми желательно не перегружать текст, должны располагаться в конце тезисов. Заявку с указанием электронного адреса и телефона автора следует направлять с пометкой в “Оргкомитет” по адресу: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН или по электронной почте: gog-bupova@ifes-ras.ru.

Председатель оргкомитета заместитель директора ИДВ РАН Асланов Рустам Мамедович (тел. 124-01-29).

Секретарь Научного Совета РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая Горбунова Светлана Алексеевна (тел.124-07-04).

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.12.2007 г. Подписано к печати 18.01.2008 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 12,4 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 783 экз. Зак. 896

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2008 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.